А. И. РОДИМЦЕВ

ДОБРОВОЛЬЦЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уроженец Урала гвардии генерал-полковник дважды Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев широко известен как участник национально-освободительной войны в Испании, а впоследствии как командир 13-й гвардейской дивизии, покрывшей себя неувядаемой славой во время обороны Сталинграда, затем командир гвардейского корпуса, с большим героизмом громившего немецко-фашистских захватчиков при освобождении Украины, Польши, Чехословакии.

В этой книге А. И. Родимцев рассказывает, с какой доблестью и отвагой выполнили свой интернациональный долг советские добровольцы, сражавшиеся в 1936—1938 годах против фашистов за свободу трудового испанского народа. С большой теплотой отзывается автор о своих боевых товарищах — мужественных антифашистах Испании и других стран, самоотверженно защищавших на испанской земле общее дело всего прогрессивного человечества.

Литературная запись Юрия Матюхина.

- Добровольцы-интернационалисты
  -
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - С ИСПАНИЕЙ В СЕРДЦЕ
  - ФОТОГРАФИИ
  - МОЙ ДРУГ ПЕДРО
  - ГВАДАЛАХАРА
  - ВСЕ РОЗЫ ВАЛЕНСИИ
  - ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ С РУБЕНОМ ИБАРРУРИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Добровольцы-интернационалисты

А. И. РОДИМЦЕВ

ДОБРОВОЛЬЦЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1976

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга — память о моих боевых друзьях, добровольцах-интернационалистах, сражавшихся под знаменами республиканской Испании. Мы были молоды и радовались жизни. Но именно эти молодые сердца и любовь к жизни подсказали нам встать в ряды волонтеров свободы, встать по одну сторону баррикады русским и испанцам, венграм и немцам, чехам и болгарам, австрийцам и французам. Мы говорили на разных языках. Но это не мешало нам понимать друг друга. Ведь, когда поют «Интернационал» на разных языках, рабочие люди — братья по классу хорошо понимают глубокий смысл этого гимна пролетариев.

Разные судьбы свели нас в окопах под Мадридом, у стен Брунете и под Гвадалахарой. Кадровый военный Кароль Сверчевский, бывший рабочий Мигель и дочь графини Франческа, венгерский писатель Мате Залка и сын профессиональной революционерки Рубен Ибаррури грудью встали на защиту завоеваний Испанской республики. Мы сражались против фашизма.

Не каждому довелось дожить до сегодняшнего дня. Многие сложили свои головы на полях сражений. Но имена их не забыты. В ранее вышедших книгах, в журнальных и газетных статьях я рассказывал о многих советских добровольцах, бойцах интернациональных бригад. Некоторые имена по разным причинам были вымышленными. В этом издании я хочу исправить эти расхождения, назвать подлинные имена ленинградца, провожавшего меня в Испанию, — Николая Никифорова и медицинской сестры Лидии Хариной, на руках которой умер Рубен Ибаррури. После выхода первых книг, я познакомился с рядом новых, ранее неизвестных документов, фотокопий, получил сотни писем от читателей, ветеранов войны в Испании, в которых уточняется и дополняется ряд эпизодов. Я считал своим долгом внести эти изменения в книгу. Мы помним своих боевых друзей и хотим, чтобы их знало молодое поколение. Боевым соратникам, бойцам интернациональных бригад, сражавшихся в Испании, посвящаю эту книгу.

А. Родимцев

С ИСПАНИЕЙ В СЕРДЦЕ

Шло лето 1936 года. У меня — тогда командира пулеметного взвода — дни проходили в напряженной службе в одном из подмосковных военных лагерей. И, разумеется, я не думал, что назревавшие на далеком Пиренейском полуострове события привлекут внимание всего мира и сыграют роль в моей службе.

18 июля 1936 года в Испании вспыхнул контрреволюционный мятеж. Заручившись поддержкой фашистских диктаторов Гитлера и Муссолини, мятежники начали открытые военные действия.

Весь испанский народ встал на защиту своих завоеваний. «Но пасаран! — Они — фашисты — не пройдут!» — клич, брошенный в эти дни Долорес Ибаррури соотечественникам, стал лозунгом всех прогрессивных людей мира. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — говорила она, соратница легендарного Хосе Диаса. И эти слова тоже облетели весь земной шар.

Я узнал подробности этих событий 3 августа 1936 года на Красной площади, где состоялся стотысячный митинг. Москвичи пришли с лозунгами: «Руки прочь от революционной Испании!» Тысячи людей из многих стран приняли вызов, брошенный фашизмом. И наряду с представителями трудящихся других стран в Испанию собрались ехать многие советские добровольцы. В их числе был и я.

…Дежурный по полку Саша Собакин сообщил мне, много дней томившемуся в ожидании:

— Тебе приказано завтра к 17 часам прибыть…

Он назвал улицу и номер дома.

В назначенное время явился по вызову. Волнуясь, открыл дверь кабинета. Из-за стола поднялся и подошел ко мне комдив Семен Петрович Урицкий. Пожал руку, предложил сесть.

— Нам известно, — начал он, — что вы более трех лет командуете пулеметным взводом в полковой школе… Мы согласны, Александр Ильич, удовлетворить вашу просьбу. Поедете в Испанию. Там нужны пулеметчики. Готовьтесь. В газете «Правда» от 1 сентября опубликовано обращение молодежи Испании «Молодежь мира, слушай!». Читали?

— Да.

— Туда едут лучшие люди. Держитесь, как подобает советскому человеку. Документы получите завтра в 12 часов.

На следующий день, уже в гражданском костюме я вновь предстал перед Урицким.

— Ну вот и камарада Павлито явился, — встретил он меня. — Запомните это. До Парижа вы Родимцев, а в Испании — Павлито

Гошес. Вместе с вами отправится еще один товарищ, ленинградец Николай Никифиров.

— Как мы встретимся?

— Он найдет вас на вокзале.

Удостоверение личности, партийный билет комдив предложил сдать на хранение. Прощаясь, он крепко пожал руку, пожелал счастливого пути и потом, немного помедлив, добавил:

— Ждем Героем на Родину.

— Служу Советскому Союзу!

…Я приехал на Белорусский вокзал за пятнадцать минут до отправления поезда. В ожидании попутчика прогуливался по платформе, посматривая на часы, разглядывал отъезжающих.

— Павлито! — раздался за спиной негромкий голос.

Незнакомый человек знает мое новое имя? Пройдя несколько шагов, я остановился: может, это тот самый? «Вас встретит наш товарищ…» Обернулся: коренастый широкоплечий парень, с гладко зачесанными назад каштановыми волосами пристально смотрел на меня, словно хотел убедиться, что перед ним действительно Павлито.

— Разрешите познакомиться?

Я протянул руку, он вручил мне железнодорожный билет и деньги. Поезд уходил через пять минут.

— Торопись, — шепнул он.

Едва я успел войти в вагон, как паровоз дал гудок и состав медленно отошел от перрона. Открыл дверь в свое купе — у окна за столиком сидел тот самый парень.

— Входи, чего растерялся?

За разговорами незаметно летело время, спать не хотелось. Поезд мчался на запад. Когда состав остановился на небольшой станции и мы увидели скромную вывеску: «Ст. Негорелое», в купе вошли таможенники, спросили документы, просмотрели их. Все оказалось в порядке. Они пожелали нам счастливого пути.

Здесь мы пересели в вагон прямого сообщения до Парижа. А там я расстался с московским попутчиком. Мне вручили удостоверение личности и предупредили, что на пути в Барселону меня встретят и скажут, что делать.

В поезде Париж — Барселона ко мне подошел улыбчивый, жизнерадостный человек:

— Будем знакомы: Петрович, Кирилл Афанасьевич. В Испании, Павлито, станем работать вместе. Задания будешь получать от меня.

Много позже я узнал, что энергичный Петрович — это Кирилл Афанасьевич Мерецков, впоследствии Маршал Советского Союза.

На испано-французской границе нас пропустили свободно: документы были вполне исправными.

В Барселоне посадили в автобус и вместе с другими добровольцами повезли в центр города. У небольшого скромного дома в тихой улочке машина остановилась.

— Выходите, — приветливо распорядился шофер.

В доме уже были такие же, как и мы, «гости». Одни, утомившись после долгой и трудной дороги, отдыхали на узеньких диванчиках, что стояли вдоль стен. Другие, столпившись возле единственного телефона, уговаривали строгого дежурного соединить их немедленно с земляками, чтобы как можно быстрее отправиться в часть, на передовую. Группа французских добровольцев расстелила на полу карту и, склонившись над ней, разбирала положение на фронте. На втором этаже было устроено нечто вроде походной столовой. Нам предложили по куску холодной баранины, по стакану вина и апельсины.

— Долго пробудем в Барселоне? — спросил я Петровича.

— Сегодня едем.

На второй день поезд доставил нас в Мадрид.

Картинно красива река Мансанарес. Она словно соревнуется в праздности и беззаботности с раскинувшимися по ее берегам кварталами Мадрида. Бросается в глаза зеленый небольшой островок — парк Каса дель Кампо — излюбленное место отдыха горожан. А дальше, за ним, слышны народные испанские песни. Это поют рабочие предместья Карабанчель. Черноголовые юркие ребятишки целыми днями вонзают здесь деревянные кинжальчики в тряпичных худосочных быков. Профессия тореадора в Испании и романтична, и денежна. Бой быков — это не только развлечение, тем более для бедных, тех, кому ради куска хлеба надо рисковать жизнью на корриде. Это и верный способ сделать карьеру, стать знаменитым. В Испании матадор так же знаменит, как во Франции кинозвезда.

В Мадриде огромный университетский городок. Правда, за учебу надо платить большие деньги. Я бродил по улицам, наблюдал за студентами и не мог, конечно, представить, что скоро здесь, в аудиториях, придется держать оборону. Впрочем, прогулки по городу продолжались недолго: Петрович предупредил, что нас вызывают в военное министерство.

Туда мы отправились втроем, с переводчицей Хулией. При входе, у ворот, нас встретил офицер штаба Центрального фронта. Часовой у контрольного пункта важно перелистал наши документы и, улыбнувшись, похлопал меня по плечу: «Салюд, камарада!»

Мы прошли во двор, потом по широкой мраморной лестнице поднялись на второй этаж к командующему Центральным фронтом генералу Посасу, только что назначенному на этот пост. Пожилой, седеющий, бодрый, он принял нас вежливо и немного шумно, как обычно все испанцы.

В углу его кабинета стояли маленький круглый стол, красивые кресла. В миниатюрные, почти игрушечные чашечки ординарец налил ароматный кофе. Генерал начал свой рассказ о положении дел в стране и на фронте. Он говорил не спеша, с расстановкой, подробно характеризуя состояние войск, техники, вооружения. Хулия быстро переводила.

Командующий сетовал, что у республиканцев нет организованной армии, наспех сформированные и необученные бригады несут большие потери. Разрозненные дружины и милиция еще не окрепли и не выдерживают натиска отборных войск Франко. Дисциплина слабая, отмечаются самовольные уходы солдат с фронта домой. Особенно плохи дела на тех участках фронта, где оборону держат анархисты. Генерал подошел к висевшей на стене карте:

— Фашисты прорвали во многих местах первую линию обороны Мадрида. Они перерезали железнодорожную магистраль у Сиемпосуэлос и при поддержке артиллерийского огня и авиации развивают наступление по Толедской дороге на Хетафе. Остановить этот натиск нечем. Резервов нет. Только коммунисты не опускают рук. Они быстро формируют батальоны и бригады из 5-го коммунистического полка, который стал кузницей, своего рода массовой академией по подготовке кадров для воинских соединений.

Правительство до сих пор медлило с реорганизацией отдельных отрядов милиции в регулярные части, плохо занималось созданием новой революционной народной армии. И коммунисты на примере 5-го полка показали, какой должна быть новая армия. Они не остановились только на том, что собрали людей под одно знамя. Члены партии проводили с новобранцами кропотливую политико-воспитательную работу. В 5-м полку печатались свои листовки, газеты.

Генерал говорил, что не все еще потеряно. Перед самым городом тысячи мадридцев строят вторую линию обороны — роют траншеи, сооружают укрепления, оборудуют огневые позиции. Он считал, что если жители поверят в надежность укрытий, созданных своими руками, то они будут защищать Мадрид до последней капли крови.

Мы узнали от командующего, что в армии не хватает офицеров и младших командиров. На роты и взводы назначаются

преданные республике рабочие и крестьяне. Они храбрые, отважные бойцы, но в военном деле разбираются слабо.

— Надо их научить воевать, — сказал генерал.

— Хорошо, — согласился Петрович. — Мы поможем создать учебный центр.

Много разных и неотложных дел свалилось на нового командующего. Его предшественник генерал Асенсио мало занимался военными вопросами, его больше привлекало общество красивых женщин. И новый командующий генерал Посас пытался наверстать упущенное.

Обстановка складывалась крайне тяжелой и сложной для республиканской Испании. Посас показал на карте район, где готовится контрудар. Он планировался в направлении Толедской дороги.

Вечером Петрович дал мне первое задание:

— Завтра рано утром, Павлито, поедешь в Альбасете. Это небольшой городок, около пятидесяти тысяч жителей. Он на линии железной дороги Мадрид — Аликанте. В Альбасете — военный арсенал и учебный центр по формированию интернациональных бригад. Займешься обучением испанцев пулеметному делу.

На следующий день я приехал туда. Меня поместили в номере гостиницы. На всех этажах слышалась разноязыкая речь. Здесь жили англичане и французы, поляки и румыны, болгары и немцы, венгры и чехи, люди других национальностей — добровольцы, приехавшие, чтобы в рядах интернациональных бригад защищать от мятежников республиканскую Испанию.

В гостинице я встретился со своим давним другом Дмитрием Александровичем Цюрупой. В начале тридцатых годов мы вместе учились в кавалерийском дивизионе Объединенной военной школы имени ВЦИК. Мы крепко обнялись, расцеловались и наперебой стали выкладывать друг другу свои заботы, новости, впечатления. Зашли в ресторан поужинать, заняли столик у окна. Митя шепнул, что к нам сейчас обязательно сядут испанцы. Они искренне восторгаются русскими, приехавшими из Советского Союза. Израсходуют последние песеты, но обязательно будут угощать нас. И нельзя отказываться: это обидит их.

Вскоре появилась молодая пара. Высокий парень пригладил черные волосы, поправил небрежно закрепленную на боку кобуру с пистолетом. С ним — девушка в черном платье с белой повязкой на рукаве, с черно-красным галстуком. Они огляделись и направились к нашему столику. Попросили разрешения, сели. Познакомились:

— Франческа, — назвалась девушка.

— Павлито, — ответил я.

— Мигель, — приподнялся парень.

— Фридо, — улыбнулся Митя.

Кивая на меня, Франческа заметила Мите:

— Очевидно, камарада прибыл сюда недавно, я его до этого не видела?

Митя утвердительно кивнул. Мы разговорились.

Полушутя, наши новые друзья рассказывали, как они познакомились, как дружили. Франческа изъяснялась по-русски, а когда ей не хватало слов, обращалась к родному языку. Тогда я просил Митю перевести.

Известие о начале контрреволюционного мятежа генералов во главе с Франко застало Мигеля и Франческу на пляже. Они не обратили внимания на странное сообщение радиостанции, которая передавала сводку погоды. Диктор настойчиво повторял: «Над всей Испанией безоблачное небо» — это был условный сигнал к действиям фашистов.

Примчавшийся на пляж друг Мигеля отозвал его в сторону и по секрету, не желая расстраивать девушку, сообщил о мятеже. Ничего не сказав Франческе, парни убежали. Она обиделась и легла загорать. Неладное заметила только тогда, когда пожилая женщина с гурьбой ребятишек стала шумно собираться домой.

— Разве будет дождик? — спросила Франческа.

Та ответила:

— Хуже!.. Война…

Франческа решила стать пулеметчицей. В большом мрачноватом здании были шум, гам, неразбериха. Немедленной отправки на фронт требовали все. И группа пожилых рабочих-анархистов, и журналист какой-то провинциальной газеты, и стареющий тореадор. Все они энергично размахивали руками, совали в нос друг другу какие-то документы и умоляли выдать им оружие.

Дождавшись очереди, Франческа подошла к дежурному и как можно смелее изложила свою просьбу зачислить ее в пулеметный расчет.

Дежурный смерил взглядом хрупкую девушку с ног до головы и предложил пойти в прачечную воинской части. Она готова была разреветься от такого предложения. Ей казалось, что ее унизили, оскорбили. Ради республики она не боялась черной работы, но стирать белье, когда нужны бойцы в окопах!.. Кто-то пытался шутить:

— Небось — графиня, где уж ей стирать солдатские подштанники!

Она резко одернула обидчика:

— Эй ты, долговязая жердь, прикуси язык! — И твердо повторила дежурному: — Или ты запишешь меня в пулеметчики, или я найду место, где к моей просьбе отнесутся более внимательно.

Франческу зачислили на курсы пулеметчиков. Две недели занятия должны были проходить в Мадриде, а затем вся группа собиралась в Альбасете. Но настроение омрачалось: она ничего не знала о Мигеле. Ее возлюбленный занимался партийными делами, выполнял много поручений, участвовал в создании отрядов милиции, собирался на фронт. И только за день до отъезда они встретились, и оказалось, оба направлены в Альбасете.

Беззаботно и весело было на вечерних улицах этого городка. Работали рестораны, кафе, театры. Возле киосков и табачных лавочек, у кино толпился народ. Будто и никакой войны нет, будто фашистские летчики не бомбят республиканские города. Только кобуры да винтовки добровольцев напоминали, что где-то идут сражения.

Утром я отправился с переводчицей в арсенал на работу. В огромном сарае цепочкой вытянулись узкие столы из шершавых досок, у стен — верстаки. Всюду толпились молодые люди, одетые кто во что горазд. Трудно разобрать: то ли это слесари-сборщики, то ли солдаты. Одни щеголяли в новеньких синих комбинезонах, другие пришли в обыкновенных пиджаках и, боясь их запачкать, надели длинные замасленные фартуки. Третьи разжились полувоенными элегантными костюмами цвета хаки… Добровольцы из разных стран…

Работа шла полным ходом. Кто расколачивал и вскрывал длинные ящики с новеньким вооружением, кто укладывал на стеллажи детали и счищал густую заводскую смазку. Большая группа работала на сборке. На столах валялись пулеметы различных систем и марок мира: «сент-этьен», «гочкис», «шош», «льюс», «викерс», «максим» и другие. Республиканское правительство успело закупить оружие в разных странах, пока не начал свою подлую деятельность лондонский «Комитет невмешательства», который играл на руку фашистам.

Мы шли с переводчицей Хулией по арсеналу, всматриваясь в лица добровольцев. Что чувствуют эти люди, разные по национальности, по характерам, по политическим убеждениям и взглядам? Что привело их в Испанию? Почему они оставили за тысячи километров свои семьи, променяли домашний уют на тревожные фронтовые дороги?

Наверное, причина та же, что и у меня, у всех приехавших в Испанию советских добровольцев — Родиона Яковлевича

Малиновского, Кирилла Афанасьевича Мерецкова, Николая Гурьева, Дмитрия Цюрупы, Ивана Татаринова, Дмитрия Погодина, Павла Батова, Николая Воронова, генерала М. С. Шумилова и многих других, — ненависть к фашизму. Эта ненависть и объединила многих людей мира.

У одного стола, собравшись в кучу, бойцы горячо спорили, жестикулировали, что-то доказывали друг другу. Там я увидел Франческу и Мигеля и направился к ним. Хулия шепнула мне:

— Павлито, поздоровайся по-испански: «Салюд, камарада!»

Я несколько раз повторил про себя эту фразу и все же вместо «салюд» громко и неловко произнес — «салут». Но Франческа, звонко засмеявшись, подбодрила:

— Ничего, Павлито, скоро ты научишься говорить по-испански.

Многие вообще не обратили на это внимания: они знали испанский не лучше, чем я. И их занимал вопрос, как собрать замок пулемета «максим». Каждый предлагал свой вариант, но не получалось.

Я взял детали и, не торопясь, показывая всем каждую, медленно собрал замок. Для доказательства спустил курок, он щелкнул: все правильно. Я снял плащ, который мешал работать, засучил рукава и начал собирать весь пулемет. Естественно, что сделал это быстро.

Добровольцы, окружавшие меня, хлопали по плечу, улыбались, жестикулируя, что-то говорили мне, тянули за рукав к другим разобранным пулеметам. Переводчица Хулия объяснила, что камарада Павлито — военный специалист-пулеметчик, профессор своего дела. Для того и приехал, чтобы научить защитников республики хорошо владеть пулеметом.

— А с вашей стороны нужны внимание и дисциплина, — словно строгая учительница, сказала им Хулия. — Вы готовитесь к жестокой, бескомпромиссной войне, к борьбе не на жизнь, а на смерть… Для того чтобы выиграть ее, на фронте должна быть железная дисциплина для всех — для командиров и для рядовых.

Все закивали.

Я предложил, чтобы кто-нибудь попробовал разобрать и собрать замок пулемета. Многие замялись, неуверенно отодвинулись. И смелости набрался мой знакомый Мигель. Подталкиваемый Франческой, он неуверенно взял замок и, тяжело вздохнув, принялся осторожно разбирать.

Воцарилась тишина.

Когда наконец замок пулемета с большим трудом был разобран, Мигель облегченно улыбнулся и вопросительно посмотрел на меня. Я сказал, что теперь осталось так же

аккуратно и правильно собрать. Он кивнул и сосредоточенно начал ту же операцию в обратной последовательности. На лбу у него от напряжения выступил пот.

К радости всех собравшихся, он успешно справился. Друзья наградили его шумными аплодисментами, восторженным похлопыванием по спине.

Воодушевленная его успехом, вышла и осмелевшая Франческа:

— Разрешите мне?

— Пробуй. Не боги горшки обжигают, — подбодрил я девушку.

Шум сразу стих. Все собравшиеся следили за тонкими ловкими пальцами Франчески. Она быстро разобрала замок и сразу, даже как-то артистично начала собирать. Вокруг поднялся гул одобрения. Стали подтрунивать над Мигелем: он уступал девушке в скорости. Вот присоединена последняя деталь, остается нажать спуск. Франческа, улыбаясь, давит пальцем на кнопку, но щелчка нет. Она жмет двумя пальцами — не получается. Девушка растерянно оглядывается на Мигеля, на меня. Я осматриваю замок — собран правильно, но она забыла спустить предохранитель. Мигель протянул руку, чтобы помочь ей, но она не дает, сердится:

— Отойди. Сама догадаюсь.

И она снова удивительно быстро разобрала и собрала замок. Но щелчка опять не последовало. В глазах ее появились слезы. Она никак не могла определить свою ошибку и обескураженно вертела замок в руках. Я хотел выручить ее, объяснить, но она отстранила меня:

— Пожалуйста, Павлито, молчите, я сама.

Все умолкли, пораженные упорством Франчески. Все волновались за нее. Она снова, теперь помедленнее, что-то шепча про себя, разобрала замок, затем так же сосредоточенно собрала и спустила предохранитель. Зажмурилась и нажала на курок. В напряженной тишине раздался глухой щелчок.

Все бросились поздравлять девушку. А она стояла счастливая, улыбающаяся и старательно, чтобы скрыть волнение, протирала ветошью и без того уже начищенные до блеска детали пулемета.

Жизнь в арсенале Альбасете была напряженной, но спокойной: сборка пулеметов, учеба, отправка сформированных пулеметных расчетов на фронт. Франческа и Мигель работали на сборке. Прошло несколько недель. С приездом большого количества советских добровольцев нам удалось подготовить и собрать значительную партию вооружения. Отпала острая нужда держать в арсенале много инструкторов. И Петрович

командировал меня обучать пулеметные команды для действующей армии. Учебный центр был в 10—12 километрах от Альбасете.

Я укладывал свои нехитрые пожитки, в дверь постучали.

— Входите.

На пороге появились смущенные Мигель и Франческа. Они узнали, что их не посылают в учебный центр, а оставляют в арсенале. Они не попадут на фронт. Казалось, Франческа вот-вот заплачет. Я пытался успокоить их: они в совершенстве владели пулеметом и должны поделиться своими знаниями с другими. Хорошие инструкторы очень нужны.

— О чем ты говоришь, камарада! — кричал Мигель. — Разве затем мы приехали сюда, чтобы отсиживаться в тылу? Да меня мой старый отец на порог не пустит, если узнает, что я не был на передовой.

В один голос Мигель и Франческа стали просить, чтобы я посодействовал их переводу в учебный центр, взял их к себе в группу. На следующий день, за несколько часов перед отъездом, мне удалось уговорить начальника арсенала направить молодых людей в учебный центр. Мигель и Франческа были счастливы.

Полчаса езды… На огромном поле — войсковое стрельбище. Занятия по подготовке к стрельбе боевыми патронами из винтовки и пулеметов. Место для метания боевых ручных гранат. Штурмовой и инженерный городки, где добровольцы обучались преодолевать всевозможные препятствия и ходить в штыковые атаки, рыть окопы и строить блиндажи. В общем, для первоначального элементарного обучения военному делу бойцам были созданы приличные условия.

Мне пришлось нелегко. Передо мной были испанцы разных возрастов: и молодые, и пожилые. У многих богатый жизненный опыт, но они впервые видели пулемет, винтовку. Преподавать материальную часть оружия оказалось довольно-таки сложно. Я объяснял слушателям назначение той или иной детали, переводчица старалась точнее перевести, однако специальные термины сильно затрудняли ее. И чувствовалось, что бойцы плохо понимают.

Поэтому, когда через три дня я увидел в учебном городке своих молодых друзей Франческу и Мигеля, понятно, обрадовался.

— Назначены к вам инструкторами, — сияя, доложил Мигель.

Работа пошла лучше, поднялось настроение и у меня. По вечерам, как и раньше, мы собирались втроем где-нибудь в укромном местечке и разговаривали. Я знал, что у Мигеля и

Франчески были свои разногласия. Когда Испания стала республикой, Франческа вступила в партию анархистов. А Мигель стал коммунистом. Они часто спорили, каждый отстаивал позиции своей партии, иногда перепалки кончались ссорами. Однажды мы ждали Франческу, и, когда совсем обеспокоенные, собрались искать ее, она появилась растерянная, раздраженная, злая. Несколько минут мы молчали. Потом она воскликнула:

— Вот подлец!.. Негодяй!.. Хотел меня купить!..

Оказывается, когда группа Франчески ушла на полигон, а она задержалась на складе, к ней подошел незнакомый человек. Он стал уговаривать ее вступить в подпольную организацию. Он попросил девушку оказать услугу «истинной» Испании: вывести из строя пулеметы, предназначенные для интернациональных бригад. Сточить напильником бойки затвора — и «максим» будет щелкать, а выстрелов не получится.

— И ты слушала этого гада? — рассвирепел Мигель.

— Я закатила ему оплеуху.

— Он же мог убить тебя на месте!

— К счастью, в этот момент из склада вышел кладовщик.

— Куда пошел этот тип, ты запомнила его приметы? — спросил я Франческу.

— Я не доносчица.

— А он, если тебя встретит, не пожалеет: повесит на первом оливковом дереве, — сказал Мигель.

— У меня свои принципы, я уважаю свободу личности, — ответила она.

— Опять ты за старое, несешь чушь!

Франческа отвернулась от нас.

— Да это же предатель, предатель испанского народа, как ты не понимаешь? — поддержал я Мигеля. — Разве может честный человек умышленно обрекать на смерть сотни людей? Ты представляешь, в какое положение попали бы республиканцы с испорченными пулеметами! Ждали бы наступления фашистов, готовились бы открыть огонь, а пулеметы в критический момент — молчали. Ты подвела бы и нас, советских добровольцев.

— Вот за это я и влепила ему оплеуху, — гордо ответила Франческа.

Она никак не могла понять, что одними пощечинами «пятую колонну» не уничтожишь. И мы не смогли в тот вечер разубедить ее.

— Жизнь рассудит нас, — холодно попрощалась она с нами.

Мигель, боясь, как бы что не случилось с ней, пошел следом. Я слышал его удаляющиеся шаги и думал о том, как дальше

сложится их дружба, насколько серьезна очередная ссора. Мигель всегда очень тяжело переносил такие разговоры. Он испробовал уже всякие методы, стараясь как можно доходчивее объяснять цели и задачи коммунистов. Но Франческа в штыки встречала эти, как она выражалась, лекции: «Опять хочешь обратить меня в свою веру? Нет уж, если любишь — люби такую, как есть. А не нравлюсь — скажи прямо». Каждый день Мигель и Франческа точно по расписанию проводили занятия, учебные стрельбы, а по вечерам дополнительно оставались с теми, кому нелегко давалось пулеметное дело. Оба всецело отдавались работе, не жалели сил, не считались со временем. У меня тоже нагрузка увеличилась: прибыли новые группы иностранцев. Обстановка на фронте ухудшалась, мы готовились отправляться на передовую. Появился приказ о распределении по боевым частям. Франческа попала к анархистам, Мигель — в 5-й коммунистический полк. Я был назначен инструктором в батальон капитана Овиедо.

Мятежники готовились к решительному штурму Мадрида. Крестьяне-перебежчики сообщали, что в районе Толедо фашисты сосредоточили отборные войска и лучшую технику, присланную из Германии и Италии.

О падении Мадрида фашистские радио и печать говорили как о недалеком будущем. Международная реакция расхваливала мощь контрреволюционных мятежников и их наемников, прибывших в Испанию «спасти христианскую религию от красной публики». Проскальзывали сообщения, что у генерала Франко в конюшне уже приготовлен белый конь для победного въезда в город.

Весь ноябрь шли ожесточенные бои за Мадрид. Решалась судьба республики. Уверенные в своих силах франкисты со дня на день намеревались нанести смертельный удар столице. Главное направление этого удара ожидалось с юго-запада, из района Толедо. Стянув сюда большие силы и развивая наступление по дорогам Толедо — Мадрид и Эстремадур — Мадрид, франкисты заняли Навалькарнеро. Их атаки следовали одна за другой. В бой они вводили артиллерию, итальянские танки, немецкую авиацию, марокканскую кавалерию, части иностранного легиона, отряды фалангистов. Генерал Варела — начальник главной колонны мятежников — издал приказ о штурме Мадрида.

Этот секретный приказ попал в руки республиканских разведчиков. Они извлекли его из сумки убитого офицера франкистов. Планы врага стали известны. Но в этот тяжелый и трудный момент правительство республики во главе с Ларго Кабальеро вдруг признало дальнейшую борьбу за Мадрид бесцельной и ночью, покинув столицу, выехало в приморский

городок Валенсию. В тихую курортную Валенсию потянулись тяжело груженные фургоны, хозяйственные обозы. Правительство все до мелочей захватило с собой, даже хрустальные люстры.

Защиту Мадрида возглавил Комитет обороны, в который вошли представители всех республиканских партий. Настал и для нас, добровольцев, час испытаний. На баррикадах Мадрида были коммунисты, социалисты, анархисты, радикал-социалисты. Разные дороги привели их в окопы. У каждой партии своя платформа, свои политические убеждения. Но сейчас всех объединяла ненависть к фашизму. Разве что с нас, коммунистов, спрос больше. История потом подтвердила, что самые главные, самые последовательные борцы с фашизмом — именно коммунисты.

Мы приготовились в дорогу. Рано утром едва начало светать, раздалась команда: «По машинам!» Шумные, говорливые испанцы и их друзья-интербригадцы расселись по местам. Солдаты, одетые в новое обмундирование, вооруженные карабинами, пистолетами, пулеметами, обсуждали предстоящее сражение. Огромные грузовики тронулись в путь по Альбасетско-Мадридской автостраде.

Все напоминало наш Крым. То неожиданно скалистые горы, то ровная долина с рисовыми полями, виноградниками, фруктовыми садами. В одной долине машины остановились. Вездесущие мальчишки засуетились возле колес, деловито оглядывали солдатское снаряжение, щупали военные френчи, гладили кобуры пистолетов. К нашему грузовику на дорогу вышел седой сгорбленный старик, медленно поднял кулак — в знак солидарности:

— Салюд, камарада!

Позади него нес огромную кошелку с апельсинами худенький парнишка лет четырнадцати. Дед начал раздавать золотистые апельсины пулеметчикам.

— Бери, бери, камарада, — говорил испанец. — В нашем селе много. Вырастим еще больше… И возьмите с собой моего внука Валентина Розалеса. Смекалистый парень, будет хорошим бойцом.

Мы замялись.

— Может быть, возьмешь к себе подносчиком патронов? — тихо спросил я Мигеля, с которым мы оказались рядом.

Он пожал плечами. Старик настаивал. Положил костлявую руку мне на плечо, умоляюще заглянул в глаза:

— Уважь, камарада. Возьми. Я не могу держать винтовку, он за меня будет мстить врагам.

— Ну ладно, Павлито, давайте его ко мне в расчет, —

согласился Мигель.

Валентин Розалес вместе с нами отправился в Мадрид. Дорога, седая, пыльная, отчаянно бросалась под колеса машин. Вот возникли загадочные предметы впереди, можно было подумать, что какой-то шутник воткнул в землю гигантские спички. Когда подъехали ближе, я увидел обыкновенные трубы. Трубы на поверхности, а вся деревня спряталась под землю. Люди жили в темных сырых землянках.

Наш путь близился к концу, когда налетели самолеты противника. Они спикировали на машины и прошили всю колонну пулеметными очередями. Шоферы, выскочив из кабин, бросались врассыпную. Чертыхаясь, выпрыгивали из кузовов пулеметчики, падали на землю. Загорелась головная машина. К счастью на ней не было боеприпасов. И когда самолеты улетели, мы, рассадив «погорельцев» по другим грузовикам, поехали дальше.

Мы забрались в машину вместе с испанцем майором Лопесом. Рядом с нами, сердито отряхивая пыль с френча, сидел грузный французский докер Поль Боде. Докер достал сигарету, сунул такую же мне и блаженно закурил. Огромные руки бережно держали крохотную сигаретку, словно он боялся пропустить хотя бы одну затяжку. Затем он быстро очистил от пыли винтовку, обернул ее в одеяло. На окраине Мадрида, укрепленной окопами, проволочными заграждениями, на дорогу выскочил с ног до головы увешанный гранатами и пулеметными лентами анархист. Револьверным выстрелом остановил колонну, потребовал документы. Он медленно читал наш пропуск. Когда все было изучено и сверено, разрешил ехать дальше.

Едва добрались до места, мой майор Лопес куда-то исчез. Ожидая его, я знакомился с ближними улицами. На углу фашисты только что разбомбили магазин, и возле возник стихийный митинг. Испанцы гневно и темпераментно осуждали фашистов, убивших мирных жителей, стариков, женщин, детей.

Ко мне подошел незнакомец:

— Вы русский?

— Гошес, — сказал я.

— Да, я понимаю, — улыбнулся он. — А меня зовут Миша.

— Где вы учили русский язык?

— С детства знаю.

Разговорились. Родился он в Польше, в районе Волковыска. Мать белоруска, хорошо знала русский язык. Отец — поляк. Сам он приехал в Испанию добровольцем. Служит в интернациональной бригаде артснабженцем. С первых дней на обороне Мадрида.

Не знаю почему, но Миша мне понравился.

— Пойдешь ко мне переводчиком? — спросил я.

— Добре, — быстро согласился парень. Но вспомнил, что он все-таки военный, и добавил: — Доложу своему командиру.

— А кто командир?

— Генерал Вальтер. Тоже наш, поляк. Боевой генерал, хорошо говорит по-русски.

— Ну что ж, попробуем его уговорить. Пообещаем дать ему несколько хороших современных пулеметов с боеприпасами, и он наверняка согласится.

— Конечно, он меня отпустит, если вы дадите пулеметы, — подтвердил Миша.

Он предложил немедленно поехать к генералу. Уверял, что их штаб находится совсем близко, в нескольких километрах от Мадрида. Я объяснил, что пока не могу покинуть команды испанцев, которые приехали со мною. И он недоумевал:

— Что они, маленькие? Подождут!

Едва уговорил его повременить. Тут появился и мой майор Лопес.

— Где вы так долго были? — заметил я ему. — Ничего не сказали, не предупредили…

Но он в ответ только улыбался и повторял:

— Все хорошо, камарада.

Он познакомил меня с офицерами и девушкой, пришедшими с ним. Совсем молодая, низкого роста, одетая в военную форму, она первая протянула мне руку:

— Энкарнасион Фернандес Луна.

— О, какое красивое имя! — растерялся я.

— А вы кто?

— Павлито.

— Превосходно, будем знакомы. Мне поручено принять от вас пулеметный взвод. Остальные направляются в Овиедо. Это командир батальона в пятом полку.

«Значит, удастся побывать на передовой, — подумал я, — посмотреть, как воюют наши ученики, вооруженные «максимами». Записал в блокнот, как найти Овиедо, и пошел передавать пулеметы.

Сержант-испанец принял оружие по списку. Теперь можно было поехать с Мишей.

Шофер, черноволосый, немного сутуловатый от большого роста, испанец Пепе со смелостью мотогонщика нажимал акселератор, и автомобиль стремительно несся по дороге. Удивительный народ испанские шоферы. Неважно, широкая ли это автострада или крутая горная дорога — энергия и

темпераментность, присущие испанцу, у водителя почему-то удваиваются, утраиваются.

Пролетели тридцать километров. Впереди появилась зеленая оливковая роща, в ней два дома. Штаб генерала Вальтера оказался неподалеку от монастыря. Он разместился на территории какого-то родового поместья.

Как только машина подъехала к ажурным, металлическим воротам, появился веселый молодой парень. Он весело подмигнул Мише и, перекинувшись с ним парой фраз, пропустил машину в ворота.

— Минуточку подождите, — попросил Миша. — Пойду узнаю, дома ли генерал.

Из казармы то и дело выходили люди. Чуть дальше на плацу унтер обучал новичков владеть винтовкой. Добродушный толстячок неуклюже приставлял приклад к плечу, долго прицеливался, потом снова опускал винтовку и, смахнув пот со лба, начинал процедуру заново. Слышался рассерженный бас унтера:

— Легче Вислу наперстком вычерпать, чем тебя научить стрелять.

— Так я ведь портной, — виновато оправдывался толстяк.

— Бартош — скрипач, а смотри, как стреляет!

Вернулся Миша: генерал Вальтер приглашал к себе. Мы поднялись на второй этаж. Навстречу вышел человек среднего роста, плечистый, в испанской генеральской форме. Он поздоровался, предложил сесть. Во всех его движениях, в словах, рукопожатии чувствовались удивительная простота и искренность.

— Очень рад видеть вас, товарищ Павлито, — улыбнулся генерал. — Не удивляйтесь, что называю вас так. Звонил Петрович, просил помочь вам, но, честно говоря, мы даже не знали, где искать вас. Вот командировал Мишу на поиски. Вы везете пулеметы, а это для нас ценный «товар».

Он сделал паузу, отпил из стакана апельсиновый сок.

«Вот чертяга, этот Миша, — подумал я. — Сделал вид, что встретился случайно, согласился перейти ко мне переводчиком, а сам доставил меня прямо к Вальтеру».

Я был недоволен собою. С таким же успехом меня могли привезти и в другое, совсем неподходящее место. Забыл о бдительности, осторожности, о которой предупреждал меня еще в Москве комдив.

— Ну-ну, не расстраивайтесь, камарада. — Генерал подсел рядом и стал рассказывать о положении на фронте. Обстановка в Мадриде, по его мнению, складывалась тревожная. В городе

действовала «пятая колонна» — контрреволюционная группа троцкистов, предателей всех мастей, шпионов и диверсантов. Фашисты, наступавшие на Мадрид четырьмя колоннами, считали эту контрреволюционную группу своей агентурой в столице. Это выражение с тех пор стало нарицательным для обозначения предателей, изменников, находящихся на содержании у враждебных государств и используемых ими для диверсий и разложения тыла той или иной страны.

Провокаторы сеяли панику не только среди жителей, но и среди бойцов республиканской армии. Имея в столице большую разведывательную сеть, фашисты, были хорошо осведомлены о действиях командования республиканских войск. Получая от своих агентов оперативные, сугубо секретные данные, они умело использовали их в своих целях.

Кроме того, в республиканской армии воевали люди разных политических взглядов: коммунисты, анархисты, радикалы и другие. Это нередко вносило разногласия в действия командования. Да, пожалуй, и темпераментность, порывистость, откровенность испанцев мешали им хранить военную тайну. Еще не научились.

В этой сложной обстановке Коммунистическая партия Испании делала очень многое для обороны Мадрида. На улицах города сооружались баррикады, в каждом доме, в каждом квартале создавались комитеты обороны из трудового народа. В армию со всех концов страны записывались добровольцы. Но, к сожалению, не хватало оружия. В некоторых частях бойцы получали винтовки только после того, как их товарищи отправлялись в госпиталь. Да и то возникали споры: раненые не желали расставаться с винтовкой даже на носилках.

Мы долго беседовали с генералом Вальтером.

Вальтер с любовью вспоминал Москву, где жил последнее время.

— Может быть, моя Катя сейчас в Большой театр пошла, — размечтался и я.

Он сразу вернул меня к действительности:

— А нам скоро снова в бой. Франкисты готовят большое наступление.

Вальтер начал подробно расспрашивать о пулеметах, которые мы привезли в Мадрид, о людях, прошедших подготовку в Альбасете. Я рассказал, что все добровольцы направлены в пулеметный батальон капитана Овиедо.

— Лучше бы их к Листеру, — добавил я, жалуясь.

Но Вальтер в ответ только улыбнулся:

— Да, правда: Листер храбрый и умный командир. Но ты

напрасно волнуешься за своих питомцев. Если их командир — коммунист да еще из пятого полка — не сомневайся: пулеметчики попали в надежные руки. Овиедо — это уже у Листера.

Затем я набрался храбрости и попросил генерала отпустить со мной Мишу.

— Согласен, — улыбнулся он. — Но придется взять большой, так сказать, калым. Часть пулеметов, которые привезли, остаются у меня.

Я, конечно, понял, что он шутит и что о пулеметах он договорился с Петровичем. Да это и понятно. В руках интербригадцев, умеющих хорошо обращаться с автоматическим оружием, наши «максимы» принесут большую пользу. Тем более если соединением командует такой опытный генерал, как Кароль Сверчевский, воевавший в Испании под именем Вальтера[1].

— Согласен. Берите пулеметы, — ответил я в тон ему. За окном сгущались сумерки. Я поглядел на часы.

— Оставайтесь ночевать, — предложил Вальтер.

— Честно говоря, я еще не договорился о ночлеге.

— Считайте, что апартаменты вам найдены.

После ужина Вальтер предложил сыграть в шахматы:

— Часто проигрываю, но почему-то всегда тянет снова к ним. Злюсь на проигрыш, а сам играю. Шахматы — это и отдых, и учение, и спорт, и искусство.

— Плохо играю, — пытался я отказаться.

— Тем лучше, значит, я наверняка выиграю на этот раз. — И Вальтер принялся расставлять фигуры.

— Какими желаете начинать?

— Мне безразлично.

— Тогда уступите мне белые: я тут один дебютик разучил. Может, удастся.

Фигуры расставлены. Вальтер сделал ход пешкой. Я двинул пешку навстречу. Он быстро выставил правого коня:

— Как вам нравится?

— Ничего страшного. — Я парировал аналогичным ходом.

— Быть может, вас заставит задуматься вот этот выпад? — Он пустил в действие второго коня.

Я ответил тем же.

— Что же вы ходы повторяете? — удивился он.

— Так ведь я второй раз только за шахматной доской.

— Опять я не смог применить свою новинку. Хотите, научу этому дебюту?

И он принялся втолковывать мне шахматные азы. Спать легли за полночь.

На рассвете Миша разбудил меня. Генерал Вальтер пригласил выпить чашку кофе. Провожал он нас до машины и все время шутил:

— Кончится война, приезжайте в Варшаву. Там я уж вас обязательно обыграю в шахматы. Ну, желаю удачи!..

Машина резко взяла с места. Миша задумчиво забился в угол. Я следил за убегающей дорогой и, чтобы прервать неожиданно воцарившееся молчание, спросил своего нового переводчика:

— Где ты выучил испанский язык?

— А кто тебе сказал, что я его знаю? — улыбнулся он.

— Не шути.

— Я говорю по-французски, да и то не в совершенстве.

— Не может быть, — только и вымолвил я. — Как же объяснялся там, при мне, в Мадриде?

— Говорил по-французски.

И мы оба расхохотались.

— Какой же ты помощник? — проворчал я. — Впрочем, делать нечего: приобрел кота в мешке — молчи.

— Да ты не волнуйся, — успокаивал Миша. — Разберемся.

Итак, Овиедо, Листер.

Штаб и больше половины личного состава бригады Энрике Листера располагались бивуаком на окраине заброшенной деревушки. Несколько обшарпанных домов, сильно пострадавших от артиллерийских снарядов. Окна выбиты, крыши снесены.

Отправились искать самого Листера. Наткнулись на группу отдыхающих испанцев. На небольшой зеленой лужайке тесным кружком полулежали, полусидели бойцы и пели тягучую, хватающую за душу песню. Среди них мы и увидели Листера. Коренастый, смуглый. Высокий, выпуклый лоб, черные, с коричневатым отливом волосы, длинные, выгоревшие на концах и небрежно откинутые назад. Он улыбнулся, и на щеках появились ямочки, придававшие лицу добродушное, почти детское выражение. По-русски, с небольшим акцентом, сказал:

— Здравствуйте, Павлито. Давно жду. Еще с утра звонили, что вы выехали. Спасибо за пулеметчиков.

Он познакомил со своим комиссаром, начальником штаба, с офицерами. Все они сердечно трясли мою руку, хлопали по плечу, протягивали сигареты. Мне даже показалось, что они все владеют русским языком. Позже выяснилось, что это было всего несколько слов: «Идите сюда», «Хотите кофе?», «Курите»… Но это не помешало нам стать искренними друзьями.

Энрике Листер говорил много, охотно и темпераментно. Иногда делал короткую паузу, словно собирал силы, и продолжал с еще большей энергией. А под конец полушепотом предупредил

меня, чтобы я был осторожен: среди солдат и офицеров есть люди «пятой колонны».

Потом по секрету сказал мне, что завтра утром бригада пойдет в бой:

— Надо захватить монастырь Серро-де-лос-Анхелес. По данным разведчиков, туда вчера вошел франкистский отряд. У них пять итальянских пулеметов, двести человек солдат и офицеров. — Рассказал мне план атаки и спросил: — Как, Павлито, выйдет у нас или нет?

— Выйдет, — говорю. — Только надо во всех деталях ознакомить офицеров на местности: кто, что и когда будет делать. А будет артиллерийская подготовка?

— Нет, не будет, — грустно ответил он. — У нас нет ни одного орудия. Поддержим пулеметным огнем. Атаковать будем на рассвете, когда противник еще спит.

Вечером мы вышли на рекогносцировку местности. Чтобы не привлекать внимания противника, все переоделись в крестьянскую одежду. Ползком вылезли на высоту в полукилометре от монастыря. Листер показал, где и сколько пулеметов поставить, с каким сектором обстрела, посоветовал, где расположить разведывательные группы. Ротам первого эшелона — когда и где взять исходное положение, по какому сигналу и в каком направлении наступать, что атаковать. Были отданы распоряжения и второму эшелону и резерву. Командиры уточнили свои задачи.

Я сказал Листеру уверенно:

— Должны быть хорошие результаты.

Он скептически щелкнул языком:

— Если агенты «пятой колонны» не узнают наш план действий, то песенка неприятеля спета и мы быстро с ним расправимся. Но если узнают… Впрочем, им все равно крышка.

В штаб вернулись поздно ночью. Солдат уже кормили легким завтраком. Выдавали патроны и ручные гранаты. Листер приказал без опозданий выйти в исходный район для атаки. Командиры и комиссары были отпущены в подразделения, я забежал в комнату, отведенную мне. Волнуясь, кое-как поел и прилег чуть-чуть отдохнуть. Но тут раздался осторожный стук в окно. Я встал, погасил свет и, крадучись, подошел к окну. На дворе была темень, южная густая темень.

Я распахнул дверь и, встав у косяка, сказал:

— Кто там? Входи.

— Павлито, — услышал я знакомый голос.

— Мигель? — радостно крикнул я и бросился навстречу.

— Ох и силен же ты, Павлито! — пытался вырваться Мигель

из объятий. — Как медведь…

Мигель, оказалось, служит в бригаде Листера. Был уже в бою. Товарищи в батальоне хорошие, надежные, «максимы» действуют безотказно.

— А Франческа где? Ты что-нибудь о ней знаешь?

— Воюет. Вот сегодня получил… — Он быстро достал из кармана френча конвертик. — На, почитай. Почему не хочешь читать?

— Я же по-испански читать не умею.

Мигель начал читать сам, стараясь перевести поподробнее:

— «Дорогой мой и любимый, здравствуй!.. Дела у меня идут хорошо… Жаль вот, в бою еще настоящем ни разу не была. А очень хочется испытать себя, попробовать свои силы. Пока учу пулеметному делу других. Все мои воспитанники тоже рвутся в бой. Мы должны отстоять республику… Нас теперь много. Нам помогают все честные люди мира, и особенно советские добровольцы… Очень прошу, напиши, как у тебя дела. Здоров ли ты, участвовал ли в боях? Напиши обо всем. Может быть, ты слышал что-нибудь о нашем Павлито? Я очень жду письма. Твоя Франческа…»

Вскоре за мной пришел адъютант Листера, и мы отправились на наблюдательный пункт командира бригады, на небольшой высотке. Там были две наспех вырытые ямы. Испанцы не любят зарываться в землю, считая это признаком трусости. Вместо бруствера — мешки с землей, между ними телефонный аппарат — провод к начальнику штаба. От каждого батальона были посыльные: один офицер и два-три солдата, они сидели за скатами высоты.

В назначенное время начали. Видимость была плохая. Послышались ружейная стрельба и взрывы гранат: очевидно, приступили к работе разведчики. Но прошло вполне достаточно времени, чтобы расправиться с охраной, а сигнала от разведчиков не было. Стрельба усиливалась, раздались пулеметные очереди противника. Охрана фашистов, по-видимому, сумела предупредить спящий гарнизон.

Наконец взвились белая и красная ракеты разведчиков — значит, охрану-то они перебили, но и сами себя обнаружили и отходят в намеченное раньше укрытие. Листер дал три красные ракеты в сторону монастыря. Все наши пулеметы открыли шквальный огонь по противнику, а пехота встала в рост и, стреляя, с криком «ура», пошла вперед. Листер поднялся, тоже закричал что-то на испанском языке (я только понял «вива» и «камарада») и под пулями противника побежал вперед, увлекая за собой бойцов.

И вот мы уже на высотке в ста — ста пятидесяти метрах от монастыря. Видно, как гарнизон врага в панике бросал оружие и бежал — кто в чем был. Но бежать противнику некуда. Листер предусмотрел все детали боя. Когда солдаты и офицеры мятежников выскакивали из помещений, они попадали под губительный пулеметный огонь.

Комендант гарнизона, несколько офицеров захвачены в нижнем белье. На допросе комендант спросил:

— Откуда у вас возможности для ночной атаки? Нам говорили, что регулярных войск у республиканцев нет, только разрозненные отряды. Когда началась перестрелка, я оставался в постели. И только когда услышал сильный огонь ваших пулеметов совсем близко, понял, что дело плохо, но было уже поздно. Мне оставалось только поднять руки. Жаль, что я в таком виде…

Пленных увели.

Я не удержался, заметил Листеру:

— Так нехорошо. Какая-нибудь шальная пуля ранит вас и выведет из строя на долгое время, а вам ни одного дня нельзя быть в госпитале. Да и партия не позволит так действовать. Следовало бы поднять всех солдат и офицеров, пусть личным примером, чтобы увидели, что их командир не трус. Но потом — взять все управление в свои руки и руководить боем. Вы читали книгу Фурманова о Чапаеве?

— Нет, но видел фильм. Знаю, знаю: Чапаев показывал на картошках, где и когда должен быть командир во время боя. — И он виновато обнял меня.

Самое главное качество этого человека — высокое чувство ответственности за людей, которые идут вместе с ним в бой, и за порученное ему дело. У него своеобразная манера говорить. Если он кем-то недоволен, расходится во взглядах по принципиальным вопросам, то не скрывает этого. Губы кривятся в усмешке — сейчас начнет переубеждать собеседника. И до тех пор, пока тот не поймет его.

Энрике Листер был очень молод, но его биография удивляла и восхищала каждого, кто с ней знакомился. В 1931 году, когда Испания стала республикой, его, рабочего-каменотеса, избирают председателем профсоюза, он вступает в ряды Коммунистической партии Испании. Монархия была свергнута, но буржуазия по-прежнему наступала на интересы рабочих, борьба продолжалась. После очередной стачки Листеру пришлось скрываться от жандармов. Ищейки следовали по пятам, и ему пришлось покинуть родину. Он приехал в СССР, учился военному делу, работал проходчиком на строительстве первых линий

Московского метрополитена, занимался самообразованием.

Домой он возвратился лишь в 1935-м и с головой ушел в партийную работу. В первые же дни фашистского мятежа, в июле 1936 года, Листер отправляется на фронт Сьерры Гвадаррамы рядовым бойцом, дружинником народной милиции. Когда положение стало особенно тяжелым, он сформировал из разбитых групп роту. За храбрость и находчивость ему присвоили звание младшего лейтенанта. Потом произвели в капитаны. А в августе 1936 года за боевые заслуги на Гвадарраме — в майоры.

Таков командир 5-го коммунистического полка, ставший командиром бригады, затем дивизии, корпуса. Исключительная сила воли. Безграничный авторитет у солдат, офицеров, гражданских жителей. И огромное личное обаяние — общительность, веселый характер.

После боя за монастырь бригада перебрасывалась на другой участок фронта. Подготовка, марш-бросок, короткая рекогносцировка — и подразделения снова в бою. Началось тяжелое, изнурительное сражение за Мадрид. Франко, несмотря на потери, рвался к столице, стремился любыми средствами взять ее. Используя преимущества в технике и живой силе, мятежники бросали все новые и новые резервы. Франкистская авиация висела над Мадридом, нанося мощные удары не столько по военным объектам, сколько по жилым кварталам.

Энрике Листер день и ночь был на ногах. Его видели в самых опасных местах. Он появлялся в критические моменты боя и своим примером воодушевлял солдат. И главное — он не ждал, когда его подчиненные приобретут боевой опыт, а делал все, чтобы как можно скорее научить их военному искусству. И строго взыскивал с тех, кто ленился учиться.

Помню такой случай. Во время короткой передышки мы сразу организовали учебу. Листер строго следил за тем, чтобы все офицеры посещали занятия. И однажды на тактические учения из пятидесяти двух офицеров на занятия приехало двадцать.

— Отменять? — спросил дежурный офицер.

— Будем проводить занятия, — громко сказал Листер, чтобы все слышали. — Мы с начальником штаба тоже будем учиться. — И он прилежно стал выполнять все указания.

По условиям предстояло форсировать быструю и глубокую реку. По команде все бросились сколачивать из подручных средств плотики. В ход пошли бочки, доски от старого дома. Офицеры переправлялись на другой берег и там штурмовали «неприятельские» позиции. А одна группа кое-как сколотила хилый, невзрачный плотик, надеясь, что в воду лезть не придется. Ожидания их не оправдались: им, как и всем, приказали. На

середине реки, там, где течение особенно быстрое и часто встречаются водовороты, плотик стал расползаться под незадачливыми офицерами. Через несколько секунд бревна стремительно неслись по течению, а оказавшиеся в воде стали кричать:

— Спасите, помогите!..

Я уже собрался было кинуться к ним, но Листер остановил:

— Пусть выбираются сами. Это для них урок.

Те едва не утонули, с огромным трудом им удалось добраться до берега.

Разбор проведенных занятий делал сам Листер.

— «Тяжело в ученье — легко в бою», говорил великий полководец Суворов, — напомнил он своим подчиненным.

На следующий день всех офицеров, которые не явились на занятия, Листер отчислил в резерв. Попросту — выгнал.

— Кто воспитал этих болтунов, тот пусть с ними и воюет, — объяснил он свой приказ.

Положение на участке бригады вскоре снова осложнилось. Я направился в пулеметное подразделение, которое держало оборону в Университетском городке, у моста на реке Мансанарес. Много раз фашисты пытались штурмом взять его, но пулеметчики стойко оборонялись. Особенно мужественно действовал расчет моего приятеля Мигеля. Мигель сильно переживал трагедию своей Испании. Он верил в победу республиканцев, но одно его постоянно тревожило.

— Как ты думаешь, Павлито? — обратился он ко мне. — Ведь плохо, что силы республики распылены? Анархисты, радикалы, социалисты — у всех своя платформа. Конечно, мы считаемся единым фронтом, но не действуем еще по-настоящему едино. Вот взять хотя бы анархистов. Конечно, есть у них части, которые воюют просто здорово, командир Дурутти настоящий патриот, жизни не пожалеет за Испанию. Что правда, то правда. Но их идеология… Посмотри: Франческа на что уж была убежденная анархистка, а что мне пишет…

Мигель показал письмо. Франческа с горечью писала о мародерстве анархистов в освобожденной ими деревне: «Они дискредитируют своими действиями мечту простых тружеников о социализме… По теории выходит — так и надо… Что-то не все правильно у наших теоретиков… Надо будет в этом еще разобраться…»

— Я уверен, что она в этом скоро разберется, — грустно улыбнулся Мигель. — Это будет мой самый счастливый день.

Нашу беседу прервала команда: «К бою!» Мигель бросился к пулемету. Я — на наблюдательный пункт, достал бинокль. Перед

нами цепью наступала марокканская пехота мятежников. Высокие шапки, белые шаровары с широким поясом, огромные кинжалы, дикие крики — все производило удручающее впечатление. Подвыпившие, они скачками приближались к мосту. Семьсот, пятьсот, триста метров — Мигель открыл огонь.

Он стрелял короткими очередями по первой шеренге, потом по последней. Десятки трупов легли на дороге к мосту. На мгновение марокканцы растерялись и залегли. Но сбоку по нашим ударил тяжелый крупнокалиберный пулемет врага. Помощник Мигеля уткнулся головой в землю. Потом со стороны противника стала бить пушка, и третий снаряд разорвался рядом с пулеметом. Ранило Мигеля. Он пытался приподняться, но потерял сознание. Пулемет молчал. Подбежавший к нему испанец никак не мог исправить «максим», и марокканцы снова поднялись в атаку.

До моста им оставалось совсем немного. Республиканский солдат, отчаявшись наладить пулемет, взялся за винтовку. Вот уже первый вражеский пехотинец показался в створе моста. Я бросился с наблюдательного пункта нашей группы к пулемету. Ленту заело, перекос. Я с силой ударил ладонью по рукоятке — и лента встала на место. В прорезь прицела увидел набегавших марокканцев, они что-то воинственно кричали. Нажал на пуговку — один марокканец ткнулся в настил моста. Еще одна короткая очередь!.. Это вам за Мигеля. «Максим» работал безотказно. На мосту образовалась свалка: первые ряды марокканцев отпрянули и столкнулись с задними. Некоторые, спасаясь, стали без раздумий прыгать в реку.

Ко мне подполз раненый Мигель. Левая рука висела, по щеке струилась кровь. С трудом опираясь, он стал снаряжать ленты, стараясь помочь мне.

— Полежи! — крикнул я ему.

— Ничего… Мы не должны отдать мост… Мансанарес наша… — процедил сквозь боль Мигель и продолжал готовить запасные ленты.

Марокканцы отступили, и мы получили короткую передышку. В отряд пришло пополнение. Молодые веселые бойцы, присланные Листером, деловито занимали боевые позиции, окапывались, устанавливали на флангах два дополнительных пулемета. Я достал из кармана бинт, перевязал Мигелю руку, обтер рану на щеке. Прибежал санитар — огромный испанец с большими руками.

— Собирайся, рыцарь, — поднял он Мигеля. — Подлечим тебя немножко в госпитале, а там снова можешь воевать.

Подоспел второй санитар — Мигеля положили на носилки:

оказалось, что он ранен и в ногу.

— Поправляйся скорей, — успокаивал я друга. — До скорого свидания.

Мигеля унесли, и мы услышали стон на мосту. Три наших бойца поползли туда и быстро нашли раненого марокканца. Он лежал у перил и прижимал сумку. В ней оказались денежные знаки различных государств. Наемник! Он пришел в Испанию не ради какой-нибудь идеи, он не был движим высоким чувством. Когда санитары стали класть его на носилки, он беспокоился о сумке с деньгами больше, чем о своих перебитых ногах.

— Это все мое состояние. Если умру, пошлите домой, у меня жена и трое детей, — стонал он.

— Плохой ты выбрал способ заработать на жизнь, — проворчал санитар и положил сумку ему под голову.

Глубокой ночью ко мне подполз посыльный от Листера. Комбриг вызывал меня в штаб. Я оставил своих товарищей, продолжавших держать оборону, и отправился. Листер уже знал о бое у моста и приветствовал меня:

— Вива Русия!.. Молодец!. О твоей работе скажу Петровичу…

Позже я узнал, что за боевые действия у моста на реке Мансанарес меня наградили первым орденом — Красного Знамени. Родина чутко следила за своими добровольцами.

В штабе бригады Листер ознакомил меня с обстановкой на фронте, показал донесения из частей, приказы командования корпуса. Неделя этих боев была удачной для республиканских войск. На многих участках наступление франкистов удалось приостановить. А кое-где республиканцы решительным контрударом отбросили мятежников на несколько километров от предместий Мадрида.

Листер по секрету сообщил, что готовится крупная наступательная операция республиканских войск, подтягиваются резервы. Мы договорились, что разработаем детальный план подготовки к наступательным боям и начнем немедленно осуществлять его. Вскоре нашу бригаду перевели на другой участок фронта. Мы получили новое пополнение, вооружение.

Бесконечные напряженные бои под Мадридом. Частые передислокации. Неотложные дела…

Но однажды утром Энрике Листер вызвал меня и спросил:

— Хочешь поехать в Мадрид?

— Если надо… — начал было я.

— Надо, — коротко подтвердил Листер. — Поедем на митинг, который состоится в театре. А потом полдня в твоем распоряжении. У тебя же друг там, в госпитале.

— Но ведь время горячее.

— Знаю, знаю, дорогой Павлито! — Листер погрустнел. — И у меня тоже есть друзья, которых я еще не смог навестить. Словом, едем. Собирайся.

Час быстрой езды — и шофер Хосе Мартинес торжественно произнес:

— Вот он, наш красавец Мадрид.

Когда мы подъехали к зданию кинотеатра «Монументаль», шум и гам вокруг стоял невероятный. Сотни людей толкались возле подъезда, все что-то кричали, пытались приступом взять дверь.

— Как же мы пройдем? — изумился я.

Листер махнул рукой: мол, не беда, пошли.

Мы двинулись. И толпа, узнав Листера, приветливо расступилась, образовав живой коридор. Пройдя вестибюль, мы очутились в просторном зале театра. На трибуне кто-то выступал.

И тут по залу приглушенной волной пробежал шепот: «Листер! Энрике Листер!..» Эта волна все нарастала, пока шум не перерос в мощный рокот. Захлопали сиденья откидных кресел. Большинство присутствующих встали. Бурные аплодисменты. Овация. Зал скандировал: «Ви-ва, Листер! Ви-ва, Листер!»

Энрике, с поднятыми руками, сцепив пальцы, выражал свою признательность неистовавшим в восторге соотечественникам. Крики не смолкали до тех пор, пока Листер не подошел к столу президиума, куда его пригласили, и сел.

Выступало много делегатов: анархисты, левые республиканцы, коммунисты, члены социалистической партии. Каждая речь бурно комментировалась залом, и председатель каждый раз подолгу призывал аудиторию к порядку.

Предоставили слово и Листеру. Когда он начал, сразу — и по затихшим балконам, и по тому, как часовые, стоявшие у входа, вошли в дверные проемы, — почувствовалось, что он повел речь о самом наболевшем…

После собрания Листер предложил подвезти меня до госпиталя. Но только мы выехали на боковую улицу, нас на большой скорости обогнали два автомобиля. Они резко остановились, и наш шофер Хосе Мартинес с трудом избежал столкновения. Они настойчиво продолжали мешать нашему движению — то снова набирали скорость, то резко тормозили, пытаясь опрокинуть нашу машину.

— Старые знакомые! — Листер чертыхнулся. — Провокаторы-анархисты, у нас с ними давние счеты. Ну, подождите.

Он достал пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Испугавшись, «лихачи» немедленно скрылись.

Возле госпиталя я поблагодарил Листера и направился к

проходной. Он уехал. А мое внимание привлекла идущая невдалеке девушка. Когда она подошла поближе, я узнал ее. Это была Франческа.

— Ой, как хорошо, что ты здесь, Павлито. Вот Мигель обрадуется, когда нас обоих увидит.

Мы вошли, надели белые халаты. Франческа остановила первую встречную сестру, пошепталась с ней, потянула меня на второй этаж.

Мигель спал. Мы принесли два стула и тихо сели возле. Мигель зашевелился, захлопал ресницами, широко открыл глаза:

— Я, наверное, или брежу, или вижу сон.

— Да нет же, это я, твоя Франческа, — нагнулась к нему она. — А рядом со мной Павлито. Ты узнаешь нас, мой милый?

— А это что за царапина? — спросил ее Мигель.

Я тоже заметил на правой щеке Франчески красную царапину.

— Да так, пустяки, ветка хлестнула, — ответила она.

— Ты что же, в город не по дороге, а лесом ходишь? — хмыкнул парень.

Франческе ничего не оставалось, как рассказать о своем нелегком пути из части в Мадрид.

Вначале ей повезло. Первые восемь километров проехала на попутном грузовике, что вез ящики со снарядами. Потом, к вечеру, в маленькой деревушке она решила раздобыть лошадь или, быть может, пристроиться на попутную крестьянскую подводу. Постучала в окно крайнего дома. Седой сгорбленный старик пригласил войти. Долго рассматривал гостью, потом, невесело вздохнув, положил на стол кусок сыра, хлеба и пару апельсинов. Предложил остаться, дождаться утра. Но Франческа спешила и уговорила дать ей ослика. Все шло хорошо. Но когда до Мадрида оставалось почти рукой подать, неожиданный удар натянутой поперек дороги проволоки сбросил ее с ослика в кювет.

Подымаясь, она увидела перед собой ствол винтовки. Франкистские солдаты задержали ее. Франческа прикинулась наивной горожанкой, навещавшей дедушку, и они уже собирались ее отпустить. Но подошедший к ним офицер оказался тем самым негодяем, который пытался завербовать ее в Альбасете. Он узнал Франческу. Отпираться было бесполезно. И он решил собственноручно расстрелять ее — повел к ближайшему кустарнику.

Будто смирясь, Франческа незаметно извлекла из кармана вальтер. И в тот момент, когда они подошли к кустарнику и фашист навел ей в лицо луч электрического фонаря, она резко

подняла руку и трижды выстрелила. Фонарь погас, фашист с хрипом повалился на землю. Франческа бросилась бежать. Темнота помогла ей.

К утру она вышла на большак. Бойцы-республиканцы, ехавшие на грузовике в Мадрид, увидели ее и взяли с собой.

Рассказ Франчески взволновал нас с Мигелем. Даже если б этот случай оказался ее наивной выдумкой, он обретал глубокий смысл.

— Теперь-то ты поняла, как надо расправляться с врагами? — спросил я ее. — Или ты его, или он тебя.

— Поняла. Одними пощечинами войну не выиграешь.

— То-то и оно, — влюбленно глядя на нее, подхватил Мигель.

Я понимал, что Мигель и Франческа давно не виделись, и оставил их вдвоем.

В часть я вернулся, когда она готовилась к напряженным оборонительным боям. Командир бригады Энрике Листер, как всегда энергичный, шумно приветствовал меня, познакомил с последним приказом командования.

— Да, едва не забыл, — рассказал он. — Какая-то чертовщина получается у наших пулеметчиков. Жалуются, что словно кто-то заколдовал их «максимы» — бьют неприцельно.

— Не может быть! — возмутился я. — Пулеметы — что надо. Может, не умеют стрелять?

— Ну-ну, не кипятись, — стал успокаивать меня командир бригады. — Никто не думает снимать с вооружения твои любимые «максимы». Очевидно, какое-то недоразумение.

— Хорошо, проверю, — ответил я.

И тут же, выйдя от Листера, решил выяснить: что происходит с нашими пулеметами, почему они бьют неприцельно?

Придя в роту, попросил показать «больные» «максимы». Командир роты Гомес выкатил пулемет, ткнул пальцем: «Например, вот этот». Я внимательно, со всех сторон осмотрел его. «Максим» был в полном порядке.

— Кто врет, что он стреляет неприцельно? — негодовал я. — Из него стрелял ваш самый лучший пулеметчик Мигель.

— Зачем обижаешь, Павлито? — насупился Гомес. — Я всегда только правду говорю. Какой смысл мне врать?

— Давай мишень — докажу, что ты не прав.

Солдаты установили мишень, и мы с Гомесом легли за пулемет. Прицелившись, я дал короткую очередь: перед мишенью вздыбились бурунчики пыли. Прицелился тщательнее и дал длинную очередь. Почувствовал, что пули прошили мишень. «Ну, подождите, сейчас я вам докажу, что такое «максим»!» Гомес перезарядил ленту, я нажал гашетку и слегка повел стволом по

фронту. Верхняя часть мишени, срезанная, словно бритвой, рухнула на землю.

— Вот так надо стрелять!.. — Отряхивая пыль с брюк, я похлопал по плечу своего испанского друга. Но ротный стоял насупившись, не поднимая глаз:

— А марокканцев пулеметы не берут. Что хочешь со мной делай, а не берут. Каждый день из окопов противника выходят солдаты-марокканцы на глазах у нашей роты. Мы стреляем, а им хоть бы что. Мятежники засекают наших пулеметчиков и открывают по ним огонь из минометов и орудия. Уже два расчета вывели из строя…

— Ясно, понял, — остановил я Гомеса. — Готовь пулемет.

Мы хорошо замаскировались и стали внимательно следить за окопами противника. Ровно в полдень показалась голова солдата в каске. Я прильнул к прицелу, но солдат исчез. Потом появился несколько правее и медленно пошел по окопу.

— А вон и второй, — подсказал Гомес.

В том же окопе, метрах в семистах от нас, поднялся второй. Осмелев, высунулся по пояс. «Ну, подожди, гад, сейчас проучим за такую наглость», — заволновался я, установил прицел семь, подвел по кольцу, навел по ходу движения вражеских солдат. Как только они подошли к прицельной точке, я выпустил короткую очередь. Я нисколько не сомневался, что пули лягут точно по идущим фигурам. Но они как ни в чем не бывало продолжали шагать своей дорогой.

— Промазал, шайтан их возьми, — с досадой выругался я.

— Что такое шайтан? — шепотом спросил Гомес.

— Черт, значит. На Урале так говорят.

Еще точнее навел пулемет, прицелился и выпустил длинную очередь. Один солдат мятежников, взмахнув руками, упал в окоп.

— Буэно! — похлопал меня по плечу Гомес. — Машина работает. Давай другого накрой.

Но минут двадцать никто не появлялся. На всякий случай мы незаметно перебрались на запасную позицию, замаскировались, стали ждать. Вскоре осторожный марокканец слегка приподнял голову над окопом. На каске привязана трава. «Ну, ничего, трава тебе не поможет», — и я дал очередь. Солдат был невредим. Я разозлился и выпустил по нему всю пулеметную ленту. И опять — мимо. Что за чертовщина…

Было неудобно перед друзьями — не смог снять вражеского наблюдателя. А тот осторожно показывался над бруствером, часто менял позиции. Наконец, «нагулявшись» окончательно, он сполз в окоп. И перед нами стали рваться снаряды мятежников. Они успели засечь нашу позицию и повели по ней огонь из двух

батарей. Артналет длился минут пять. Наконец, очевидно, противник решил, что наш пулемет и мы сами уничтожены. Только благодаря хорошему укрытию нам удалось сохранить «максим» и самим остаться невредимыми.

Долго я думал о загадочных марокканцах, которых не берут пулеметные очереди. Уж не изобрел ли противник какие-то кольчуги? Или действительно с пулеметом что-то случилось? Может быть, пули долетали до бруствера окопа и, ударившись о камень или о сухой грунт, летели мимо вражеских голов? Неопытность? Сильно переживал я неудачу. Обидно было за нашего «максимку».

Но вскоре наша бригада захватила окопы противника. Мы, сгорая от нетерпения, кинулись туда, где «разгуливали» марокканцы. Обшарили все стенки, дно, ниши — ни одного убитого не увидели. Лишь в заброшенном углу нашли чучела, сделанные мятежниками из картона и фанеры в натуральную величину, при полной экипировке. Изготовили их так умело, что даже за триста метров трудно было отличить макет от человека.

Чучела имели много пробоин, а два оказались настолько продырявленными, что развалились. Так противник обманул нас и успешно засек наши огневые точки. Испанцы сфотографировали меня на память с одним из «заколдованных марокканцев». На всю жизнь запомнил я этот урок. Потом приходилось с подобными штуками встречаться и во время Великой Отечественной войны. Но у нас уже был опыт.

Быстро летело время. Бойцы-республиканцы, обретая боевой опыт, стали более умело использовать современное оружие. И пример в этом им подавали хорошо подготовленные советские добровольцы. Они учили своих испанских друзей воинскому мастерству.

Однажды с Колей Гурьевым, когда шли упорные бои в районе Лас-Росас и Махадаонда, мы сидели на наблюдательном пункте и ждали сигнала атаки. Из-за сильного тумана ее отложили на полчаса. Коля пристроился у бруствера и, пользуясь заминкой, писал письмо домой, в Москву. Чернила в ручке кончались, и он сердито встряхивал ее. Я листал словарь — пытался выучить еще несколько испанских слов. Неожиданно началась беспорядочная стрельба перед фронтом, где должна наступать наша бригада. Била республиканская артиллерия.

— Что они делают? — кинулся я к Коле. — Ведь этот, же артиллерийский огонь должен обеспечивать действия нашей бригады.

— Ничего не понимаю, — пожал он плечами. — Смотри, смотри, они бьют по пустому месту, там ведь и противника нет.

Может, Листер приказал.

— Не может быть. По нашему приказу артиллеристы должны начать стрелять только через десять минут.

— Ничего не понимаю, — разводил руками Коля. — У нас же снарядов с гулькин нос.

— Ты можешь приостановить, огонь? — спросил я его.

— Это не в моей власти. Но попробую уговорить.

Он вызвал по телефону командира дивизиона капитана Переса и стал умолять прекратить бесцельный огонь. Но Перес стоял на своем:

— У меня есть приказ высшего командования, и я его выполняю.

Тогда я решил рискнуть. Выхватив, у Коли, трубку, как можно строже крикнул Пересу:

— Говорит капитан Павлито. Энрике Листер приказывает прекратить огонь.

Стрельба умолкла. Мы с Колей вызвали по телефону Листера и рассказали о случившемся. Он выслушал и лаконично произнес: «Правильно сделали. Сейчас приеду».

Мы с Колей пошли на наблюдательный пункт. Но едва добрались туда, как батареи вновь открыли огонь, теперь уже перед самым наступлением пехоты. Смотрим и глазам не верим. Опять пушки бьют мимо намеченных целей. Артиллеристы из дивизиона снова делали все по-своему, всерьез думая, что, кроме их специалистов, некому подготовить необходимые данные. Кое-как остановили их. Тут-то и показал свое мастерство Коля.

По просьбе Листера он стал готовить данные для дивизиона по наблюдаемым целям. Снарядов было мало, Коля это понимал и поэтому все делал особенно тщательно. И когда артиллеристы вновь получили приказ открыть огонь, снаряды пошли точно в цель. Разрыв — замолкла пулеметная точка. Несколько залпов — и затихла вражеская батарея. Меткость Коли поразила испанских артиллеристов. Они даже растерялись. А упрямый капитан Перес уверял, что «камарада Коле просто везет».

— Держу пари, — рассердился Коля, — каждый снаряд будет рваться в радиусе не далее 100 метров от цели.

— По рукам. За каждый точный разрыв плачу сигару, — согласился командир дивизиона.

Пари состоялось. В самом худшем положении от него оказались франкисты. Они никуда не могли спрятаться от точного огня Коли-артиллериста. Все цели были поражены.

На следующее утро к нам на НП солдаты доставили небольшой ящичек сигар. В нем нашли записку:

«Признаюсь, пари проиграл. Преклоняюсь перед вашим мастерством. Если б разыгрывалось первенство мира по стрельбе из артиллерийских орудий, вы бы стали чемпионом. С искренним уважением капитан Перес».

Образцы воинской выдержки, мужества, стойкости показывал каждый из наших добровольцев. Легенды слагали испанцы о советском танкисте Поле Армане, наводившем своими смелыми рейдами ужас на противника. Поль Арман, командуя пятнадцатью танками, прорвал фашистскую оборону, уничтожил несколько сотен врагов, подавил много орудий, пулеметов, расстрелял несколько неприятельских танков. Фашисты после таких действий были вынуждены приостановить наступление. А он с открытым люком подъехал к штабу противника и с нарочитым акцентом, мешая французские и испанские слова, стал переругиваться с подполковником-фалангистом, чтобы выиграть время, пока подтянутся остальные боевые машины. Потом подал водителю сигнал: «Вперед!» — и танки принялись гусеницами утюжить фашистский штаб.

Вспоминается и такой случай. К командиру 11-й бригады немецкому коммунисту Гансу Кале для помощи в организации взаимодействия и выяснения обстановки на поле боя я был отправлен в разгар сражения под Гвадалахарой. Эта часть с приданным ей взводом танков получила задачу: прочно занять и оборонять рубеж, в центре которого находился 82-й километр Французского шоссе.

С высотки, где находился НП, можно было наблюдать за расположением республиканских войск, а также хорошо просматривалась и местность в районе действий противника. Мы заметили, что северо-восточнее 82-го километра занимает огневые позиции итальянская артиллерия. На нас двигались также две батальонные колонны по шоссе, они стали принимать предбоевые порядки — каждая развернулась в линию ротных колонн. Вдали показалось и несколько танков.

Командир бригады распорядился: батальонам первого и второго эшелонов быть готовыми отразить атаку. К этому времени на наблюдательном пункте появились два танкиста. Один из них был советский доброволец Баранов. Я дал ему бинокль и ознакомил с обстановкой. Он сказал, что у него на подходе рота танков, готовая вступить в бой.

Вскоре на шоссе появились итальянские танки, пошли на наши позиции. Они были уверены, что у республиканцев нет противотанковых средств. Стальные машины, беспечно двигаясь

вперед, оторвались от своей пехоты. Генерал Кале заволновался, хотя его бойцы уже не раз участвовали в сражении с танками.

— А как вы думаете, Павлито, наши танки встретят их или нет? У нас в батальоне нет противотанковых средств, и люди могут дрогнуть?

— Танкисты Баранова не подведут, — уверил его я.

За машинами противника развернулись в цепь два итальянских батальона. Кале отдал распоряжение командиру артгруппы открыть сосредоточенный огонь трех батарей по наступающей пехоте. Я насчитал более двадцати вражеских танков. А где наши? Вовремя выйдут или нет? Видят ли они наступающих на нас?

Расстояние между линией обороны республиканцев и первой наступающей пехотной цепью становилось все меньше и меньше. Итальянцы перешли на ускоренный шаг, ведя огонь с ходу. Впереди каждой роты бежал офицер с поднятым облаженным, клинком. Вражеская артиллерия перенесла огонь в глубину нашей обороны, не забыв напоследок прихватить и наш наблюдательный пункт. Послышались крики, стоны. Один снаряд разорвался совсем близко от нас.

Ганс Кале, стряхивая с себя землю, проговорил:

— Да, Павлито, так могут и убить.

Я посмотрел на него:

— На войне все может быть.

Развеялись пыль и дым — и мы увидели, что итальянцы в беспорядке бегут назад, а наши танкисты пулеметным огнем на ходу расстреливают их.

Мне рассказали, как погиб стойкий антифашист механик-водитель Фриц. Прямым попаданием снаряда была подбита его машина. Легко раненный, он лег под танк и не подпускал к нему врага. Остальные члены экипажа погибли. Вторым снарядом Фрицу оторвало ногу. Истекая кровью, он отстреливался до последнего патрона.

Мы выиграли этот бой. Не многим итальянцам из двух наступающих батальонов удалось вернуться назад: большинство было уничтожено, а часть взята в плен.

Я пробыл в бригаде Ганса Кале несколько дней. А собираясь назад, в бригаду Листера, встретился со своим другом — артиллеристом Николаем Гурьевым.

— Сходим к моему командиру Воронову на чаепитие, — пригласил он.

— Согласен.

Я давно соскучился по чашке хорошего, крепкого чая. Вечером, часов в десять, мы подъехали к утопающему в зелени

зданию, где жил доброволец, советник Николай Николаевич Воронов, в будущем Главный маршал артиллерии Советской Армии. Дверь нам открыла высокая стройная блондинка в очках. Тася — так звали девушку — знала Колю и очень обрадовалась его приходу. Девушка принялась собирать на стол, а Коля помогал ей.

Вскоре появился и Николай Николаевич. Он одобрил мысль устроить чаепитие, но внес небольшую поправку:

— По русскому обычаю надо хорошенько покушать.

Быстро накрыли на стол. Немного замешкавшись, Николай Николаевич достал из неприкосновенных запасов бутылку водки:

— Ну, сегодня понемногу можно.

После плотного ужина принялись «гонять чаи». Заварка, которую Николай Николаевич готовил собственноручно в маленьком фарфоровом чайнике, была просто великолепна. За веселыми разговорами выпили по нескольку чашек. Мы с Колей напились, а Николай Николаевич, обозвав нас маломощными, продолжал чаепитие. Он пил, смакуя каждую чашку и приговаривая: «Еще одну — и баста». Наконец перевернул чашку вверх дном, смеясь, положил сверху оставшийся кусочек сахара и мечтательно произнес: «Эх, хотел бы я пить этот чай в Москве».

Поблагодарив Воронова за угощение, мы с Колей Гурьевым отправились ночевать к Коле. Он занимал небольшую комнатку, где стояли две кровати, гардероб и несколько стульев.

— Кто с тобой живет?

— Переводчик Пенио. Веселый добрый парень, но сильно грустит по дому, по жене.

— Он испанец?

— Кубинец, но жил в Москве. Там и женился на русской девушке Татьяне. Так что мы вроде бы с ним земляки.

Заснули мы поздно, до подъема оставалось четыре часа. Но и этим временем нам не удалось воспользоваться. Гул авиационных моторов поднял нас на ноги, послышался пронзительный свист, потом раздался сильный взрыв. Все пошло ходуном. Я оказался на полу. Комната наполнилась дымом. Попытался крикнуть — язык не повиновался, голова кружилась.

Дым рассеялся — и мы увидели, что у комнаты осталось три стены. Четвертую словно ветром сдуло. В угол дома, где мы ночевали, попала стокилограммовая бомба. Настроение было подавленное. Из подъезда соседнего дома выносили раненых и убитых.

Мы попрощались с Колей, я добрался до штаба бригады. Дежурный передал мне весточку от Франчески. Она написала, что жива, здорова, в совершенстве овладела пулеметом,

командование доверяет ей самые трудные задания. Мигель все еще лежит в госпитале, но здоровье идет на поправку. Обещали скоро выписать, и Франческа собиралась его встречать.

Начались сильные, продолжительные бои. Республиканцы с большим трудом удерживали натиск превосходящих вражеских сил. В этой горячке я на некоторое время забыл о Мигеле и Франческе.

Наша бригада располагалась в живописном местечке. Кругом зелень, красивые аллеи, аккуратные скамеечки. Как-то в минуты затишья я бродил по парку, заглянул в беседку. И там, к своему удивлению, обнаружил Франческу и Мигеля.

— Хороши друзья! Приехали и прячутся, — упрекнул я их.

Молодые сидели мрачные, отвернувшись друг от друга.

— Чего надулись как индюки?

— Диктатор какой-то… — начала Франческа.

— Тоже мне вояки — «анархия — мать порядка», — передразнил ее Мигель.

— Независимость личности — прежде всего! — горячилась она.

— А кто ее у вас отнимает? — поднялся парень.

— Вы, вы, вы!.. — Франческа была готова расплакаться.

— Ну, хватит, — как можно мягче произнес я. — Лучше расскажите, где так долго пропадали и почему не давали о себе знать?

…Обычный для тогдашней Испании эпизод.

В день выписки Мигеля из госпиталя в Мадрид приехала Франческа. К вечеру они выбрались из города и стали голосовать перед каждой машиной. Остановили грузовик. В кузове сидело и лежало человек десять — и военные, и крестьяне с корзинами фруктов. Намаявшись, Мигель и Франческа прижались друг к другу и задремали. Но через несколько километров грузовик задержали.

Два франкистских офицера заставили всех сойти. Шофера застрелили. У всех стали проверять документы. Крестьян, что везли фрукты, отпустили, отобрав и корзины и кошельки. Остальных, в том числе Мигеля и Франческу, обыскали, повели к себе.

Утром начали допрашивать. Мигеля — первым. Следователь требовал сообщить все, что Мигель знает о дислокации республиканских войск, о вооружении, о своей части. Парень отвечал: «Ничего не знаю». Заканчивая допрос, следователь осведомился: правда ли, что Франческа — его невеста? Мигель отрицал, но неудачно. На фотографии, изъятой у него, они с Франческой выглядели явно влюбленными. Мигель сказал, что

она — гражданское лицо и задерживать ее они не имеют права.

— Проверим, — ответил франкист.

Почему они с Франческой не побеспокоились, прежде чем их растолкали по разным подвалам, условиться, как вести себя на допросах, досадовал Мигель.

Вызвали Франческу. Спросили, кто она: коммунистка или анархистка? Она ответила, как было: анархистка. Следователь стал повежливее. Пытался узнать, почему она собирается связать свою судьбу с Мигелем, коммунистом. Спрашивал, участвовала ли в боях. Но скрыть, что она пулеметчица, Франческе не удалось: в документах Мигеля оказалось ее письмо — фронтовая жизнь, последние бои… Ее пытались шантажировать этим письмом: дескать, Мигель предал ее. Но Франческа не верила, и сломить ее не удалось.

Франкисты снова взялись за Мигеля. Показали: ему подложное письмо Франчески: она уговаривала его перейти на сторону генерала Франко. Но в письме вместо ласкательного Мигль, как обычно писала Франческа, стояло — Мигель. Он понял, что это фальшивка. И он верил в свою Франческу.

Их приговорили к расстрелу. Перед казнью обоих поместили в сарай, где раньше держали скотину. Они не пали духом, Мигель читал ей наизусть множество стихов — веселых и грустных, шутливых и печальных. А ночью послышались отдаленные ружейные выстрелы. И в дверь сарая начал стучать конвойный, который охранял их. Испугавшись наступления республиканцев, он решил выпустить приговоренных. Но предусмотрительно, прежде чем открыть дверь, потребовал написать ему справку о том, что он спас от расстрела бойцов республиканской армии.

В щель он просунул клочок бумаги и карандаш. Мигель торопливо написал:

«Мы, бойцы республиканской армии, приговоренные к смертной казни… такой-то и такая-то, совершили побег благодаря оказанной нам помощи рядовым Альваресом Персонесом».

Конвойный прочитал, выпустил узников, отвел в сторону и бросил в дверь две гранаты:

— Теперь все ясно: кругом стреляют — вот дверь взрывной волной и сорвало…

Мигель и Франческа вначале спрятались в ближайшей лощине, густо поросшей мелким кустарником, — надеялись, что республиканцы выбьют врага из деревушки. Но ожесточенные атаки франкистам удалось выдержать. И только после двухдневных мытарств Мигель и Франческа, измученные, сумели выйти к своим.

— Теперь нам никак порознь воевать нельзя, — горячился Мигель. — Нечего нам больше расставаться.

Мы уговаривали Франческу остаться в нашей бригаде.

— Война, она и есть война, — убеждали мы ее. — А в армии мы все равно в одной — республиканской.

— Напрасно тратите красноречие, — остановила нас Франческа. — Парни вы стоящие и коммунисты, по всему видно, хорошие. Но я не могу нарушить слово, данное своим боевым товарищам, — сражаться вместе с ними до победного конца. И давайте на этом кончим. Завтра я возвращаюсь в свою часть.

Она всегда была верна себе. На следующий день мы прощались. Молча. Раскрасневшаяся Франческа чмокнула каждого из нас в щеку и ушла.

Такие в Испании женщины.

Я, например, всю жизнь не могу забыть как к нам на фронт, в 11-ю дивизию, приезжала Долорес Ибаррури.

Словно в ожидании праздника, комиссар Сантьяго Альварес, начальник штаба Родригес и Энрике Листер сообщили:

— Из штаба Центрального фронта получена телеграмма. Завтра у нас будет Пасионария.

Я уже много раз слышал здесь об этой героической женщине. Долорес Гомес Ибаррури (Пасионария) родилась в Басконии, дочь горняка (1895). С 20 лет — революционерка, один из основателей Коммунистической партии Испании, организатор женского движения. Выступала в рабочей печати под именем Пасионария (Пламенная). Выдающаяся деятельница испанского и международного рабочего и демократического движения, популярнейшая женщина нашей планеты.

Шесть раз Ибаррури подвергалась арестам и тюремному заключению, но власти всякий раз вынуждены были освобождать ее по требованию народа. Особенно большую роль она сыграла в создании антифашистского народного фронта в Испании (1935—1936) и в период освободительной войны испанского народа против фашистских мятежников и итало-германских интервентов, которых поддерживали империалисты Англии, Франции и США. Пасионария — истинно пламенный народный трибун, талантливейший организатор, великая дочь рабочего класса. И вот она должна быть у нас. Все ждали ее приезда.

С нею приехали комиссар Центрального фронта Франциско Антон и прославленный в боях командир Модесто. Как всегда жизнерадостная и веселая, Пасионария была в приподнятом и хорошем настроении. Она пошла на передовую к бойцам, в окопы:

— Как, Павлито, можно? Это не сложно?

Пройти на передовую — всегда риск, и я ответил:

— Конечно, можно, но не обязательно. Вы же не агитатор бригады и не комиссар дивизии. Вы руководитель партии.

Мой ответ ее не удовлетворил. А Листер согласился идти вместе с ней. Ну а Листер пойдет — пойдут и все остальные. Значит, наберется большая группа людей. И, конечно, каждый станет вести себя героем, не будет маскироваться, и там, где нужно, может быть, переползти, пошагает в рост. Наблюдатели противника увидят их и вызовут артиллерийский огонь.

Долго шел спор. В конце концов решили идти вчетвером: Долорес, Листер, Антон и я. Многие командиры, естественно, обиделись, не попав в нашу группу. Но потом убедились, что так лучше.

Пасионария переоделась так, чтобы издали ее можно было принять за мужчину. На голове — пилотка, та самая «испанка» с кистью, которую многие наши советские ребятишки носили в 1936—1939 годах в знак солидарности с Испанией.

И вот мы в первой траншее. Не успели спуститься, как Пасионарию сразу окружили солдаты и офицеры, громко приветствуя. Она знала, что во 2-м батальоне есть две девушки-пулеметчицы, сражающиеся уже более трех месяцев и особенно отличившиеся в последних боях. Пасионария пробралась и к ним в окоп. На вид им казалось всего 16—17 лет. Радостные и счастливые, они разговаривали с нею.

Вокруг стало столько оживления, веселья и шума, что итальянцы из фашистского экспедиционного корпуса, который противостоял нашей 11-й дивизии, почувствовали что-то подозрительное. Неподалеку стали рваться мины и снаряды. Надо было немедленно уходить, пока итальянские артиллеристы не сделали точную пристрелку. Но Пасионария и слышать об этом не хотела. Она продолжала беседовать с солдатами и офицерами — горячо говорила о неминуемом часе, когда интервенты покинут Испанию или найдут себе здесь могилу вместе с фашистскими мятежниками.

— Сейчас командиры итальянского экспедиционного корпуса, в том числе и генерал Манчини, издают много приказов, пишут срочные и весьма срочные документы о низком политико-моральном состоянии своих войск, принимают всевозможные меры к тому, чтобы восстановить дисциплину, — рассказывала Ибаррури. — Они снимают командиров частей, которые со своими подчиненными позорно бежали с поля боя во время нашего наступления. Многие части и подразделения сейчас расформировываются, потому что понесли большие потери и не способны вести боевые действия. А у нас ведь совсем не так! Правда?..

Сердечно и проникновенно Пасионария говорила о солдатах, унтер-офицерах 2-й бригады, мужественно дравшихся с итальянскими войсками. Для бойцов это был большой, радостный и впечатляющий день. Они видели рядом с собой на передовой линии прославленную Пасионарию и, затаив дыхание, слушали пламенного революционного трибуна.

…Мужество женщины!.. Пред ним преклоняешься всегда.

Как-то нашей бригаде предстояло действовать на вспомогательном направлении, во втором эшелоне. Вместе с начальником штаба Родригесом мы составили план учебы на три дня. Переписав начисто, пошли к Листеру.

— Так быстро? — удивился он и недоверчиво посмотрел на нас.

Он читал не спеша, подолгу останавливался на каждой странице, переворачивал ее, начинал другую, потом снова возвращался назад. Изучив план до конца, прижал его ладонью:

— Когда же людям отдыхать, Павлито? Ни минуты свободной.

Я понял, что план сильно перегружен, но попытался оправдаться:

— Военным людям отдыхать не положено. Разобьем Франко — тогда отдохнем. И потом, вообще есть поговорка: «Больше пота в ученье — меньше крови в бою».

Листер вслух перевел пословицу на испанский, подумал, улыбнулся:

— Все это правильно, Павлито. План хороший, но отдыхать людям тоже надо. И не забудь, что испанцы любят хорошо повеселиться, попеть песни, поговорить за стаканом вина. Когда бой идет — мы воюем, а затишье — мы гуляем. Годами сложившиеся обычаи, нравы, привычки сразу, даже если они плохие, не сломать. А вообще-то, ты прав: к дисциплине наших солдат и офицеров надо приучать и приучать.

Коррективы в план были внесены. Для учебы с офицерами предусмотрены тактические занятия в поле. На следующее же утро и начали. Но второй эшелон — не тыл. Боевые задачи оставались.

Перед нами шли кровопролитные бои. На этом участке я, между прочим, снова встретил друга-земляка Колю-артиллериста — Николая Гурьева.

Теперь он рассказал, как воюет в составе 35-й бригады, как его командировали в подошедшую сюда 11-ю интернациональную. Она не имела своей артиллерии, и ей надо было помочь огоньком.

— Жарко было здесь, — вздыхал Коля. — У франкистов

численное превосходство, лезут, невзирая на потери. А в 11-й бригаде всего около полутора тысяч человек. Но зато все дерутся здорово… На днях остались мы со своим НП в тылу противника. Видим, как франкисты пошли в атаку, а ничего сделать не можем: перерезаны провода, нарушена связь с огневыми позициями. Мы впятером — три испанца, я и переводчик — дождались темноты и начали ползком пробираться к нашим батареям. К утру оказались на опушке невзрачного парка. Начался сильный минометный огонь. Фашисты били по одному и тому же месту впереди. Закончат обстрел — и марокканцы с гиком бросаются на перепаханный минами окопчик. Но их встречает мощный огонь «максима». Окруженный пулеметный расчет несколько часов упорствовал. Вдвоем ведь… Их накроют огнем, а они после этого опять атаку отражают. Сколько марокканцев перемолотили!.. Фашистам надоело, и они обошли пулеметчиков стороной. Тогда наши ребята развернулись и ударили им в тыл. Мы следили за этим поединком, но чем помочь? У нас одни пистолеты… И фашисты пустили на них три танка. Первый они подожгли, а два других расправились с ними…

Подразделение Коли-артиллериста находилось в первом эшелоне, а наша бригада — во втором. Но в этой обстановке мы тоже быстро получили «первоэшелонную» задачу. Наступать!.. Энрике Листер решил ввести свои подразделения в бой во второй половине дня, как только будет прорвана линия вражеской обороны. Нам предстояло пробиваться меж двух опорных пунктов — Лас-Росас и Махадаонда — в направлении телеграфа.

Массивное здание телеграфа на небольшом холме считалось ключом обороны противника. Четыре этажа противник сумел хорошо приспособить к круговой обороне. Многочисленный гарнизон готовился к длительному сражению. Но в случае падения телеграфа нам можно было легко захватить и два других важных опорных пункта.

Приготовились. Пулеметчики — среди них и мой друг Мигель — еще раз проверили «максим». Артиллеристы замаскировались, нанеся на карту вражеские цели. Санитары с хорошо укомплектованными сумками затаились в томительном ожидании атаки. А сигнала все не было. Прошел час, второй, третий… Вечер, ночь, утро…

Оказалось, части 3-й и 21-й бригад, что начинали наступление (и после успеха которых вступали в бой мы), у самой линии обороны противника наткнулись на проволочные заграждения. Саперы были застигнуты врасплох, специально выделенных людей проделывать проходы не предусмотрели. Пока стали перестраиваться, противник открыл ураганный огонь,

прижал их к земле. Атака захлебнулась. Мятежники вызвали на подмогу авиацию, помолотили бомбами, артиллерийским и минометным огнем, а затем сами перешли в наступление.

Этот контрудар пришелся в стык нашей бригады и бригады анархистов. Наши стойко сдерживали натиск врага, штурмовавшего до самой ночи. К утру обещали подкрепление. И тут с фланга к командиру прибежала запыхавшаяся девушка в военной форме. Сквозь слезы горечи, обиды и стыда она сообщила, что батальон анархистов, в котором она служила, снялся с места и оставил позиции. Ушли тихо и незаметно. Командир анархистов сказал, что держать оборону, да еще ночью, — безумие. Это походило на предательство.

— Трусы, лжецы, хвастуны, — плача, возмущалась девушка. Она попросилась остаться.

Наши приняли срочные меры, чтобы прикрыть оголенный фланг — сформировали небольшую группу и выдвинули ее с пулеметами. Девушку-анархистку назначили вторым номером к коммунисту-пулеметчику Мигелю. Надо ли уточнять, что это была его Франческа.

Но недолго пришлось влюбленным воевать вместе. Через несколько дней возобновили подготовку к штурму здания телеграфа. В ночную разведку послали группу бойцов, включили в нее и Мигеля с легким пулеметом. Они должны были установить проходы в проволочных заграждениях перед зданием телеграфа, выявить пулеметные точки. Долго ждали их возвращения. Истекли все обусловленные сроки, а от них ни слуху ни духу. Правда, успокаивала тишина возле телеграфа. Значит, прошли незамеченными.

Но вскоре раздались пулеметные очереди, разрывы гранат, винтовочные выстрелы. Противник принялся освещать ракетами передний край. Через некоторое время в окоп ввалились запыхавшиеся разведчики. Приволокли с собой франкиста-офицера. Вернулись все, кроме Мигеля.

Здоровяк сержант виновато доложил:

— Остался там… Наткнулись на засаду, когда возвращались обратно… Фашисты накрыли нас на голом месте… Ну, Мигель и вызвался прикрыть наш отход… Он с пулеметом… Может, еще вернется…

Всю ночь ждала Франческа Мигеля, но он не вернулся. На рассвете республиканцы были готовы к бою. Франкистский офицер, притащенный разведчиками, рассказал, где расставлены мины, где есть проходы, где главные огневые точки. Можно было увереннее избежать больших потерь. Словом, не зря ходили разведчики в поиск.

После двадцатиминутной артиллерийской подготовки бригада атаковала здание телеграфа. Осажденные франкисты самонадеянно сопротивлялись. К ним пытался прорваться отряд подкрепления, он появился неожиданно, и на какое-то время в наступлении произошла заминка, растерянность. Но тогда заговорил «максим». Это Франческа со своими товарищами, хорошо замаскировавшись, встретила противника метким огнем, прижала франкистов к земле. Враг залег. Затем поднялся на отважных пулеметчиков, не считаясь с потерями.

Высокий фашистский офицер, размахивая пистолетом и громко крича, ринулся со своими солдатами на окопчик, где засела Франческа. Она стреляла не торопясь, расчетливо, короткими очередями. Перед нею ткнулись в землю несколько солдат, один, раненый, пополз назад, и озлобленный офицер застрелил его. Франческа прицелилась — офицер упал, и франкисты повернули назад, оставив его на поле боя.

Меткий огонь Франчески воодушевил бойцов. Они с новой энергией бросились в атаку. И взяли телеграф штурмом. Ворвались в здание с боем.

Разведчики, хорошо знавшие дороги, начали искать своего друга Мигеля. Франческа кинулась с ними. Они бегали, осматривая все закоулки, все комнаты, здания, переходили с этажа на этаж, выбивая гранатами кое-где еще сопротивлявшихся фашистов. Но поиски были безрезультатны. Сержант, увидев забившегося б угол с поднятыми руками фашистского солдата, поднес к его испуганной физиономии огромный кулак:

— Говори, собачья душа!.. Куда девали нашего разведчика?

Солдат слезливо моргал глазами:

— Я скажу… Но я человек маленький, я его не пытал… Там, во дворе, в подвале…

Разведчики бросились во двор. Бежавшая впереди Франческа увидела в дальнем углу полуподвальное помещение за решетчатой дверью.

Она кинулась туда, резко рванула дверь. Раздался оглушительный взрыв. Клубы дыма скрыли Франческу. Когда подоспели разведчики, они уже ничем не могли помочь. В нескольких метрах от подвала нашли пудреницу Франчески. Обнаружили в ней короткую записку. Сержант прочел вслух:

— «Я поняла, что мое место с коммунистами. Ты был прав, Мигель. Зачем мы так часто ссорились…»

Похоронили Мигеля и Франческу в одной могиле. Мы долго стояли над скромным холмиком и молчали. Потом сержант вышел вперед и, вскинув руку, громко сказал:

— Мы отомстим за вас, камарада. Но пасаран!

Через несколько часов противник стал подтягивать силы. Явно собрался отбить потерянное здание телеграфа. Наблюдая с четвертого этажа за местностью, мы заметили совсем неподалеку, под чахлыми деревцами, танки. Чьи они? В нашей группировке машин не было. У противника они не такие. Подошла какая-то республиканская часть? Но до чего по виду они мне знакомы… Смутно догадываясь и поэтому волнуясь, я мигом — с четвертого этажа и к парку. Там стояло с десяток стальных машин.

— Где командир? — запыхавшись, крикнул я.

И услышал за спиной спокойный голос:

— Тебе чего, Саша?

Ко мне шел мой друг Митя Погодин. Мы встретились так, как где-нибудь в Подмосковье.

Я рассказал, что фашисты готовят контрнаступление на телеграф, стянули свои танки. Наш батальон, который находится в здании, понес большие потери, обескровлен. А подкрепление ожидается по крайней мере часа через два.

— Вся надежда на твоих танкистов, Митя, — втолковывал я другу.

Он ответил невозмутимо и неторопливо:

— Сделаем, Саша, не беспокойся. Дадим копоти. Для того и приехали.

Он дал команду своим танкистам: «По машинам!» — а мне сказал: «Ну, будь жив».

Энрике Листер уже знал о танкистах, повеселел, сообщил об их прибытии защитникам телеграфа. Появление танков вызвало у солдат необыкновенную приподнятость духа. Испанцы всегда с благоговением относились к бронированным машинам, особенно если их вели в бой советские добровольцы.

В здании телеграфа и возле него закипела работа. Стали зарываться в землю, устанавливать в проемах пулеметы, незаметно выдвинулись вперед, замаскировались. Я успел связаться с Колей Гурьевым, который находился на соседнем участке. Коля-артиллерист пообещал подготовить сосредоточенный огонь двух дивизионов западнее нашего здания.

И вот в небе со стороны противника появились шесть бомбардировщиков. Они держали курс на телеграф. Приблизившись, ведомый самолет сделал небольшой крен на левое крыло, развернул машину, и от его брюха оторвались три бомбы. Они разорвались перед нашими передними окопами. Принялись сбрасывать свой смертоносный груз и остальные самолеты. Бомбы ложились слева, справа, сзади и не попадали в здание телеграфа. Но упавшая поблизости бомба накрыла своей взрывной волной всех, кто находился на НП, прижала к земле.

Гулко стукались о бруствер комья сухой земли, звенело в ушах, непривычно горько и сухо стало во рту. Сквозь грохот послышались стоны раненых. В туче поднятой пыли санитары бесстрашно стали выполнять свои обязанности.

За первой группой самолетов последовала вторая. Все повторилось снова.

Видно, за телеграф мятежники взялись основательно. После самолетов открыли огонь их артиллерийские батареи. Затем показались вражеские танки. На малой скорости, словно приноравливаясь к ухабистому полю, они двинулись на нас. За машинами с винтовками наперевес тремя плотными шеренгами шагала в полный рост пехота врага. Она шла открыто, словно на параде. Но мы уже не раз видели эти психические атаки и знали, чем они кончаются.

— Давайте топайте, — шептал возле меня командир батальона. — Обратно вы у нас поползете на четвереньках.

Не доходя метров пятисот до здания, танки открыли с ходу огонь и прибавили скорость. Пехота старалась не отставать от них, ведя бесприцельную стрельбу.

Мы молчали. Не обнаруживали себя танкисты. Берегли снаряды артиллеристы. Ближе, ближе, ближе…

Первыми вступили в бой наши танкисты. Они стали почти в упор расстреливать бронированные машины врага, отсекать огнем пехоту. Открыли огонь и наши пулеметчики. Марокканцы заметались. Артиллерийские снаряды, посылаемые Колей Гурьевым, закрыли им дорогу для отступления.

Тогда вражеские солдаты бросились к зданию телеграфа. Многие из них прорывались к центральному подъезду. Проскочили и два их танка. Республиканцы в упор расстреливали наступающих. Но некоторым марокканцам все же удалось ворваться в здание.

Положение обострялось. Держаться становилось труднее и труднее. Левее нашего НП пробились два вражеских танка с ротой пехоты.

— Шайтан их возьми, — непроизвольно вырвалось у меня. — Так недолго и в плен попасть.

Бой ожесточился. И перед зданием, и за ним, и в нем самом. Сбоку разгорелась схватка наших и вражеских танкистов. Кругом кромешный ад.

И вот сквозь грохот сражения послышались радостные крики: «Вива, камарада! Наши! Наши!..» Прорвавшиеся сквозь огонь вражеской артиллерии бойцы второго эшелона шли к нам на выручку. Я не выдержал — выкатил стоявший рядом станковый пулемет, расчет которого погиб, направил ствол на солдат

противника, лавиной штурмовавших подъезд телеграфа.

Большая часть наступавших марокканцев была в конце концов уничтожена, а остальные подняли руки. Телеграфом снова полностью владели республиканцы.

За бой у телеграфа я был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Победа досталась дорого.

Здание телеграфа за несколько часов превратилось в искромсанную коробку с закопченными пороховой гарью проемами окон. Кругом следы рукопашных схваток, мертвые тела.

На полуразвалившейся лестнице, у вырванной снарядом дыры в стене, мы столкнулись с Митей Погодиным:

— Жив? — Он крепко взял меня за плечи: — Уж не чаял тебя видеть. Я считал, что ты в здании. И когда увидел, как сюда ворвались эти… сердце оборвалось.

Он стянул танковый шлем с потной головы, кивком показал на поле. Там догорали вражеские танки. Все усеяно трупами противника.

Мы тоже понесли большие потери. Рядом с испанцами, сражавшимися за республику, полегли и добровольцы из многих стран мира.

…В жизни мне приходилось много раз отдавать последний салют павшим товарищам. Но к смерти невозможно привыкнуть. Умирая, наши герои остаются молодыми в памяти живых. Такими вечно молодыми бойцами против фашизма остались в моем сердце и венгерский писатель Мате Залка, и испанские патриоты Мигель и Франческа, и многие, многие другие воины интернациональных бригад. Память о них живет в моем сердце, рядом с памятью о павших позже героях Сталинграда, всех, кто бился с фашистами в Великой Отечественной войне.

В феврале 1968 года мне выпала большая честь — принимать участие в закладке фундамента Музея обороны города-героя Волгограда. После торжественной церемонии мы с моим хорошим, еще «испанским», другом генералом армии Павлом Ивановичем Батовым отправились в сквер к памятнику-обелиску нашему соратнику по оружию — сыну испанского народа, сыну пламенной Долорес, Герою Советского Союза Рубену Ибаррури, павшему смертью храбрых в боях за Сталинград.

Мы стояли молча у обелиска, и каждый из нас вспоминал тяжелые годы борьбы с фашизмом, товарищей, не доживших до светлых дней.

Тяжела была схватка с «коричневой чумой».

В 1936 году республиканская Испания первая приняла на себя удар фашизма в Европе. Столкнулись два лагеря — лагерь

демократии и фашистской агрессии. Своей героической борьбой рабочий класс Испании, ее народ, поддержанный Советским Союзом и всем прогрессивным человечеством, расстроил планы фашистов, задержал гитлеровскую агрессию против других народов.

Ради этого отдали свои жизни многие молодые люди. А те, кто остался жив, поклялись посвятить свою жизнь борьбе с фашизмом.

Нам, воинам-интернационалистам, пришлось через несколько лет снова вступить в схватку с фашизмом, отстаивать свободу и независимость своего Отечества. Но где бы ни доводилось воевать, я всегда встречал испанских добровольцев, слышал об их героических подвигах.

В Крымских горах и лесах Белоруссии, в Венгрии и Чехословакии плечом к плечу с советскими партизанами дрались испанские партизаны, громя того же врага, с которым они бились у себя в Испании.

И мы выполнили клятву. Фашизм не прошел. Советская Армия разгромила полчища гитлеровцев и их сателлитов. Едва сумели унести ноги и остатки разбитой испанской «голубой дивизии», которая по приказу генерала Франко зверствовала на нашей земле. Мы выиграли войну с фашизмом и поклялись перед могилами своих погибших товарищей, что никогда не позволим возродиться «коричневой чуме».

В третьей части планеты капитализм уже не существует. Во многих странах Европы и Азии народы строят социализм. Но еще многие люди планеты вынуждены гнуть спину на капиталистов, жить в нищете и бесправии.

Реакция царит пока еще и в Испании. Но годы, истекшие после национально-освободительной войны, не прошли бесследно. Рабочие Испании борются за демократизацию своей родины.

Недавно мне пришлось встречаться с приезжавшим в Советский Союз прославленным командиром дивизии Энрике Листером. Он все такой же энергичный, веселый, неутомимый, страстный. Энрике рассказал мне, что многие наши товарищи по испанской дивизии — в строю, и каждый на вверенном ему посту продолжает свое дело.

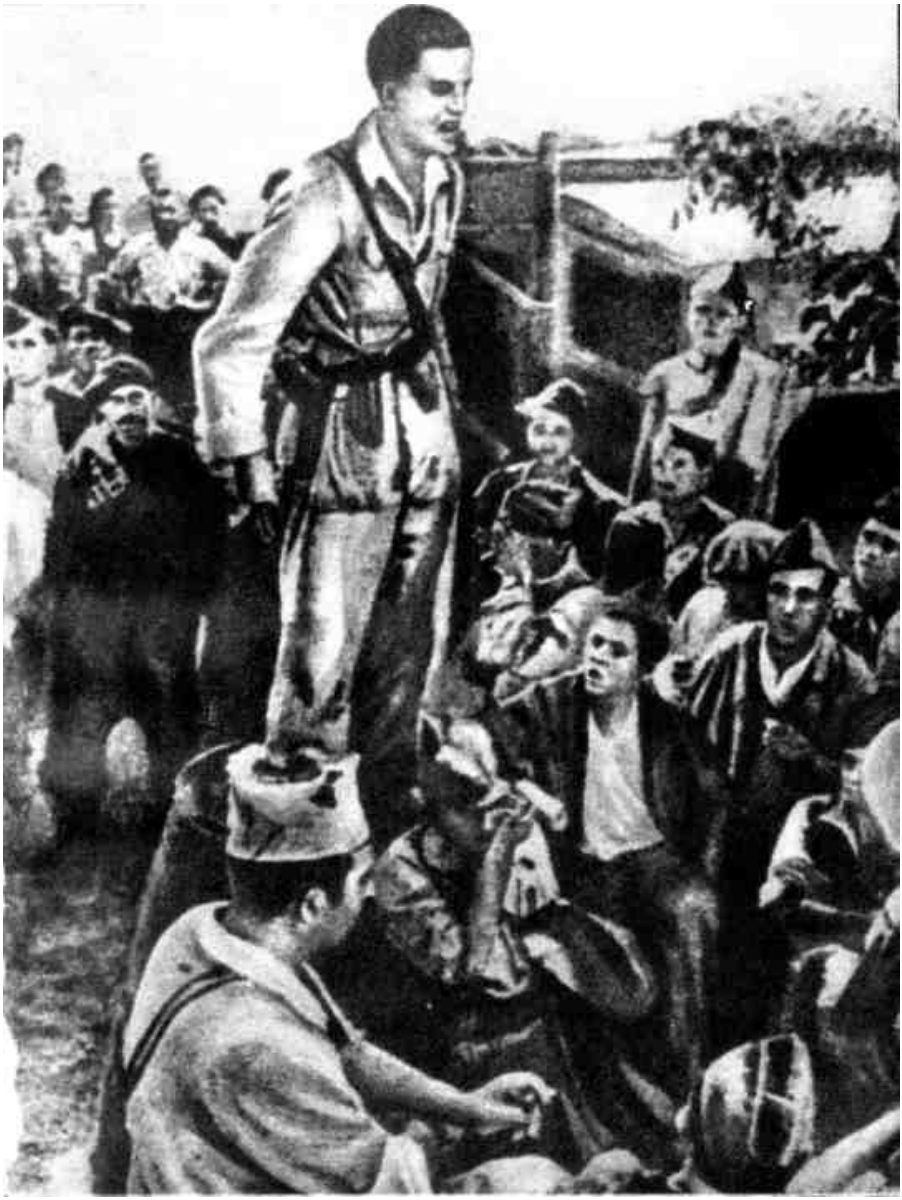
— Не о всех по соображениям конспирации можно пока говорить, — улыбнулся Листер. — Но поверь, Павлито, мы не сидим сложа руки.

Он рассказал мне о демонстрациях мадридских студентов, о деятельности рабочих комиссий на заводах Испании, о бойкоте избирателей при выборе в кортесы, о работе в подполье.

И мне было радостно пожать руку мужественному коммунисту Энрике Листеру:

— Буэно, камарада!

ФОТОГРАФИИ



Стр. 1. Выступает политкомиссар.

Стр. 2—3. Бойцы уезжают на фронт.

Стр. 4. Генерал Лукач — венгерский писатель Мате Залка, 1936 год. Испания.

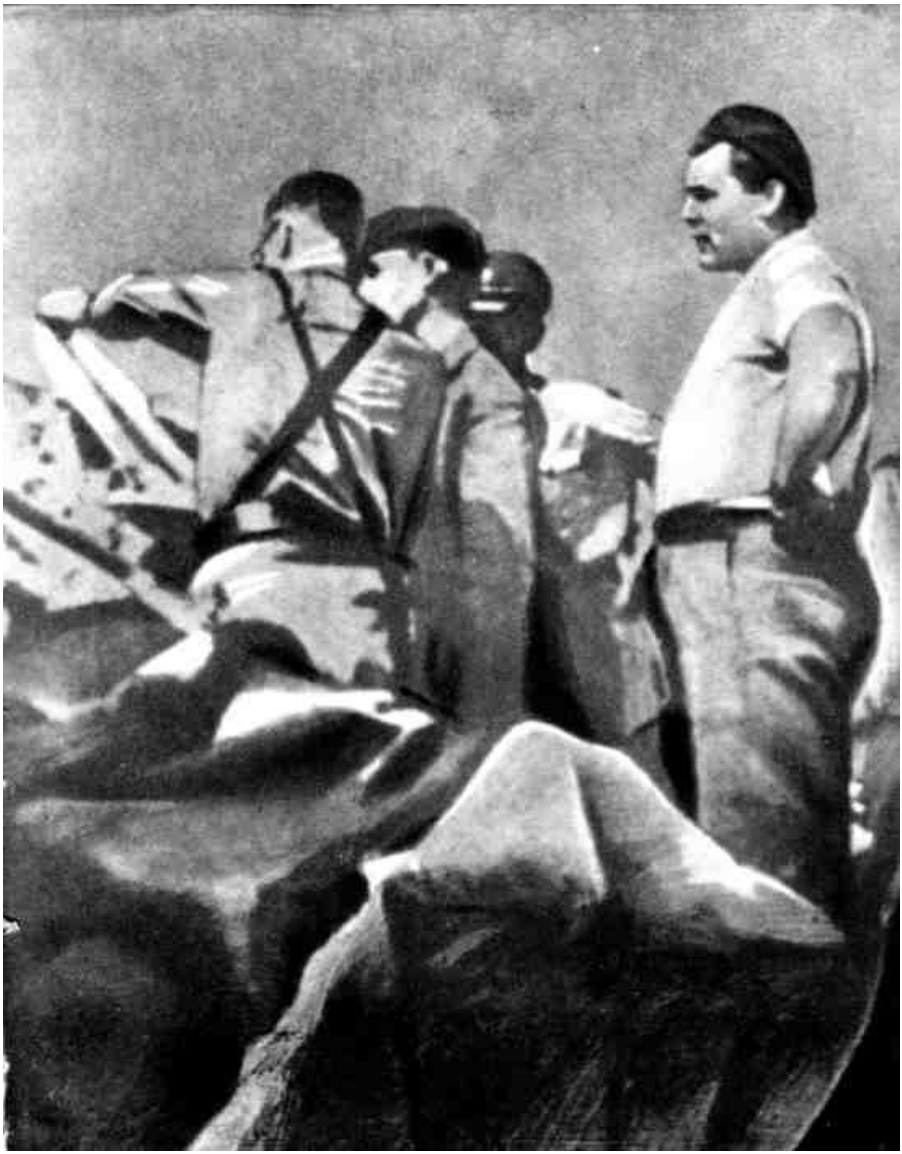
Стр. 5. Бойцы республиканской армии у захваченного ими танка.

Стр. 6—7. Артиллерийская батарея республиканцев.

Стр. 8. Первая помощь на фронте.

Стр. 9. Газету мы всегда ждали с нетерпением.

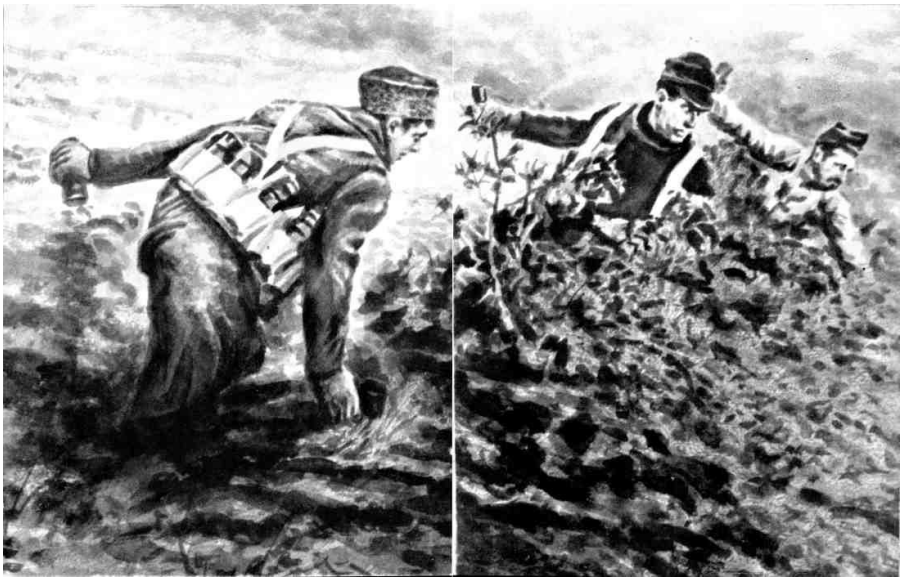
Стр. 10. Письма домой.



Стр. 11. Р. Я. Малиновский на позициях республиканской армии в Испании.

Стр. 12. После бомбардировки Мадрида.

Стр. 13. Мадрид. Дети играют в войну.



Стр. 14—15. Гранатометчики.

Стр. 16. А. И. Родимцев в 1941 году.

МОЙ ДРУГ ПЕДРО

Шел ноябрь 1937 года. Мятежники готовились к решительному штурму Мадрида. По приказу Франко фашисты сосредоточили у стен столицы свои ударные силы.

Готовились к обороне и республиканцы. Настал час испытаний и для нас, советских добровольцев. Рано утром в Альбасете, где формировались интернациональные бригады, меня вызвал к себе Петрович.

Я стоял в кабинете Петровича и внимательно слушал его приказ. Сегодня Петрович был, как никогда, серьезен и особенно подтянут. Глаза припухшие и усталые — следы бессонной ночи. Таким его здесь я еще никогда не видел. Впрочем, причины для этого были — Мадрид! Он сейчас волновал сердца всех честных людей.

— Как мне известно, у тебя хорошо подготовлены двадцать четыре испанских пулеметных расчета? — обратился ко мне Петрович. — Поедешь вместе с ними в Мадрид. Настало время действовать. Прихватишь с собой два-три десятка пулеметов «максим» с боеприпасами. Если все это привезешь вовремя в Мадрид, будет хорошая помощь республиканцам. Подбирай надежных людей.

Петрович предупредил, чтобы пулеметы, привезенные в Мадрид, попали в руки бойцов 5-го коммунистического полка, а не к анархистам, так как те, горе-вояки, могут побросать их еще до начала боя. Я понимающе кивнул головой.

Петрович провожал меня, говорил не спеша, задумчиво, как бы взвешивая и проверяя свои слова. Потом его глаза потеплели.

— Вижу, вижу, о чем хочешь спросить, — заулыбался он. — Останешься в Мадриде, попробуешь своих молодцов в деле.

И он посоветовал мне проситься в одно из подразделений Листера или Модесто.

— Посмотришь, как стреляют, да и сам в грязь лицом не ударь, покажи, как следует бить по цели, — подзадоривал Петрович. — А то, наверное, привык уже целиться только в тире.

С большим вниманием я выслушал Кирилла Афанасьевича и ответил:

— Постараюсь сделать все как надо.

Настало время прощаться с Петровичем, а я спросил о главном:

— Встретит ли меня в Мадриде кто-нибудь из русских?

Петрович широко раскрыл глаза и сделал такое недоуменное лицо, как будто его спрашивали, есть ли жизнь на Марсе.

— Эх, камарада Павлито, что ты спрашиваешь? Откуда я знаю, есть ли в Мадриде русские? — И он лукаво улыбнулся. — Думаю, что есть. А пока придется ехать одному.

Я радовался новому приказу и уже представлял себя лежащим за щитком пулемета и нажимающим на гашетку.

Прошло несколько дней. Сборы были закончены, и мы отправились в дорогу. Огромные, с тупыми радиаторами грузовики взревели моторами. Колонна тронулась в далекий путь по Альбасетско-Мадридской автостраде.

Мы вместе с моим попутчиком — офицером Лопесом отказались сесть в кабину с шофером и забрались в кузов на ящик с патронами. Отсюда можно было наблюдать за движением автоколонны и любоваться природой.

Дорога причудливо вилась под лучами солнца, словно хотела скрыться, убежать от жары.

Не доезжая реки Тахо, мы почувствовали близость боев. По обочинам дороги зияли воронки от авиабомб, громоздились развалины на улицах деревень. Чаще и чаще появлялись постовые, придирчиво проверявшие документы.

Аранхуэс — небольшой городишко на нашем пути. Много разрушений, в большинстве домов выбиты стекла. Фашисты, видно, частенько наведывались сюда. Шофер Гарсиа чертыхался:

— Как раньше зеленела эта улица! А сейчас что сделали? Подлецы!

В центре города наша колонна остановилась. Развалины дома загородили проезд. Гарсиа выбрался из кабины. Мимо нас непрерывным потоком тянулись беженцы. Жители полуразрушенного городка в панике оставляли свои дома. Старики, молодые матери с детьми — все бежали куда глаза глядят. Каждый из них нес что-то в руках. К нам подошли несколько мужчин: «Рус, камарадос». Два-три раза качнули, эхнули — машина вышла на свободный путь.

Все было в порядке.

— Павлито, едем, — взбодрился Гарсиа.

Мужчины, помогавшие очищать нам дорогу от развалин, рассказали, что за тридцать минут до нашего прибытия сюда наведались фашистские бомбардировщики. Они ничего не пожалели.

Уже несколько недель идут бои под Мадридом. Героические защитники столицы держатся стойко, но силы явно не равны. Над столицей нависла смертельная опасность. И вот мы, добровольцы интернациональных бригад, спешим на помощь испанским рабочим, едем мимо душистых садов, мимо подземных деревушек с торчащими трубами-спичками, где живут простые люди

Испании, посадившие чудесные сады, вырастившие тучные стада, отвоевавшие рисовые плантации у гор, но так и не поборовшие нищету. Неужели настоящие труженики так и останутся жить в этих «подземных дворцах», неужели их дети, дети солнечной Испании, так и не узнают никогда, что такое счастье?

Наконец показались окраины Мадрида: окопы, проволочные заграждения. Проверка документов, короткие приветствия. Во второй половине дня мы в полном составе прибыли в Мадрид, на военную базу.

Площадь, где мы остановились, с одной стороны обнесена была дощатым забором, на верху которого прикреплена колючая проволока, с другой — невысокой кирпичной стеной. Сквозь выбитые почерневшие дырки за ними виднелись низкие щербатые бараки. Здесь сосредоточивались вооружение, техника, боеприпасы, которые поступали из тыла на фронт.

В ожидании приказа я отправился осматривать площадь, заходил в бараки, в караульные помещения, осмотрел все уголки и закоулки военного склада, узнал, где что лежит, и, к моему удивлению, никто меня не остановил, не окликнул, не задержал.

Часовые равнодушно смотрели на меня и продолжали заниматься своим делом. В дальнем углу, по-видимому спрятавшись от начальства, в небольшой тени четверо солдат, бросив в угол ружья, играли в карты. Они шумно шлепали колодой о ящик из-под патронов, отчаянно жестикулируя руками, ругались, смеялись. Проигравший нес наказание. Все трое, словно это было их любимое занятие в жизни, с упоением отщелкивали по носу проигравшего.

Я прошел мимо них, открыл низкую дверцу в склад, где были сложены ящики с патронами, а часовые даже и бровью не повели.

В караульном помещении, куда я зашел в надежде найти разводящего или начальника караула, меня поразила странная вещь: толстенький человек, то и дело утиравшийся огромным клетчатым платком, лежал на роскошном диване и блаженно улыбался. А вокруг него, напевая бравурный марш, бегал огромный детина в красных галифе и размахивал таким же огромным платком. Он то подскакивал к дивану, то быстро отходил назад и замирал в гордой позе. Я понял, что этот огромный парень, как и все его сверстники, мечтает стать матадором. Позже я узнал, что охрану перевалочной военной базы несли анархисты.

Прямо от площади в город уходила небольшая узкая улица. На тротуаре и мостовой, несмотря на жару, толкалось много народу. Все куда-то торопились, суетились, почему-то размахивали руками. Возле продовольственных магазинов

выстроились очереди. В основном здесь стояли женщины, старики и дети.

Едва я добрался до конца одной такой очереди, как раздался протяжный вой сирены. Воздушная тревога. Люди, стоявшие здесь, рассыпались, бросившись в подвалы домов, в специально отведенные укрытия.

Над городом показалась пятерка летящих гуськом неприятельских самолетов. Они шли на небольшой высоте и готовились к первому заходу. Вокруг послышалась беспорядочная пальба. Стреляли все, кто имел оружие. На противоположной стороне улицы неизвестно откуда взявшийся парнишка лет пятнадцати палил в небо одновременно из двух пистолетов. Он стрелял с таким упоением и с такой верой в мощь своего оружия, будто это было лучшее средство в борьбе с фашистскими самолетами. Но они и не думали падать, а летели своим курсом. На первом развороте ведущий самолет пошел в пике и сбросил три бомбы на соседнюю площадь, хотя там не было никакого военного объекта. Два других самолета также спустили смертоносный груз на мирных жителей.

Четвертый, тот самый, который еще не бомбил, отделился от группы и направился вдоль улицы, по которой я шел от магазина. Было видно, как из его черного брюха выпали две бомбы. Приближаясь к земле, они росли на глазах и оглушительно свистели.

Казалось, что летчик сбросил их специально на меня. «Ну вот, не успел еще повоевать — и конец пришел, — мелькнуло в голове, — напрасно ехал так далеко». Странное какое-то чувство овладело мною. Ни жалости к себе, ни боязни. Ничего этого не было. Скорее всего была злость, злость на фашистов, на себя, влипшего в такую историю, на свое безрассудство — пошел, называется, погулять по улицам Мадрида.

Я упал на землю возле одного дома, больно ударившись коленом о мостовую. Шершавая каменная стена оцарапала щеку. Но здесь хотя было какое-то укрытие от осколков. Не прошло и полминуты, показавшиеся мне вечностью, как послышались один за другим два сильных, оглушительных взрыва. Столб пыли, огня и камней поднялся позади меня метрах в 200—250. Бомбы среднего калибра угодили в угол того дома, где размещался продовольственный магазин, из которого я только что вышел. В городе возник пожар. Немецкие стервятники не успокоились на том, что сбросили бомбы на стариков и детей. Они пошли на второй заход, поливая из пулеметов всех, кто замешкался на улице и не успел спрятаться в укрытие.

Прямо по улице шла молодая женщина в черном платке. Она

несла на руках крошечную девочку, а сзади, держась за юбку матери, громко плача, тащился мальчик чуть постарше сестренки. Когда они проходили мимо, я увидел, что на голову мальчика капает кровь с руки двухлетней девочки. Она была убита осколком от бомбы. Кровь сестренки потрясла мальчугана больше, чем стреляющие самолеты. Так они и шли втроем по улице под непрерывным свинцовым огнем. Я хотел крикнуть женщине, чтобы она сошла с мостовой и прижалась к стене дома, но было поздно. Успел только оторвать мальчика от юбки матери и прижать к себе. В это время самолет дал длинную трескучую очередь. Женщина упала, продолжая крепко прижимать к груди дочурку. Когда прохожие, находившиеся поблизости, подбежали, она была мертва. Мальчик, не понимая еще случившегося, бросился к матери, стал звать, тянуть за руку. И вдруг из руки убитой выпал небольшой медальон. Ударившись со звоном о мостовую, он раскрылся. В золотой оправе все увидели фотографию красивого мужчины, черные брови, жгучие глаза, ослепительная веселая улыбка. Мальчик дрожащими руками схватил медальон и что-то быстро-быстро залепетал, узнав отца.

Где этот веселый человек, жив ли еще? Быть может, он сейчас садится в кабину самолета, чтобы сразиться с фашистскими убийцами, или ведет в бой танк, или лежит в окопе за пулеметом и обороняет Мадрид?

Эх, парень, парень, придешь ты домой и не найдешь семьи: ни жены, ни дочери. Сын, один только сынишка остался у тебя. Надо его сберечь, обязательно сберечь для отца.

Я поднял на руки мальчугана и побежал к своим машинам. Заворачивая за угол, успел заметить узенькую эмалированную табличку с названием улицы. Табличка болталась на одном, чудом уцелевшем гвоздке и то и дело позвякивала о разбитый после бомбежки угол дома. Улица Листа… Не о таком времени мечтал великий испанский математик, в честь которого названа улица. Не грохот снарядов, не разрывы бомб вдохновляли его на научные открытия, а высокие, благородные устремления людей, их помыслы, переживания, тревоги и веселье.

И вот сейчас здесь, на улице Листа, в Мадриде, городе, славящимся великими учеными и поэтами, стремительными ошеломляющими танцами, задушевными песнями, свистят осколки бомб, на улицах Мадрида неосторожного человека караулит смерть. Она не выбирает любимчиков. Поэт ты или математик, артист или ученый — у смерти все равны.

Я принес мальчика во двор. Здесь стояли наши грузовики. Парнишка боязливо сполз с моего плеча и, поджав ноги, сел на землю. Он с удивлением смотрел на свои руки. Маленькие

бледные ладошки были в крови. Мальчуган непонимающе смотрел на них и никак не мог сообразить: откуда взялась кровь, почему на его белой блузе появились большие густо-красные пятна?

Черные миндалевидные глаза мальчугана широко открыты. В них нет горя, испуга. Мы прочли в них полную отрешенность.

Вокруг собрались люди. Словами и жестами я просил окружающих помочь обмыть мальчика. Из толпы вышла немолодая женщина и взяла мальчика.

Мне она протянула взятый у мальчика медальон. Что-то быстро оказала по-испански. Я не понял ее слов. Но по тому, как она гневно погрозила суховатым кулаком в небо, где несколько минут тому назад пролетели фашистские летчики, я понял ее просьбу. Отомстить извергам за смерть мирных людей. Я кивнул головой ей в ответ, в интернациональном приветствии поднял к плечу правый кулак.

Я вернулся на базу. Вскоре подошел мой попутчик майор Лопес и передал мне приказ отправиться в штаб батальона Овиедо.

«Вот и хорошо, — подумал я. — Значит, удастся побыть несколько дней на передовой, посмотреть, как воюют наши ученики, вооруженные «максимами».

Лопес выделил машину, и я вместе с Мишей, согласившимся быть моим переводчиком, и молодым проводником испанцем отправился в батальон. Машина резко взяла с места. Мы ехали на передовую, к людям, которые сегодня шли в бой. Спешили. Надо было скорее разыскать капитана Овиедо. Скорее. Скорее. Глухие удары прервали мои мысли. Прислушался. Это ухали разрывы снарядов крупнокалиберной артиллерии.

Вдруг заскрипели тормоза, и нас по инерции бросило вперед. Машина капотом уперлась в груду камней. Тяжелый артиллерийский снаряд разворотил дорогу. Дальше ехать было нельзя, и мы вышли из машины. Остаток пути предстояло преодолеть пешком. Вокруг рвались снаряды, над головой противно попискивали пули. Наш маршрут оказался очень трудным и опасным. Большую часть пришлось ползти. Так мы и двигались друг за другом. Впереди молодой испанец, наш проводник, за ним я, замыкал шествие Миша.

Проводник, носивший пышную фамилию Мигель Анхэл Санчес, быстро и юрко скользил между камней и редких кустиков. Я следил за ним по стоптанным подошвам его сандалий. За те пятнадцать-двадцать минут, что мы ползли, я, казалось, запомнил все щербинки на этих подошвах, каждый шов.

Тяжело ползти по сухой искореженной разрывами земле. От

пота намокли волосы и прилипла к спине майка. Острые камни больно режут колени. Злющие коричневые колючки цепляются за френч, за брюки. Ноют ноги. Хочется подняться, размять суставы. Но частые пулеметные очереди грозят опасностью. И снова ползешь. Вот она, красная сухая испанская земля. Я даже принюхался: как она пахнет, эта земля матадоров? Нет, она пахнет не так, как наша оренбургская степь, да и цветом не похожа. Здесь нет душистой полыни, дурманящей своим запахом. И осоки прибрежной, ссадящей колени, — тоже нет. Свою шарлыкскую, оренбургскую землю я всегда узнаю по запаху. Я запомнил ее на всю жизнь с малолетства, еще мальчишкой, когда гонял в ночное лошадей, когда таскал из Урала и Салмыша окуней, когда бегал по ароматной весенней борозде за первым трактором, за плугом и сохой, которые с большой потугой тащила наша лошаденка, когда по осеннему чернотропу ходил со старшими на охоту за зайцами в далекую и бескрайнюю степь, поеживаясь от ядреного воздуха и первых утренних заморозков.

Но разве в этом дело, что мадридская земля пахнет не так, как наша, что растут на ней другие плоды, что в ее реках водится иная рыба? Между ними много общего. Их обрабатывают люди одной профессии — хлеборобы. Вот почему мы сейчас ползем под пулями, вот почему пришли добровольцы со всех уголков мира на помощь испанскому народу.

На спину упал небольшой камешек. Я оглянулся. Миша скорчившись полулежал под высохшим кустом и махал призывно рукой. Пришлось вернуться.

— Что случилось?

— Больше не могу, — жаловался он. — Ужасные боли в животе, режет — сил моих нет.

— Надо идти.

— Не могу.

Миша наотрез отказался расстаться с высохшим кустом. А мне показалось, что он струсил. Пока мы спорили, вернулся назад проводник-испанец.

— Далеко ли до штаба? — спросил я у него.

Паренек в ответ пожал плечами. Я насторожился: «Куда же ты ведешь?» Оказывается, молодой испанец по собственной инициативе изменил маршрут. Он вел меня к пулеметному расчету, у которого замолчал наш «максим». А что касается командира батальона Овиедо, то проводник сам теперь не знал, где находится командир. Я задумался над создавшейся обстановкой и решил пойти к пулеметчикам. Они находились теперь совсем близко. Договорились с Мишей, что он пойдет назад, а сами поползли к пулеметному расчету.

Последние триста метров проскочили быстро и, перевалив через высокий бруствер, свалились в небольшой окопчик.

Три дюжих загорелых бойца лежали на спинах, прикрыв глаза пилотками. Они отдыхали и лениво переругивались. Рядом с каждым — пистолет. А еще теплый от частой стрельбы «максим» молчал. Что-то испортилось, а никто из трех не знал, как исправить. Вот уже около часа они не участвовали в бою. Жара — воды ни капли. Патронов несколько ящиков, а пулемет не работает. Глупое положение.

Парень, что пониже ростом — его звали Педро, — наседал на своего соседа, пригорюнившегося от неудачи. Его считали виновником происшедшей заминки. Он уронил на пулемет пустой ящик. И угораздило парня перетаскивать тару. Увидев нас, солдаты радостно замахали руками, потащили к пулемету:

— Скорее, скорее. Через несколько минут марокканцы пойдут в атаку.

— А если бы мы не пришли?

— У нас есть пистолеты.

Я стал осматривать «максим», а три незадачливых пулеметчика внимательно следили за мной. Поломка оказалась настолько пустяковой, что мне захотелось посмеяться над ребятами. Сущий пустяк — утыкание патрона в патронник.

— Что-нибудь серьезное? — заволновался Педро.

— Еще раз уронил бы ящик, и патрон встал бы на место.

Стал показывать поломку. Ребята склонились над пулеметом. Я стукнул ладонью по рукоятке — и на глазах их перекос был ликвидирован. Для верности дал длинную очередь в сторону противника.

— Мой, бьен. Очень хорошо! — закричали парни. — Вива Русиа!

Первый номер тут же выпустил две ленты по фашистским окопам. Пулемет работал безотказно. Когда он стрелял, друзья все время улыбались и неистово подбадривали друг друга.

Но пока они палили, противник засек пулемет и начал обстреливать нас из минометов.

Мины ухали, словно ночные филины, рвались в пятидесяти метрах от окопа.

Улыбка сползла с лиц пулеметчиков. Они стали серьезными и принялись что-то обсуждать. Затем один из них схватил пулемет и потащил его вверх к скалам. Ребята были недовольны своей неосторожностью и решили перейти на другую огневую позицией.

Легкость, с которой они меняли ее, даже не предупредив командира, озадачила меняли удивила. Наши наставления, уставы, которые я знал назубок, требовали от подчиненных

пунктуального выполнения приказа командира. Сочтут нужным сменить позицию — смени. Прикажут остаться на старом месте — лежи, даже если его станет обрабатывать целая минометная батарея. А как же иначе: ведь это же дисциплина и, стало быть, залог успеха. И вот сейчас все эти законы рушились. Видя мое удивление, один испанец объяснил, что у пулеметчиков 5-го полка принято менять позиции по своему усмотрению. Но это откровение еще больше прежнего озадачило меня.

— Зачем это делать? — спросил я.

Испанцы открыли секрет. Дело в том, что у республиканцев было мало пулеметов.

Свою слабость в вооружении они восполняли военной хитростью. Часто меняя позиции, перетаскивая пулеметы с места на место, они обманывали врага, вводили его в заблуждение. Не успеют корректировщики засечь один пулемет, как рядом строчит другой. Откроют огонь по скале, а «максим» поливает огнем из рощицы. Так бойцы-республиканцы добивались своей цели: фашисты считали, что на этом участке фронта сосредоточено большое количество пулеметов. И намеченное наступление откладывалось, враг подыскивал новые направления удара. Если бы они знали, что весь огонь ведет один пулеметный расчет!

Мятежники панически боялись пулеметного огня. Он наводил на них жестокий страх. Орудий и минометов для подавления пулеметных точек у них не хватало, и фашисту ради самого незначительного успеха часто приносили в жертву жизни сотен своих солдат.

Мои новые знакомые быстро оборудовали новую огневую точку. Педро лег за щитом, поднес пальцы к гашетке. Я лежал рядом и хорошо видел, как впереди поднимались в атаку фашисты. Вначале на горизонте появилось одно подразделение — это были марокканские части. Пехота развернулась в линию колонн поротно, а затем повзводно. Когда строй принял вид цепи, раздались звуки барабанной дроби, солдаты взяли винтовки «на руку», а офицеры, шедшие впереди, обнажили шашки. Так, словно на военном параде, марокканцы шли в бой. Это была психическая атака.

Плотной цепью, под барабанную дробь они приближались к линии обороны без единого выстрела. Расстояние сокращалось. В бинокль уже можно было отчетливо разглядеть лица солдат. Второй от центра, высокого роста марокканец от напряжения закусил губу. На смуглом лице особенно резко поблескивали белки глаз. Грязно-серая чалма покачивалась в такт шагам. Солдат двигался, словно заведенная марионетка. Зачем он идет? Кто его послал сюда… на смерть?

Четыреста метров… триста… Я не спускал глаз с марокканца. Он становился все больше и больше; оказывается, нос у него с горбинкой… и пышные усы… на шее болтается какой-то талисман. Педро нажал гашетку. Перед колонной вздыбились бурунчики пыли, а потом побежали дальше, влево, вправо.

Высокий марокканец на мгновение остановился, медленно опустился на колено; винтовка упала на землю. Он непонимающе поднял к солнцу глаза, словно прося объяснить случившееся, потом грузно упал навзничь. Чалма свалилась с бритой головы, и легкий ветерок подхватил ее, покатил по полю.

Атака отбита…

Педро откинулся на спину, вытер со лба пот. Из-за расстегнутой рубахи виднелся медальон. «Где-то я видел точно такой же», — кольнула мысль. Педро, немного говорящий по-русски, придвинулся ко мне и мечтательно заговорил:

— Кончится война, и я снова приду домой. Обязательно схожу в первый же день на корриду. Сынишку Висенте тоже возьму с собой. А жена с дочкой Армандой — она к этому времени подрастет — будут сердиться, что мы ушли одни. Ну ничего, уговорим их. Моя жена Виолета покладистая. Ты слушаешь меня, камарада? — повернулся ко мне Педро.

— Слушаю. — И я нащупал в кармане медальон убитой в Мадриде на моих глазах женщины с ребенком. Я боялся раскрыть его, взглянуть на фотографию.

— Так вот, — продолжал Педро. — Покладистая она у меня. И работящая. Ты знаешь, она больше всего любит алые маки. Еще до женитьбы я этого не знал и всегда приносил ей розы. А Виолете они не нравились. Только однажды, когда мы гуляли на выставке цветов, я увидел, как она долго, не отрываясь стояла возле маков. Стояла как завороженная и, стеснительно зардевшись, тихо, чтоб не слышали соседи попросила меня: «Педро, пожалуйста, если захочешь подарить мне цветы, приноси маки». Я обещал. И на нашу свадьбу заказал столько маков, что комната пылала ярким, пунцовым цветом. — Вернусь домой, обязательно разведу у себя в саду маки. Пусть Виолета каждый день ими любуется. Посмотри, Павлито, какая у меня красавица жена, — раскрыл Педро свой медальон.

Я взглянул — и отшатнулся. На меня смотрела та самая женщина. Женщина, шедшая с гордо поднятой головой по улице Листа в Мадриде, с девочкой на руках. И мальчик, что держался за ее юбку. В ушах застучали пулеметные очереди фашистского истребителя и свист бомбы.

— Тебе плохо? — испугался Педро.

— Очень, дружище. Мне еще никогда так не было плохо.

Я протянул ему медальон его жены.

Педро побледнел. Крепко сжал мне руки и закричал:

— Говори! Говори!.. Что с ними?..

— Бомба.

— Сволочи, — он упал лицом вниз на выгоревшую землю и, не стесняясь, зарыдал.

Мы не могли его утешать. Я с трудом сдерживал охватившее меня волнение.

— Всех?

— Мальчик остался жив.

— Бедный Висенте, мы остались сиротами. Мальчик мой, я отомщу этой погани за смерть твоей матери, за сестренку твою, за твое расстрелянное детство.

Педро бросился к пулемету и нажал на гашетку. Он стрелял долго, так, что побелели от напряжения пальцы на гашетке. Стрелял, а на рукоятку падали крупные, скупые мужские слезы. Когда кончилась лента, он снова бросился на землю, опустошенный и разбитый.

Весь день молчали марокканцы, а к вечеру пошли в атаку. Я, переводчик и третий испанец по имени Альберто залегли с винтовками. Педро со своим напарником лег за пулемет. На этот раз марокканцы уже не шли во весь рост… Короткими перебежками, какими-то замысловатыми прыжками они приближались к нашим окопам.

Где-то на левом фланге застучал пулемет. Мы ждали. Наконец марокканцы приблизились настолько близко, что ожидать было уже опасно. Мы втроем открыли огонь. Педро, припавший к пулемету, молчал. Я косо взглянул на пулеметчиков.

— Педро, давай, — крикнул Альберто.

Но он даже не обернулся.

Марокканцы, почувствовав слабое место на этом участке, поднялись во весь рост. Мой сосед, испанец, не выдержал. Он вскочил, бросился к Педро, схватил его за руки:

— Стреляй, тебе говорят!

Педро не поворачиваясь оттолкнул его.

Противник приближался. И тогда Педро подал голос. Он стрелял короткими очередями. Скупо, точно, без промаха. От неожиданности марокканцы остановились, не зная, куда бежать: назад или вперед. А пулемет работал не останавливаясь. Десятки трупов остались перед нашим бруствером. Ни один не прошел.

— Зачем рискованно медлил? — спросил я вечером Педро.

— Надо беречь патроны. Стрелять наверняка. Каждая пуля должна найти убийцу.

Мы сидели и долго молчали. Я боялся, что он попросит рассказать подробно о том, что произошло на улице Листа.

Но услышал от него совсем неожиданный вопрос:

— Расскажи Павлито о себе, о своей Родине, о доме. Только все, все, как другу. Ведь мы же друзья, Павлито?

— Конечно, Педро, — ответил я. — С чего тебе начать?

Детства своего я почти не помню, так как слишком рано, совсем мальчишкой остался единственной опорой семьи.

Дом мой — в далеком глухом селе Шарлык бывшей Оренбургской губернии. Отец — крестьянин-бедняк. Наше село окружает бескрайняя плодородная степь. Однако мне еще ребенком довелось узнать, что и эти немерянные тысячи десятин земли, и рыбные озера, и бесчисленные стада коров и овец, и табуны лошадей, и даже колодцы у дорог в степи — «чужое»: все принадлежало помещикам и кулакам.

Собственной земли отец не имел, и все его «хозяйство» являла собой старая, чахлая лошаденка, купленная у проезжего барышника за гроши. Запрягать свою Подласку отцу почти не приходилось: с весны и до поздней осени он батрачил у богатых мужиков, а они в нашем «иноходце» не нуждались.

Уход за Подлаской был поручен мне, и я водил ее в ночное, чистил, купал и холил, и радовался, что в старой кляче иногда словно бы пробуждалась молодость и она трусила за табуном рысцой.

В заштатное наше село отзвуки больших событий докатывались медленно и глухо. Помню шумную праздничную сходку бедноты. Красный флаг над зданием волости. Пышный, красный бант на груди у отца.

В суровую пору гражданской войны белогвардейцам надолго удалось отрезать Оренбургскую губернию от советской территории.

В селе что ни день появлялись все новые атаманы. Особенно свирепствовали бандиты Дутова. После их налетов многие оставались сиротами и оплакивали родных.

Кулаки запомнили, что батрак Илья Родимцев, безземельщина, голь перекатная, держал на сходке революционную речь, выражал уверенность в победе Красной Армии… Они выдали Родимцева дутовцам… Какой-то пьяный, расхлябанный атаман, немытый и нечесанный, как видно, от рождения, ворвался к нам в избу, как врываются в осажденную крепость. Он увидел бледных оборванных детишек, больную мать, преждевременно поседевшего отца… Даже у бандита шевельнулось чувство стыда и жалости. Он спрятал наган и кивнул своим подручным:

— Расстрел отменяется… Но шомполов для острастки не считать!..

Зверски избитый белобандитами, мой отец умер через несколько недель. Я остался единственным кормильцем семьи.

Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, но другого пути у меня не находилось, а слезы матери и благословение ее усталой руки были для меня приказом. Я оставил семью, школу, товарищей и нанялся в батраки.

Незабываемым остался для меня тот день, когда в наше село в сиянии солнца и в громе духового оркестра, рассыпая цокот подков, широким развернутым строем хлынула красная конница. Я сам не помнил, как очутился рядом с могучим буланым рысаком, как уцепился в стремя усача-кавалериста, а он, смеясь, наклонился и легко подхватил меня с земли, усадив перед собою на луку седла… В тот час я забыл и о придире-хозяине, и о его некормленном скоте; красные конники остановились в Шарлыке на отдых, и я ходил за бойцами по пятам, с замиранием сердца прислушиваясь к их разговорам. Как сейчас помню третью орловскую батарею, куда и меня зачислили «бойцом». Пока она стояла в нашем Шарлыке, то я вместе с красноармейцами ел армейскую кашу, «занимался» и спал вместе с батарейцами.

Батарея ушла на фронт. Я остался дома вместе с матерью. Слишком уж молод в то время был. Потом армия. Училище имени ВЦИК.

Здесь я вступил в партию Ленина. Когда фашистская банда генерала Франко подняла кровавый мятеж против законного правительства республиканской Испании, я загорелся желанием внести и свой посильный вклад в справедливое дело трудового испанского народа.

Несколько раз обращался я к командованию с просьбой послать в Испанию, писал заявления. И вот я здесь, под. Мадридом.

Я закончил рассказывать, а Педро еще долго молчал, глядя куда-то вдаль. О чем думал сейчас этот простой испанский парень, с которым меня многое роднило. О семье, погибшей в Мадриде? О многострадальной родине, земля которой дрожала от взрывов бомб? О Стране Советов, где рабочие и бывшие батраки свергли капиталистов?

— Долго пробудешь у нас? — наконец спросил Педро.

— Надо уже идти.

— А теперь куда? — спросил мой новый друг.

— В штаб, к капитану Овиедо.

Мы стали прощаться. Крепко пожал руку двум испанцам, дал последний совет. Последним ко мне подошел Педро:

— Кончится война, заходи в гости. Я живу по улице…

— Я знаю, друг, эту улицу, с закрытыми глазами найду — улица Листа. Обязательно приду. И дом твой разыщу.

Я уходил с позиции и словно оставил что-то здесь. Завтра, а может быть сегодня, этим простым парням придется снова вступать в неравную схватку с врагом.

Прошло свыше тридцати лет.

С тех пор я больше не встречал моего испанского друга Педро.

На далекой испанской земле, земле героев обороны Мадрида и Гвадалахары еще властвует фашистская диктатура Франко. Сажают в тюрьмы прогрессивно настроенных людей, расстреливают коммунистов, подвергают репрессиям каждого, кто выступает против режима военной диктатуры.

Но я верю, что придет время, когда рухнет ненавистная тирания. И тогда на улице Листа в Мадриде, где когда-то мне пришлось вынести из-под бомбежки осиротевшего мальчика, да и на всех улицах испанцы будут встречать своих друзей знакомым пролетарским приветствием: «Салюд, камарада!»

ГВАДАЛАХАРА

К весне 1937 года республиканская армия представляла уже грозную силу. И не случайно мятежники готовились теперь нанести удар по Мадриду силами вновь прибывшего итальянского экспедиционного корпуса. На него возлагались большие надежды при разработке ответственной операции на Гвадалахарском направлении.

По данным пленных итальянских офицеров и захваченным в их штабах документам было установлено, что формирование частей экспедиционного корпуса началось еще в октябре 1936 года в Италии. В корпус входили четыре дивизии. Дивизия «Литторио» была укомплектована солдатами и офицерами кадровой итальянской армии. Она имела новейшее вооружение и была полностью моторизована. Остальные три дивизии, названные для видимости «волонтерскими» — 1-я («Божья воля»), 2-я («Черное пламя») и 3-я («Черные перья») были менее моторизованы и имели на автотяге только артиллерию, часть пулеметов и тыловые подразделения. Кроме того, в составе корпуса находились две смешанные итало-испанские бригады, каждая из них по своему численному составу равнялась дивизии. Корпус имел также артиллерийскую группу, мотопулеметную роту и две огнеметно-химические роты, многочисленный автотранспорт — до 1300 автомашин и 150 мотоциклов. Авиация насчитывала 100—120 самолетов.

Формирование отдельных батальонов происходило в Италии, затем группы батальонов отправлялись морем в Испанию, где производили окончательное доформирование дивизий. Бронетанковые части, артиллерия и автотранспортные части составлялись из кадровых подразделений итальянской армии и по мере готовности отправлялись в Испанию.

Из всего этого видно, какую серьезную угрозу для Мадрида и всей республики представлял вооруженный до зубов итальянский корпус интервентов.

Командование противника не случайно избрало для решающего удара на Мадрид Гвадалахарское направление. Если взглянуть на подробную карту Испании, то по своему рельефу и дорожной сети этот район был исключительно удобен для наступления. Он позволял развернуть действия всех родов войск. Надо сказать, что впоследствии, после разгрома под Гвадалахарой, итальянские генералы, пытаясь оправдать свою бездарность, выдумывали самые разные причины поражения, и в частности пытались объяснить его «неблагоприятной

местностью». Однако на самом деле там проходят пять отличных шоссейных дорог, в том числе шоссе-автострада Альгара — Ториха — Гвадалахара, являющаяся частью международной магистрали Мадрид — Франция, так называемого Французского шоссе. Три шоссе подходили непосредственно к Гвадалахаре. Это позволяло противнику сосредоточить в этом пункте крупные силы. А два других шоссе, выходившие на магистраль Гвадалахара — Куэнка, обеспечивали осуществление флангового маневра и окончательной изоляции Мадрида от всей территории республиканской Испании.

От линии Ториха — Бриуэга в тыл республиканцев шли только две шоссейные дороги, разъединенные между собой труднопроходимой гористой местностью.

В первых числах марта командованию стало известно, по данным разведки и перебежчиков, что в районе Альмасан — Сигуэнса — Альгора — Ариса сосредоточились какие-то итальянские части и в последние дни наблюдается усиленное передвижение по Сарагосской дороге в направлении Сигуэнсы.

Был отдан приказ во что бы то ни стало остановить продвижение противника. Произведена реорганизация войск, участвующих в Гвадалахарской операции. Принято решение сформировать 4-й армейский корпус, командиром которого назначался Модесто. В его подчинение были переданы 11-я дивизия в составе 11-й и 12-й интернациональных бригад, 2-й бригады Пандо и 1-я ударная бригада. Руководить дивизией доверили Листеру. В корпус были также включены 12-я пехотная дивизия в составе 49-й, 50-й и 71-й бригад, возглавляемая Нино Нанетти, 14-я пехотная дивизия, куда включались вновь прибывшие 65-я, 70-я и 72-я бригады. Кроме трех дивизий в армейский корпус входили танковая бригада и два кавалерийских полка.

Проинформировав о новом приказе, Листер направил меня в штаб 2-й бригады, которой командовал бывший хирург Пандо. Штаб дивизии, как сообщал Листер, переезжал в район Ториха. Туда же должна была к утру подойти 2-я бригада Пандо. Ей предстояло с рассветом 12 марта во взаимодействии с танковым батальоном наступать вдоль Французского шоссе. Задача трудная: выбить итальянцев из Трихуэке и восстановить положение на участке 11-й интернациональной бригады. Помогать нам должны были как летчики, так и артиллеристы.

Мне было поручено помочь командиру бригады Пандо организованно и быстро провести намеченный марш.

Точно такую же задачу я получил накануне и от Малино.

Мы попрощались с Листером. Не дожидаясь провожатого, я и

переводчик Марио отправились к Пандо. Когда туда приехали, бригада уже полностью приготовилась совершить форсированный марш. Все здесь продумали хорошо, до мелочей, и поэтому, как только отдали приказ начать движение, подразделения организованно тронулись в путь. К утру 2-я бригада, танковый батальон и две артиллерийские батареи сосредоточились в районе Ториха.

Комиссар дивизии Сантьяго и комиссар 2-й бригады во время подготовки частей к маршу и на марше все время находились среди солдат и офицеров. Они призывали на борьбу с итальянскими интервентами всех, кто может держать оружие, воспитывали у бойцов жгучую ненависть к врагу. Открытая интервенция регулярных итальянских войск вызывала среди бойцов республиканской армии и местного населения негодование и патриотический подъем. На митингах гремел клич: «Испания — не Абиссиния!»

Вопреки нашим ожиданиям противник ранним утром не проявлял активности. Его авиация совершала только одиночные вылеты разведывательного характера. В этих условиях, не теряя ни одной минуты, мы стали тщательно готовиться к предстоящему бою. Командиру 2-й бригады Гонсалесу Пандо удалось связаться по телефону с танкистами и артиллеристами. Я вновь встретился с Николаем Гурьевым и танкистом Барановым. Мы договорились с ними о взаимодействии между пехотой, танками и артиллерией.

Бригаду разбили на два эшелона, был выделен небольшой резерв. Первый эшелон, которому предстояло продвигаться вдоль Французского шоссе, составляли два батальона с танками, второй — один батальон. Резервный батальон по идее командования должен был прикрывать правый фланг и штаб дивизии в случае прорыва противника по дороге Ториха — Бриуэга и выхода его на тылы бригады. Кроме того, в состав бригады был включен сводный батальон 50-й бригады, которому предписывалось занять оборону в районе Торихи и удерживать ее до подхода 1-й ударной бригады.

Саперы подготовили нам наблюдательный пункт на высоте, расположенной рядом с Французским шоссе. Туда прибыли командиры, танкисты и артиллеристы. Им надлежало поддерживать наступление бригады. К 11.30 подготовка к наступлению была закончена, о чем Пандо доложил Листеру.

Подготовка к наступлению проходила в трудных условиях. Ударили холода, выпал снег, земля раскисла. Там, где не было дорог, всякое движение исключалось: ни мулы, запряженные в повозку, ни пешеходы, ни тем более автомашины двигаться не

могли. Поэтому все передвижение сосредоточили на дорогах с твердым покрытием или на хорошо асфальтированных шоссе.

Ну а поскольку дорог оказалось мало, а желающих ехать много, нередко случались недоразумения. Были казусы и у нас в бригаде. Помню, накануне ночи на марше наши машины неожиданно заскрипели тормозами и остановились. Прошла минута, вторая, пятая — машины продолжали стоять. За спиной послышались гудки, крики, на шоссе образовалась пробка. Мы с Пандо вышли, чтобы узнать, в чем дело и почему прекратилось движение. Прошли метров десять вперед и среди повозок и машин увидели большую группу солдат и офицеров, которые шумно спорили, ругались, готовые взять друг друга за грудки. В кругу спорящих друг против друга стояли офицер-артиллерист и бригадный интендант. Они никак не могли договориться, чей транспорт должен пройти первым по шоссе.

— Артиллерия — это все, — доказывал артиллерист. — Она решает успех боя и операции.

— Может быть, вы начнете стрелять по противнику итальянскими спагетти? — съязвил интендант. — Кто как не мы доставим боеприпасы.

— Спагетти нам не потребуются, вы напугаете итальянцев своими повозками, — парировал артиллерист.

Потом он повернулся к своим солдатам и приказал под общий хохот:

— Снести эти колымаги на руках поближе к кювету. Солдаты дружно подняли повозки и на глазах побледневшего интенданта убрали их с дороги. Артиллеристы бросились уже было заводить свои машины с прицепными пушками, как опомнившийся интендант выхватил из кобуры пистолет и, стреляя вверх, бросился к головному грузовику, где сидел офицер-артиллерист. Мы подоспели вовремя — спор мог кончиться плохо. Комиссару бригады пришлось срочно вмешаться в затянувшуюся дискуссию слишком разошедшихся офицеров.

— Смирно! — крикнул он, и спорщики вытянулись в струнку. — После операции оба будете наказаны, а сейчас — по местам, слушать мою команду.

Он быстро распорядился, и через десять минут затор на шоссе ликвидировали. Колонна двинулась дальше.

Конечно, погода усложнила нашу задачу, но тем не менее точно к сроку все заняли свои позиции и приготовились к атаке. В 11.40 командир бригады майор Пандо получил по телефону устное приказание от командира дивизии: «После налета авиации и короткой артиллерийской подготовки в 12 часов 20 минут перейти в наступление по разработанному плану». Сразу же

командиры батальонов в свою очередь получили приказ: «быть готовыми в 12 часов 20 минут начать наступление в направлении вдоль шоссе на Трихуэке с целью разгромить во взаимодействии с 11-й интернациональной бригадой наступающие части 3-й итальянской дивизии и захватить Трихуэке».

В 12 часов в воздухе появились республиканские самолеты, шедшие на разных высотах группами по 6—8 самолетов, поэшелонно с интервалом 2—3 минуты.

Смертельный бомбовый груз обрушился на боевые порядки итальянской пехоты и огневые позиции их артиллерии.

Как только республиканская авиация перенесла свои бомбовые удары и огонь из пулеметов в глубину — на подходящие резервы, открыла массированный огонь и артиллерия. Внезапный налет авиации и артиллерийский огонь заставили замолчать итальянскую артиллерию. В это время командир бригады дал сигнал, по которому пехота вместе с танками двинулась вперед. Танки — к их броне приникли небольшие группы солдат — быстро вырвались вперед и начали с ходу из пушек, а потом из пулеметов расстреливать пехоту противника.

В этот день войска итальянского корпуса также намеревались перейти в решительное наступление вдоль Французского шоссе. Поэтому они не предприняли заблаговременно никаких инженерных работ по оборудованию занимаемых участков. Республиканцы сравнительно легко опрокинули передовые подразделения и стали в упор расстреливать их. В это время вдали на Французском шоссе показалась автоколонна с пехотой противника, хвост ее скрывался в Трихуэке. Наши танкисты заметили автоколонну, свернули в сторону на проселочные дороги и расположились по обе стороны шоссе. Орудия, направленные на автоколонну, открыли огонь. Солдаты-десантники, сидевшие на танках, покинули их и стали расстреливать итальянскую пехоту из ручных пулеметов и винтовок. В это же время четыре танка на больших скоростях рванулись вперед вдоль шоссе и начали давить гусеницами автомашины и пехоту противника. Кроме того, у 78-го километра шоссе танкисты неожиданно обнаружили в лощине небольшой военный лагерь. Как стало потом известно, это был резерв 3-й итальянской дивизии, выведенный в ночь на 12 марта из боя. По нему был открыт пушечный огонь, часть противника была уничтожена, и лишь немногие успели скрыться.

Несмотря на крупный успех, наша пехота с большим трудом продвигалась вперед. Солдаты были измучены, ведь накануне бригада совершила 20-километровый ночной марш до Торихи.

Затем части вышли из Торихи и заняли исходное положение для наступления в районе 77-го километра шоссе. Все это проходило в неимоверно трудных условиях. Выпавший за ночь снег растаял, почва раскисла, и солдаты с большим трудом продвигались вперед по липкой грязи. Но вот первый эшелон пехоты при поддержке танков подошел вплотную к Трихуэке. На юго-западной окраине противнику удалось задержать его сильным пулеметным огнем. Батальоны залегли, а танки отошли в тыл, чтобы пополнить боеприпасы и произвести заправку горючим.

Итальянцы, несколько оправившись, возобновили наступление, при этом в бой были введены танки с огнеметами. Часть бойцов дрогнула. Особенно тяжелой была обстановка перед фронтом 1-го батальона. Под натиском наступающих танков с огнеметами кое-где стали отходить. Возникла явная угроза для всей бригады. Наступая вдоль Французского шоссе, итальянцы могли бы охватить левый фланг бригады, войти в ее тылы. В этот исключительно ответственный момент большую роль сыграли офицеры политического отдела и комиссар бригады, которые находились в боевых порядках 1-го батальона. Они увлекли личным примером, мужеством и смелостью бойцов, залегли в укрытиях и стали расстреливать наступающего противника. После того как атака была отбита, комиссар бригады рассказал:

— Когда появились танки с огнеметами, то сначала действительно было немного страшновато: идет бронированная машина и плюет на тебя из ствола огнем. Но, когда мы увидели, что огневая струя выбрасывается всего на 15—20 метров и пламя мгновенно гаснет, мы поняли, что, если лечь в укрытие, то танк ничего не сделает. Мы так и поступили, подыскали укрытие, пристроились в нем и, когда танки прошли мимо нас, а за ними появилась пехота, вот тут-то мы и стали расстреливать их. Нашему примеру последовали многие солдаты и офицеры батальона. Так атака итальянской пехоты была отбита, а танки, которые прошли в тыл, были подбиты нашей артиллерией.

О мужестве и смелости офицеров и бойцов командир бригады доложил Листеру. Слава о них моментально разлетелась по всей дивизии. Танковая боязнь была ликвидирована.

Тем временем оперативная группа штаба бригады во главе с Пандо — вместе с ним находился и я — переходила к новому наблюдательному пункту. Неожиданно для нас за высотой, по существу из тыла, послышалась сильная стрельба. В чем дело? Кто может находиться у нас в тылу? Приказа о вводе в бой второго эшелона и резерва не было. Стало быть, за спиной действует итальянская пехота. К счастью, с нами оказалась часть взвода охраны штаба в составе 12 бойцов. Дальше двигаться

оказалось невозможным, и мы, остановившись у подножья горы, выслали разведку, которая сообщила, что около батальона итальянской пехоты наступает в оливковой роще вдоль проселочной дороги. Кроме пехоты идут четыре танка и на лошадях тянут два орудия.

Я обернулся к Пандо:

— Дело плохо, под руками у нас никого нет, идти вперед к боевым порядкам первого эшелона нет смысла — можем потерять все управление бригады. Возвращаться назад тоже нельзя. Стоит выйти на ровное поле — нас сразу всех перестреляют, как куропаток, или возьмут в плен. На высоте организовать наблюдательный пункт — тоже нет возможности. С появлением на ней мы сразу будем обнаружены итальянцами. Вывод напрашивается один: всей оперативной группе с солдатами из взвода охраны обосноваться у подножья этой горы, организовать круговую оборону и немедленно ввести в бой второй эшелон и резерв без пулеметной роты, а пулеметную роту развернуть справа вдоль дороги в сторону наступающего итальянского батальона для отражения атаки.

Командир бригады согласился. Но как доставить приказ командирам батальонов? Ведь кроме подвижных средств связи у нас ничего нет: ни радиосредств, ни проводной связи.

Десятки снарядов со свистом и воем летели от Трихуэки, рвались в районе боевых порядков первого батальона. Видно было, как мелкими группами бойцы батальона, не выдержав удара противника, стали отходить в нашу сторону. Пандо вызвал унтер-офицера из взвода охраны и одного солдата, написал наскоро на маленьком клочке бумаги боевое распоряжение командирам батальонов на ввод в бой второго эшелона и резерва и передал его унтер-офицеру. Тот внимательно прочитал, свернул листок вчетверо, положил в наружный карман, вскинул винтовку за спину и вместе с солдатом пошел в тыл. Я все время наблюдал за ними. Как только они вышли на открытое поле, итальянцы заметили их и открыли пулеметный огонь. Унтер-офицер, вместо того чтобы преодолеть ползком поражаемое пространство, побежал согнувшись вперед, а солдат повернул обратно, но, не добежав метров ста до укрытия, был смертельно ранен. Унтер-офицер упал на землю. По-видимому, сообразил, что надо этот небольшой участок, который простреливается противником, преодолеть по-пластунски.

Я видел, что в этой ситуации боевое распоряжение командира может быть не доставлено батальонам, и попросил у Пандо разрешения пойти самому. Взял одного солдата, пристроил удобнее за спину свой карабин, к поясу две гранаты Ф-1 и

предупредил солдата, что он должен двигаться за мной на расстоянии 100 метров, повторяя мои движения. Простившись с Пандо, мы вышли из-за укрытия. Еще из окопа я приметил более безопасный путь. Опасный участок, простреливаемый итальянцами, был небольшим — всего 150—200 метров, а потом балка. В балке вода, но идти там будет безопасно. Ползти было очень трудно. Итальянцы заметили, что кто-то движется, и открыли ураганный огонь. Тогда я пополз по-пластунски. Осталось преодолеть всего 3—4 десятка метров, но они мне казались километрами. Я ругал себя за то, что мы с Пандо сменили старый наблюдательный пункт, не организовав управление на новом НП. Упоенные тактическим успехом, увидев, что батальоны с танками пошли вперед, мы бросили старый наблюдательный пункт, с которого хотя и плохо, но все же можно было управлять частями. Что теперь делает Пандо с оперативной группой? Да и сам вот ползу по этой грязи, не зная, доберусь ли до оврага.

Спустился в овраг и увидел унтер-офицера, который только что пришел в себя. Он был легко ранен в ногу. Быстро сделал ему перевязку.

— Подойдет солдат, с ним тихонько пробирайтесь по оврагу в тыл, а я пойду на старый наблюдательный пункт к начальнику штаба.

Посмотрел на часы и удивился, что в пути нахожусь полтора часа. Кончился овраг, я вышел на дорогу и увидел, что из тыла по шоссе к фронту двигается колонна пехоты во главе с танками. Сразу на сердце стало веселее. Теперь думаю, дело пойдет. Остановил головной танк, в котором сидел наш советский доброволец Митя Погодин, и узнал, что он был в резерве у Листера и по решению последнего готовится к контратаке совместно с резервным батальоном Пандо. Я разъяснил ему обстановку и сообщил решение командира бригады:

— Ну давай действуй, а я полечу к начальнику штаба, сообщу ему решение командира бригады, и будем совместно наступать.

Пропустив батальон мимо себя, я увидел Родригеса: он с остальными офицерами штаба двигался на новый командный пункт к Пандо.

— Куда же вы идете? — обращаюсь к ним. — Надо немедленно организовать бой, ведь Пандо с оперативной группой сидит прижатый к высоте итальянцами и ждет нашей помощи.

Родригес быстро навел порядок и отправил несколько офицеров к командирам батальонов.

Теперь я был уверен, что приказ Пандо дойдет до командиров.

— Ну а нам, Павлито, надо вернуться на старый НП, — обратился ко мне начальник штаба.

В этот трудный для бригады момент Листер выдвинул из своего резерва для контратаки одну танковую роту с батальоном пехоты.

Действуя смело и решительно, танкисты быстро продвинулись вперед, разделились по группам (2—3 танка), встали за укрытия и огнем пушек и пулеметов с дистанции 500 метров начали расстреливать итальянские танки и пехоту. Резервный батальон тоже вступил в бой удачно. Положение было быстро восстановлено. Противник оставил на поле боя 6 подбитых танков и 150 человек убитыми. В этот тяжелый момент пулеметная рота, которой командовала девушка — капитан Луна, огнем своих пулеметов прижала итальянцев к земле, не дав возможности им продвинуться вперед.

Командование резервного батальона, двигавшегося за танками, узнав об активизации итальянцев на левом фланге бригады, немедленно приняло решение развернуть две роты фронтов влево от шоссе и открыть огонь во фланг итальянцев. В это же время был введен в бой второй эшелон. Итальянский батальон с двумя орудиями и четырьмя танками попал в ловушку и стал в беспорядке отходить в тыл, бросая оружие и боеприпасы. В этом бою были взяты в плен офицеры и солдаты дивизии «Литторио».

Они показали, что получили приказ совершить ночной марш и к рассвету прибыть на участок 3-й волонтерской дивизии к Трихуэке. Фактически их движение началось только утром, потому что потребовалось много времени для запуска машин и вытягивания автоколонны на шоссе. Пленные также рассказали, что налет республиканской авиации на автоколонну произвел на солдат и офицеров потрясающее впечатление. От бомбовых ударов и пулеметного огня колонна понесла большие потери. Водители от страха спрыгивали с машин на ходу, пуская их под откос, несмотря на то что в кузовах сидели свои солдаты. Некоторые грузовики сгорели, а обезумевшие солдаты разбежались.

Из показаний пленных мы узнали, что командующий итальянским экспедиционным корпусом генерал Манчини ввел 12 марта в бой свой последний резерв — свежую кадровую дивизию «Литторио». Перед ней была поставлена задача нанести удар из района Трихуэке и с ходу развить успех 3-й волонтерской дивизии. Атаку поддерживала вся артиллерия корпуса. И трудно сказать, чем бы кончился этот поединок, не появись в воздухе тридцать республиканских истребителей, пилотируемых

советскими добровольцами. Атака интервентов захлебнулась. Воспользовавшись этим, 2-я бригада вновь выдвинулась к Трихуэке.

Мы получили приказ Листера, который гласил:

> «Дать небольшую передышку бригаде, накормить людей, поставить задачу командирам батальонов обеспечить боеприпасами войска, подтянуть ближе к боевым порядкам артиллерию, организовать совместные действия пехоты с танками и после короткой артиллерийской подготовки в 16 час. 30 мин. всеми силами бригады захватить Трихуэке».

Приказ был доведен до солдат, унтер-офицеров и офицеров бригады. Началась подготовка повторной операции по захвату Трихуэке.

Командование итальянцев не ожидало таких решительных и смелых действий. Оно считало, что начатое им наступление, несмотря на неудачи, будет иметь успех. Кроме того, итальянцы возлагали надежды на внезапность действия танков-огнеметов. Командование противника поспешно принимало решительные меры по дальнейшему вводу в бой свежих частей дивизии «Литторио» и активизации действий 3-й волонтерской дивизии. Основные усилия враг сосредоточил вдоль двух дорог. Сначала движение войск началось из района Каса-дель-Кобо и Трихуэке. Против 2-й бригады и двух батальонов имени Пасионарии и Тельмана 11-й интернациональной бригады итальянцы бросили 3-ю волонтерскую дивизию «Черные перья» и передовые части дивизии «Литторио» в направлении наТориха — Гвадалахара. Немного позже развернулось наступление из района Бриуэги против 12-й интернациональной бригады. Здесь сражались части 1-й волонтерской дивизии «Божья воля» и 2-й волонтерской дивизии «Черное пламя».

На высоте, у подножья которой я оставил комбрига Пандо с оперативной группой, был подготовлен наконец наблюдательный пункт, организована проводная связь. Мы с начальником штаба перешли к Пандо, который взял управление бригадой в свои руки.

Около 16 часов 12 марта артиллерия итальянцев внезапно открыла массированный огонь из орудий всех систем по огневым позициям нашей артиллерии, по нашим боевым порядкам. Итальянская пехота, которую поддерживали танки, перешла в наступление.

Через полчаса выявилась активность итальянцев и на участке 12-й интернациональной бригады. При поддержке артиллерии пехота с танками и здесь двинулась в наступление. Сильному

артобстрелу подвергались батальоны имени Гарибальди и Домбровского.

На всем фронте 11-й дивизии Листера завязались ожесточенные бои. Положение становилось с каждым часом все сложнее.

Особенно тяжело пришлось ночью, когда мятежники опередили нас. Они первыми подали сигнал к бою. Это произошло настолько неожиданно, что в некоторых ротах республиканцев началась паника. Фалангисты бросили в прорыв превосходящие силы.

Они прилагали особые усилия для занятия господствующей высоты. Пулемет, установленный здесь, почему-то замолчал. Враг стал обходить наши боевые порядки с флангов. Казалось, вот-вот высота падет и враг овладеет ею.

Раздалось еще несколько оружейных выстрелов, но после точного попадания артиллерийского снаряда в цель все смолкло на кургане. Мы видели, как итальянцы вначале робко, неуверенно, а потом все смелее стали карабкаться на высоту. Слева, справа. Они словно муравьи лезли наверх. Справа, где размещалось местное кладбище, тоже бежали вражеские солдаты. Они лавировали между древними надгробными плитами и незаметно пробирались к подножью холма. Что же будет? Неужели так все пропадет. И вдруг, когда первые солдаты противника, казалось, уже поднялись на гребень, снова заговорил пулемет. Кто-то стрелял метко и зло. Короткие очереди заставили наступающих уткнуться в землю. Теперь итальянцы возлагали надежды на своих солдат, атаковавших со стороны кладбища. Их было не видно. Они могли подкрасться к отважному пулеметчику незаметно.

— Ну, камарада, — шептал стоявший со мной офицер. — Оглянись, посмотри, посмотри, пожалуйста, в сторону. — И он с досады закрыл лицо руками. Пулемет замолчал. Но только на минуту. А когда офицер открыл глаза, неизвестный пулеметный расчет, передвинувшийся к другому скату, стал поливать огнем итальянцев, прятавшихся за могильными холмами. Несколько часов продолжался поединок одного пулеметного расчета с численно превосходившим противником.

Когда наши солдаты захватили высотку, мы вместе с Пандо побежали туда. Хотелось обнять и расцеловать храбрецов.

За щитом пулемета сидела девушка и, глядя в осколок зеркальца, гребенкой причесывала густые кудри. Потом достала из кармана пудреницу и принялась припудривать ссадину на переносице.

— Ой, — смутилась она, увидев пас.

— Косметикой занимаетесь? — улыбнулся Пандо.

— Да вот синяк. Неудобно в таком виде показываться. О, Павлито! — увидев меня, вскрикнула девушка.

Ну, конечно же, это была Энкарнасион Фернандес Лупа, командир пулеметной роты.

— Ну как, не подводят «максимы»? — спросил я.

— Работают безотказно, — улыбнулась Луна. — Может быть, итальянцам они не по душе. Спросите у них.

В эти критические минуты республиканская авиация оказала нам большую помощь. Она наносила бомбовые удары и расстреливала врага пулеметным огнем. Пехота противника еле-еле продвигалась вперед; что касается вражеских танков, то они либо были расстреляны пушками республиканских танков, либо безнадежно застряли в жидком месиве из глины, воды и нерастаявшего снега. Удачно бомбовые удары нашей авиации поддержали наступательный дух республиканцев.

К вечеру противник вынужден был отходить на линию Трихуэке и Каса-дель-Кобо. Пандо — командир 2-й бригады, которая действовала по соседству с 11-й, — решил в оставшееся до темноты время воспользоваться замешательством итальянцев и при поддержке артиллерии и танков захватить Трихуэке. Батальоны с танками подошли вплотную к домам деревни, но ворваться в нее не смогли. И все-таки это был успех, на закрепление которого пришли два батальона 1-й ударной бригады.

Поздно вечером вернулся мой переводчик Марио: он все время был с пленными и допрашивал их. Марио доложил, что пленные и перебежчики в основном из дивизии «Литторио». Все они отвечают, что моральное настроение войск, особенно 3-й дивизии «Черные перья», очень плохое.

В последние три дня мятежники понесли большие потери в людях. Итальянские солдаты в непрерывных ожесточенных боях переутомились и отказываются выполнять приказы командиров, когда речь идет о наступлении.

Один из перебежавших к нам офицеров рассказал, что он уроженец Неаполя, служил в полиции, затем в январе 1937 года как доброволец был направлен в один из батальонов 3-й дивизии «Черные перья» на должность командира роты.

— В Италии, когда нас вербовали, — говорил, волнуясь, этот лейтенант, — нас убедили, что предстоит легкий поход. Поможете восстановить законную власть генерала Франко и как победители вернетесь домой. Теперь, когда мы увидели все ужасы этой проклятой войны, мы поняли, с какими сильными и мужественными людьми ведем борьбу. Мы поняли также, что они

сражаются и отдают жизнь за свою землю, за свой народ. А мы за что ведем войну? Что нам нужно в этой Испании? Ровным счетом ничего. Поэтому мы решили группой перейти к вам.

Марио вместе с этим лейтенантом и другими итальянцами-перебежчиками отправился на радиоустановку. Комиссар бригады организовал их выступление для солдат противника. После этого выступления к нам перешли еще две группы итальянцев из дивизии «Черные перья».

Несколько итальянцев были взяты в плен командиром 2-го батальона капитаном Пепе и его адъютантом. Дело было так. Адъютант подготовил для командира новую землянку и, чтобы тот не плутал в лесу, решил его сам проводить. Говоря о каких-то пустяках, они незаметно подошли к блиндажу. Офицер откинул одеяло, заменявшее дверь, и спустился вниз. И тут нос к носу столкнулся с солдатами мятежников. Адъютант и комбат растерялись. Бежать — расстреляют в упор. Минуту, вторую стояли молча. Потом итальянский унтер-офицер вышел на середину и со слезами стал умолять республиканцев, чтобы их не расстреливали, а взяли в плен.

Пепе выпрямился, сделал сердитое лицо и проговорил:

— Ладно, не будем расстреливать. Бросайте оружие — отправим в тыл.

Так, два республиканца взяли в плен большую группу мятежников.

Генерал Манчини, командир экспедиционного корпуса, очевидно, понимал, что его песенка спета. Но тем не менее он шел на все, чтобы поддержать свой авторитет. Даже ценой жизни своих соотечественников. Против республиканской 11-й дивизии командование итальянского корпуса ввело в бой все четыре дивизии и испанскую дивизию мятежников «Сориа». Но все усилия интервентов продвинуться по направлению к Мадриду остались безуспешными.

13 марта республиканское командование приказало дивизии Листера повторить наступление на рубеже Трихуэке — Каса-дель-Кобо и овладеть этими пунктами.

Измученные беспрерывными трехдневными боями, бойцы дивизии валились с ног, не хватало продуктов. Но обстановка сложилась так, что мы не могли дать даже небольшого отдыха бригадам. Короткое затишье позволило бы итальянцам создать опорные пункты и узлы сопротивления в Трихуэке, Каса-дель-Кобо, Паласио-де-Ибарра.

На главном направлении — вдоль Французского шоссе — предстояло атаковать 2-й бригаде, 1-я ударная бригада наступала на Трихуэке с юго-востока. Действия этих бригад поддерживались

огнем одной из артиллерийских групп.

11-я интернациональная бригада получила задание захватить Каса-дель-Кобо. Начало атаки бригады было назначено на 30 минут раньше наступления других частей, с тем чтобы отвлечь внимание противника от района Трихуэке.

12-я интербригада вела бои за Паласио-де-Ибарра.

Все утро 13 марта мы были заняты подготовкой войск к атаке Трихуэке и Каса-дель-Кобо. Было неимоверно трудно. Командиры и комиссары бригад и батальонов устали от беспрерывных боев. Даже Листер — человек-камень, обладавший неиссякаемой энергией, — и тот был измучен.

А дел свалилось много. По ночам гудели моторы грузовиков, подвозящих боеприпасы, оружие, продукты. Все это быстро распределили по бригадам, батальонам. Листер сам контролировал работу. Его можно было видеть всюду. То он забирался на грузовик и проверял, правильно ли тыловики «выполнили заказ» дивизии, то уходил в ближайшую лощину и сам ложился за щиток пулемета: надежное ли оружие выделили оружейники. Он вызвал медиков и дал им нагоняй за то, что у них плохо оборудованы лазареты, не проинструктированы санинструкторы. Он не давал покоя ни себе, ни людям. За эти дни Листер осунулся, похудел, и только из-под кустистых бровей поблескивали черные глаза. Он видел, что люди устали, и в душе жалел, что не может предоставить им отдыха.

— Что я могу сделать? — сокрушался он как-то за ужином. — Ведь скоро наступление.

— Не расстраивайся, Энрике, — успокаивал я его. — Ты все делаешь правильно.

Но однажды я увидел, как и у этого «железного» человека не выдержало сердце. Случайно проходя мимо огромного грузовика, доставившего снаряды, Листер увидел, что шофер, совсем молодой парень, заснул, ожидая дальнейших указаний. Энрике тронул парня за плечо. Тот встрепенулся и стал что-то быстро-быстро говорить, очевидно оправдываться. Листер его успокоил, легонько, подтолкнул на соседнее место и сам сел за руль.

— Дай-ка я тряхну стариной. — И повел машину к ближайшему складу.

К наступлению готовились все. Не отставала и наша бригада. Кропотливо проверялась готовность к бою каждого подразделения. Перед атакой мы с Пандо зашли в танковую роту, расположенную в небольшой оливковой роще. Командир роты на чистом русском языке доложил о готовности роты к боевым действиям. Экипажи в летних синих комбинезонах и шлемах были выстроены перед машинами. Танкисты с радостными

улыбками смотрели на нас.

Лица многих из них показались мне знакомыми.

— Не ваша ли рота участвовала в боях за Университетский городок и за мост на реке Мансанарес? — спросил я танкистов.

— Да, и вас я тоже видел там, товарищ Павлито, — ответил один из них.

Я вновь встретился с боевыми товарищами и их славным командиром — советским добровольцем Дмитрием Погодиным. Многих из тех, кого я помнил, уже не было в строю. Рота стала интернациональной, в ее экипажах воевали русские, поляки, чехи, испанцы…

Мы выяснили, что настроение у бойцов бодрое, материальная часть находится в полной готовности.

Распрощались с танкистами тепло, дружески. Но едва отошли метров пятьдесят, как я услышал голос Погодина:

— Обождите! Мы остановились.

— В чем дело, что случилось?

Подбежал запыхавшийся Дмитрий:

— Экипажи упрекают меня, что не угостил вас танкистским пайком. Вы задержитесь всего на две-три минуты.

Пандо, вообще неравнодушный к еде, заинтересовался этим пайком, и мы вернулись. Были поданы стаканы, тоненькие кусочки вареного мяса на хлебе. Появилась бутыль с красноватым терпким вином. Мы подняли тост за успех.

— Ну вот, теперь будете знать танкистский паек, — шутили бойцы.

Через 20—25 минут мы были уже на своем наблюдательном пункте. Связь с батальонами первого эшелона была установлена проводная, а остальные подразделения отправляли посыльных на мотоциклах и лошадях. Начальник штаба доложил Пандо, что все войска к атаке готовы.

В точно назначенное время в небе появились республиканские самолеты. Итальянцы не ожидали появления нашей авиации в такую дождливую и туманную погоду. У противника началась паника. А тут в дело вступила наша артиллерия, которая произвела мощный огневой налет по боевым порядкам итальянцев. Пошли в наступление танки и пехота.

Танкисты с ходу атаковали карабинеров противника, оборонявших подступы к Трихуэке, и после небольшой перестрелки ворвались в деревню.

Вслед за танками в населенный пункт просочились бойцы первого эшелона 2-й бригады. Завязался ожесточенный уличный бой. Внезапная атака танков и пехоты ошеломила противника, фашисты выскакивали из траншей и в панике бежали.

Одна из трудностей борьбы за Трихуэке заключалась в том, что эта деревня представляла серьезное препятствие для действий танков. Все улицы здесь, кроме главной, где проходило Французское шоссе, были узкими, с многочисленными тупиками. В результате огня артиллерии и бомбовых ударов авиации улицы были завалены каменными глыбами.

В таких условиях действовать танкам было очень трудно. Итальянские пехотинцы, используя выгодные тактические условия, бросали на наши машины из окон чердаков и других укрытий горящие факелы, сделанные из старой ветоши, политой бензином или керосином, бутылки с горючей смесью. Танкисты были вынуждены временно покинуть Трихуэке и выйти в обход на Французское шоссе. Они расстреляли из пушек итальянские батареи, а потом гусеницами смяли оставшиеся орудия вместе с тягачами.

После того как 1-й и 2-й батальоны захватили южную и восточную окраины деревни и кое-где завязались уличные бои, командир бригады принял решение ввести в бой второй эшелон, который, совершив глубокий обход, нанес противнику основной удар с тыла. С юга штурмовать Трихуэке было нецелесообразно, так как итальянцы сосредоточили там основные огневые средства и живую силу. Капитан Гарсиа решил атаковать врага с северо-запада, со стороны деревни Вальдеаренас.

Пулеметчикам 1-го батальона приказали прикрыть республиканские войска со стороны деревни Вальдеаренас и обеспечить действия рот первого эшелона. Это решение комбата было одобрено и утверждено Пандо.

Батальон капитана Гарсиа был уже в пути, когда мы с Марио догнали его. На марше капитан пустил первой пехотную роту, усиленную пулеметным взводом. Впереди роты двинулась разведка в составе одного отделения. Она должна была следить за противником со стороны Вальдеаренас. За первой ротой на расстоянии 200 метров шел командир батальона и вместе с ним командир пулеметной роты Луна.

Появление батальона было полной неожиданностью для фашистов. Они в панике перебегали от дома к дому, всюду попадая под губительный винтовочный и пулеметный огонь республиканцев. Северо-западная и северная части деревни в течение часа были полностью очищены от итальянцев. Противник оставался лишь на юго-восточной окраине и продолжал там вести упорные бои. Мы с Гарсиа хотели было перейти в деревню, как вдруг из-за высоты показалась колонна итальянцев. Мне подумалось, что командир этой колонны не знает о том, что сейчас происходит в Трихуэке.

Итальянцы шли в колонне по четыре, без боевого охранения и без разведки. Я сказал Гарсиа:

— Капитан, вы управляйте боем батальона, а мы с Марио пойдем к Луне, чтобы предупредить ее о движении фашистской колонны.

Мы быстро спустились с высотки в расположение пулеметной роты. В двух словах рассказали командиру роты о приближающихся итальянцах:

— Надо вражескую колонну встретить по всем правилам. Поскольку они не знают о нашем существовании и совершают марш без боевого охранения, есть смысл пропустить голову колонны и, когда фашисты втянутся в огневой мешок, открыть огонь по колонне в лоб. Как только итальянцы в спешке начнут перестраиваться в боевой порядок и расходиться в стороны, откроем огонь фланговыми пулеметами. Один расчет надо оставить при себе.

Луна кивнула головой:

— Сейчас мы им устроим небольшую корриду.

Она подозвала своего заместителя и отдала приказ переместить пулеметные расчеты.

— Ты беги в первый взвод и объясни им все, как полагается, — наставляла Луна. — А я останусь здесь вместе с Павлито.

Пока Луна и ее заместитель расставляли пулеметчиков и втолковывали задачу каждому пулеметному расчету, первые подразделения фашистского батальона поравнялись с пулеметом, который должен был пропустить всю колонну, не открывая огня. Мятежники шли беспечно, не подозревая об опасности. Мундиры расстегнуты, винтовки небрежно закинуты за спину. Глядя в бинокль, как они втягиваются в приготовленную им ловушку, мы стали волноваться за наших парней: хватит ли у них терпения, выдержки? Хватило. Итальянцы больше чем наполовину втянулись в зону огня наших пулеметов.

Марио шепнул мне на ухо:

— Идут они так спокойно, точно к папе римскому на благословение.

— Ну что же, пусть идут, — добавила командир пулеметной роты Энкарнасион. — Сейчас они получат благословение, только не от римского папы, а от нас.

Но вдруг мы увидели, что итальянцы начали перестраивать свою колонну. То ли они заранее это запланировали, то ли почувствовали грозящую им опасность. Так или иначе, но теперь судьбу боя решали секунды.

— Энкарнасион, — повернулся я к Луне. — Пока они не

успели принять боевой порядок, дай сигнал всем фланговым пулеметам открыть огонь.

Луна выхватила из-за пояса ракетницу и послала красную ракету.

Не успела ракета растаять в небе, как раздались длинные трескучие очереди четырех «максимов». Началось что-то невообразимое. Фашисты метались во все стороны, но повсюду их встречал губительный огонь. Одна группа во главе с офицерами стала отходить, но не тут-то было. Ловушка захлопнулась. И сзади мятежников теперь поджидали наши пулеметчики. Отчаявшись выбиться из окружения, длинноногий фельдфебель собрал часть солдат и повел их на штурм самого крайнего пулемета. Это уже была агония. Фашисты шли на пулемет, оставляя вокруг себя убитых и раненых. Страх, отчаяние толкали их вперед. Фельдфебель подбежал к пулемету, бросил гранату, и «максим» затих. Обрадованные мятежники с гиком бросились в образовавшуюся брешь, казалось, вот-вот они выйдут из окружения. Но тут случилось непредвиденное. Когда остаткам вражеского батальона почти удалось вырваться, из наших тисков, в небе появились итальянские самолеты. Командованию итальянского корпуса стало, очевидно, известно, что республиканцы зашли в тыл Трихуэке, и авиация получила приказ атаковать республиканские части.

Итальянские летчики, приняв батальон, который попал под огонь наших пулеметов, за республиканцев, стали бомбить его и обстреливать с воздуха. Сквозь грохот боя Марио прокричал:

— Вот здорово! Теперь они прилетят на аэродром и будут докладывать, что уничтожили наступающих республиканцев. Ха-ха! Сами своих же побили…

От этого батальона остались, как у нас говорится, рожки да ножки.

А я смотрел на победителей — Луну, Марио, Пандо — и радовался: какие замечательные люди сражаются за Испанию. Причем большинство из них пришли добровольцами в республиканскую армию. Все они участвовали в боях на реке Харама, где солдаты, унтер-офицеры порой в исключительно трудной обстановке побеждали во много раз превосходящего противника. Командиры и комиссары мужали на глазах. Смелость, мужество, смекалка, находчивость, хитрость росли от боя к бою. Они научились предвидеть, чувствовать и понимать цели боя, замысел своего старшего начальника и сложившуюся обстановку, реально оценивать силы противника, его группировку, вооружение, технику, возможный характер действий его резервов. Характерен в этом отношении пример командира 2-

й бригады Пандо. Когда он принял решение наступать на Трихуэке не в лоб, а совершить маневр 3-м батальоном в обход населенного пункта и нанести удар батальоном в тыл противника, это было свидетельством тактической зрелости, заслуживающей похвалы. А ведь Пандо по профессии всего-навсего только врач. Грамотно воевал и командир первого батальона капитан Гарсиа, выставивший пулеметную роту для прикрытия от удара резервов противника со стороны Вальдеаренас. В результате умелого маневра одна пулеметная рота Луны почти полностью уничтожила итальянский кадровый батальон дивизии «Литторио».

Обходный маневр, удачно осуществленный батальоном капитана Гарсиа, решил судьбу боя за Трихуэке. Противник не ожидал появления республиканцев в этом месте и вынужден был отступить. Бригада смогла с малыми потерями полностью овладеть деревней. Командир бригады Пандо представил к правительственным наградам капитана Гарсиа, командира пулеметной роты Энкарнасион Луна и многих командиров и бойцов, которые особенно отличились в этих боях.

К 18 часам наша пехота вышла на указанный рубеж и у стен Каса-дель-Кобо залегла. Дальше продвигаться бойцы не имели сил: они лежали в воде и грязи, мокрые и усталые.

Начинался рассвет нового дня. И снова грянул бой, явившийся продолжением вчерашнего… позавчерашнего… Битва за республику продолжалась, и мы продолжали наступать.

Разгромленные части дивизии «Литторио», с которыми мы сражались, постепенно откатывались на северо-восток, стремясь занять выгодный рубеж для обороны, а на фронте 12-й интернациональной бригады генерала Лукача шли еще ожесточенные бои со 2-й итальянской дивизией «Черное пламя». Эта свежая дивизия имела в своем составе в четыре раза больше людей, вооружения и техники, чем республиканцы. 3-й батальон имени Гарибальди, состоявший из добровольцев-итальянцев, 4-й батальон имени Димитрова, в котором были французы, бельгийцы и одна русская рота добровольцев, с боями захватили юго-западную окраину Паласио-де-Ибарра. Уже третьи сутки шли беспрерывные бои. Дивизия «Черное пламя» по нескольку раз в день переходила в атаку, но, устилая поле сотнями трупов, откатывалась назад.

1 марта бои были особенно жестокими.

С утра наша бомбардировочная авиация нанесла три последовательных массированных бомбовых удара по боевым порядкам 2-й итальянской дивизии. Затем был произведен десятиминутный огневой артиллерийский налет. И тогда

батальоны имени Гарибальди и Димитрова перешли в наступление. Трудно было разобраться, где интернационалисты, а где итальянцы дивизии «Черное пламя». Все смешалось в рукопашном бою.

Интербригадцы стояли насмерть. Если падал один, на его место становился второй, третий…

Вот какое письмо нашли друзья в кармане венгерского антифашиста рабочего Имре Шебеши:

> «Бои идут здесь жестокие. Не на жизнь, а на смерть. Вчера нас разбудили в одиннадцать часов. Политкомиссар сообщил, что нужны добровольцы в штурмовой отряд. Будем атаковать фашистские пулеметные гнезда. Вызвалось десять человек. Перед уходом пели революционные песни. Атака началась в четыре часа утра. С неслыханной храбростью атаковали фашистов. Произошла отчаянная рукопашная схватка. Ребята вернулись, оставив троих убитых и четверых раненых. Но это выяснилось только к вечеру следующего дня, так как днем нельзя выйти, чтобы взять раненых. Среди раненых два чеха и один венгр. Вечером, под прикрытием темноты, выползли они из воронки и рассказали о случившемся. Они уничтожили пять пулеметов и убили много фашистов. Все свои гранаты разбросали на неприятеля. Очень характерно для настроения, что первыми словами бойцов штурмового отряда были: «Завтра опять пойдем».

И они шли Через несколько часов схватки победа интернационалистов была предрешена. Умело заходя во фланг и тыл, роты 12-й интербригады рассекали подразделения итальянцев и по частям уничтожали их.

В итоге трехдневных боев батальонами Лукача было захвачено 13 орудий, около 50 пулеметов, 500 исправных винтовок, а также около 500 пленных солдат и офицеров.

В эти дни в числе наших трофеев оказались интересные документы штаба дивизии «Черное пламя».

Вот выдержка из приказа по дивизии:

> «Используя время, предоставленное для приведения в порядок частей и материальной части, необходимо быстро взять в руки части, укрепив их организованно, морально и духовно. Для этого необходимо:
>
> …Ознакомить всех с огромными потерями, понесенными противником в людях, средствах, сбитых

самолетах, разрушенных артиллерией и авиацией селениях.

Говорить о плохом политико-моральном состоянии противника, который страдает от холода и отчаянно защищается, чтобы не дать нам искусным маневром его окружить и уничтожить…»

Этот приказ был отдан 15 марта, то есть после того, как дивизия «Черное пламя» в боях 9—14 марта понесла большие потери в людях, вооружении и технике и в результате этого была выведена в резерв как небоеспособная. Штаб дивизии, очевидно, оказался в очень тяжелом положении, если был вынужден издать приказ, в котором хвастливые и напыщенные фразы сменяются указаниями по реорганизации частей.

Другой документ — приказ командира корпуса генерала Манчини был вызван необходимостью пресечь массовое бегство из частей:

«Среди наилучшей и достойной массы существуют трусы. Не будем удивляться поэтому, что и среди нас имеются такие же. Но мы их изживем.

1. Было фактически установлено несколько случаев самострелов.

2. Было констатировано, что у некоторых «раненых», имеющих перевязки и прочее, на самом деле никаких ранений нет.

3. Было установлено, что некоторые действительно раненые сопровождаются людьми, не имеющими на это никакого задания, и некоторые самовольно воспользовались этим предлогом, чтобы покинуть линию огня.

Приказываю: а) тех, которые явно разоблачены в вышеупомянутом, немедленно расстреливать (пять человек уже понесли вчера и сегодня это справедливое наказание);

б) санитарам немедленно докладывать о ранениях, произведенных самострелами, или о подозреваемых в этом;

в) начальнику королевских карабинеров при командовании волонтерских войск и командирам дивизий установить с этой целью специальную службу наблюдения на дорогах, в санитарных отрядах, полевых госпиталях и пр. Особую бдительность проявить на передовых пунктах медицинской помощи».

Этот приказ появился на свет потому, что уже в первых боях под Гвадалахарой республиканские войска, оборонявшие дальние подступы к Мадриду, сумели не только физически, но и морально сломить своего врага. Особенно большие потери интервенты несли в боях с интернационалистами и бригадами, созданными на основе знаменитого 5-го коммунистического полка. Смелость этих мужественных воинов, их умение вести бой не раз заставляли итальянские войска бросать оружие и сдаваться в плен. Сорокатысячный итальянский корпус с двумястами орудиями и ста танками ничего не мог сделать против десяти тысяч пехоты, двадцати орудий и шестидесяти танков республиканцев.

Большую практику получили командиры и комиссары в этом сражении, и надо сказать, что в дивизии Листера было чему поучиться. Повсюду, во всех звеньях, начиная от взводов и рот до батальонов и бригад, были образцовый порядок, крепкая дисциплина. Мне приходилось идти вместе с войсками по грязи, бездорожью, гористой местности. Я начал сомневаться, удастся ли обеспечить людей боеприпасами, питанием, обмундированием и всем, что нужно для успешного ведения боевых действий. Листер на эти опасения обычно отвечал:

— Павлито! Все будет сделано и доставлено по назначению, там в тылу работают коммунисты, а где коммунисты работают — там они наводят порядок и справляются с делами.

Не раз я видел, что, какой бы ни был напряженный бой, питание всегда доставлялось на передовые, и если нельзя было подбросить его на повозках или машинах, то везли на ишаках, мулах и лошадях. Любимый испанский напиток — горячий кофе доставляли в окопы два-три раза за ночь. Питание в окопы выдавалось не по установленным нормам, а по потребности. Во время обеда раздавали легкое вино, которое входило в солдатский паек. Даже были такие моменты — правда, это еще до боевых действий с итальянцами, — когда наступало обеденное время, часа на два вообще прекращались всякие боевые действия, и тогда с обеих сторон не услышишь ни одного выстрела. Мы так шутя говорили между собой: «Настала «комида» — это значит «время обеда». В такие часы затишья военные окопы превращались в мирные лагеря. Повсюду происходила смена белья, обуви и верхней одежды. Кое-кто начинал сам стряпать паэлью, появлялись порроны, своеобразные кувшины с тонкими длинными носиками, из которых испанцы любят пить сухое вино.

В укреплении морального духа армии огромную роль играли комиссары-коммунисты. Я говорю о комиссарах-коммунистах потому, что в республиканской армии были комиссары

социалисты и анархисты. Некоторые из них, вместо того чтобы наводить в войсках твердую революционную дисциплину, наоборот, поддерживали тех, кто нарушал ее. Правда, таких комиссаров были единицы.

В большинстве комиссары и политработники были людьми железной воли, мужественные, храбрые в бою, заботливые и внимательные к бойцам и офицерам. Они, особенно коммунисты, вели кропотливую работу по воспитанию у солдат чувства любви и уважения к своему командиру, учили точно и беспрекословно выполнять приказ командира.

Душой дивизии Листера был комиссар Альварес Сантьяго. Небольшого роста, крепкий, вечно куда-то спешащий, он пользовался большим авторитетом среди солдат и офицеров. Блестящий оратор, умный пропагандист, Альварес умел подбирать ключи к сердцам самых замкнутых, а порой и неуравновешенных людей.

Я вспоминаю один случай. Три дня солдаты были в бою. Они стояли насмерть, и никто из них не выражал недовольства. И вдруг сразу после боя в одно из подразделений пришла автомашина, доверху груженная плетеными сандалиями. Солдаты быстро выстроились в очередь, и интендант начал раздавать. Все шло хорошо. Солдаты по-хозяйски примеряли обнову и, убедившись, что все в порядке, отходили в сторону. Дело близилось к концу. Оставалось три человека. И вдруг интендант, протянувший руку за очередными сандалиями, почувствовал, что ладонь скользнула по шершавым доскам кузова. Сандалий больше не было. От неожиданности он даже растерялся. Почувствовав недоброе, солдаты вскочили в грузовик, нырнули под тент. Появились они оттуда багрово-красные от гнева.

Разгорался скандал. К машине подходили солдаты; нервы людей, несколько суток находившихся в кровопролитном бою, не выдержали. В другое время все обошлось бы шуткой, а тут возник скандал. Несколько солдат швырнули сандалии в лицо интенданту. Кольцо вокруг машины сжималось, и трудно сказать, чем бы это кончилось, не появись Альварес Сантьяго.

— Кто здесь курящий?

Солдаты повернулись к комиссару.

— Ты нам зубы не заговаривай, — пробасил рослый солдат.

— А я и не заговариваю. Кто курящий, подходи — получай сигареты по три на каждого.

Солдаты подошли, Альварес и еще двое стали раздавать сигареты. Когда все получили, Сантьяго попросил двоих заглянуть в машину. Каково же было их удивление, когда они увидели там гору пачек.

— Ну что, будем теперь ругать интенданта за то, что привез лишние сигареты?

Раздался смех.

Потом кто-то пошутил:

— Может, он из трех сандалий сигареты накрутил?

Раздался взрыв хохота. Почувствовав, что гроза миновала, Альварес вытер пот с лица. Потом по-домашнему, спокойно стал совестить солдат, поссорившихся из-за сандалий.

— Подумать только, — сокрушался Сантьяго, — из-за мелкой ошибки кладовщика чуть не состоялся самосуд.

Немного помолчав, добавил:

— Те, кому не хватило сандалий, зайдите завтра к интенданту — выдадим.

Сказал и спокойно пошел к себе. Таков был комиссар дивизии Альварес Сантьяго.

И боевой успех нашей дивизии во многом зависел от кропотливой, умной работы этого талантливого человека.

Понеся большие потери, итальянцы пытались привести свои части в порядок, организуя лишь небольшие разведывательные операции.

Авиация противника, стремясь сковать наши действия, проявляла большую активность; особенно много работала она в ночное время. Как-то вечером в небольшой долине рядом с Бриуэгой я проводил занятия с офицерским составом по изучению материальной части станкового пулемета «максим». В конце занятий ко мне подошел Николай Гурьев:

— Отменный ныне денек, ни одного самолета не появилось. Я хорошо позанимался с офицерами-артиллеристами, не заглядывая в небо. Боятся, видимо, стервятники, наших истребителей, днем перестали бомбить.

Не успел я ему ответить, как кто-то из офицеров крикнул:

— Самолеты противника!

Нам не было видно самолетов, так как мы стояли в лощине, окруженной высокими горами, но гул моторов нарастал. Офицеры разбежались: одни побежали по курсу самолетов, другие — в сторону, ближе к большой скале. Мы с Николаем тоже бросились к скале. Рвались бомбы. Горы вокруг содрогались, как во время землетрясения. Бомба среднего калибра упала на то место, где мы все стояли несколько минут назад. Ударной волной нас отбросило к скале. Когда я очнулся, надо мной склонился офицер с повязкой Красного креста на руке:

— Как чувствуешь себя?

— Ничего, вроде жив. Только что-то голова кружится.

Нас с Николаем посадили в машину и отправили в Мадрид, в

госпиталь Палас. Потом я узнал, что из моей группы были убиты четыре офицера, которые побежали по курсу самолета. Мы с Гурьевым отделались небольшими контузиями.

На следующее утро я был снова в бригаде. Правда, чувствовал себя несколько дней неважно. Николай тоже долго ходил прихрамывая.

Авиация противника не давала ночью нормально отдыхать войскам. Что касается местных жителей, то они с наступлением темноты забирали детишек и уходили в поле, где располагались биваком, как цыгане. Днем истребительная авиация и зенитная артиллерия республиканцев, прикрывавшие район Торихи, не давали безнаказанно действовать фашистской авиации. Республиканские летчики постоянно наносили бомбовые удары и обстреливали с малых высот противника из пулеметов. Как-то утром во время массированного налета в районе Торихи зенитная артиллерия сбила два итальянских бомбардировщика. Этой удаче радовались не только бойцы, но и местные жители, они просто ликовали. Вечером этого дня зенитная батарея утопала в цветах. В знак благодарности зенитчикам принесли всевозможные сладости, продукты и, конечно, угостили вином.

17 марта в 11-й дивизии началась усиленная подготовка, к окончательному разгрому итальянского корпуса. Настроение в войсках было отличное, все были уверены в успехе предстоящих боев.

Листер с командирами бригад и офицерами штаба дивизии проводил рекогносцировку. Он поставил конкретные боевые задачи командирам бригад, указал, в каких боевых порядках производить атаки. В первую очередь предстояло захватить Бриуэгу, затем предполагалось перенести основной удар в направлении Французского шоссе и силами 2-й и 11-й бригад окончательно разгромить дивизию «Литторио».

Для удара на Бриуэгу были привлечены 12-я интернациональная бригада с двенадцатью танками, 1-я ударная бригада с десятью танками и 70-я бригада с шестнадцатью танками; здесь же должна была действовать я 65-я бригада, занявшая исходное положение для атаки на высотах южнее Бриуэги.

Для предстоящего наступления привлекалось до сорока танков, вся наличная авиация и артиллерия в составе шести батарей всех калибров и систем.

В соответствии с поставленной Листером задачей Бриуэгу должны были захватить в первый день наступления. Из-за недостатка снарядов артиллерийская подготовка не планировалась. Был предусмотрен только кратковременный

артиллерийский огневой налет, непосредственно за которым должна была последовать атака танков и пехоты.

2-й бригаде с девятью танками предстояло оборонять Французское шоссе в районе Трихуэке. С артиллеристами была установлена теснейшая связь. Николай Гурьев находился в составе артгруппы, так что мы с ним договорились по всем вопросам.

Приближалось время наступления. 18 марта в 13.30 в воздухе показались республиканские бомбардировщики. Они сбросили свой груз на улицы и площади Бриуэги. Не успели итальянцы опомниться от бомбардировки, как республиканцы открыли сосредоточенный артиллерийский огонь по Бриуэге и огневым позициям итальянской артиллерии. Во время артналета танки быстро выдвинулись вперед и стали расстреливать из пушек и пулеметов пехоту 1-й итальянской дивизии. Вслед за танками перешли в атаку пехотинцы 1-й ударной и 12-й интернациональной бригад. Несмотря на дождь и грязь, танки и пехота неуклонно продвигались вперед. Преодолевая все трудности, танкисты ворвались в расположение противника.

Итальянцы активизировали свои действия и стали предпринимать против наступающих частые контратаки, вводя в бой вторые эшелоны и резервы. Однако результаты этих контратак были малоэффективны и не могли изменить общей обстановки.

Надо отдать должное действиям бойцов 12-й интернациональной бригады. Пехота генерала Лукача наступала непосредственно вместе с танками. Несмотря на то, что в борьбе за первую линию окопов противник оказал сильное противодействие, она все же сравнительно быстро была занята батальонами имени Домбровского и имени Гарибальди. Когда начались бои непосредственно за Бриуэгу, противнику удалось сильным артиллерийским огнем приостановить наступление солдат генерала Лукача. Танкисты обошли Бриуэгу с севера, но этот успех не был закреплен пехотой 70-й бригады, которая двигалась слишком медленно и осторожно. Листер, узнав, что пехота 70-й бригады потеряла наступательный порыв, а командир ее сумел использовать успех танкистов, немедленно переподчинил генералу Лукачу две танковые роты, которые действовали с 70-й бригадой. Лукач был очень доволен этим и с прибытием танковых рот атаковал Бриуэгу. Танкисты, проявив исключительную храбрость, ворвались по шоссе в расположение противника. За танками, не отставая, шли бойцы батальонов имени Гарибальди и имени Домбровского.

Чтобы не отставать от наступающих частей, Листер приказал

начальнику штаба подготовить наблюдательный пункт на высоте в стыке 70-й и 1-й ударных бригад. Со старого НП было невозможно наблюдать за правым флангом дивизии на участке 1-й ударной бригады и бригады генерала Лукача.

Советник Петрович, внимательно следивший за боем, обратил внимание, что на участке 70-й бригады пехота стоит на месте, несмотря на то что итальянская пехота в беспорядке отступает, а командир 1-й ударной бригады, видя пассивность своего левого соседа, тоже выжидает.

— Товарищ Павлито, — приказал мне Петрович, — немедленно отправляйтесь в штаб первой ударной бригады и помогите им. Сейчас многое зависит от активных, смелых и решительных действий этой бригады. Главное, чтобы бригада в тесном взаимодействии с танками и при поддержке артиллерии смелым ударом захватила дорогу, соединяющую Бриуэгу и Французское шоссе, и тем самым отрезала путь отхода итальянским войскам на север. Надеюсь, что с задачей вы успешно справитесь.

В 1-й ударной бригаде мне до этого не приходилось бывать. Добраться туда оказалось не так-то легко. Почти весь путь пришлось преодолеть ползком, под непрерывным огнем врага. Я передал разговор с Петровичем Листеру, взял бойца, и вместе с Марио мы двинулись по дороге из Торихи на Бриуэгу. Примерно в четырех-пяти километрах от района действия бригады наш «форд» попал под обстрел итальянской артиллерии. Но нам некогда было пережидать, пока прекратится обстрел. Шофер Пако увеличил скорость, и мы удачно проскочили опасный район. Я посмотрел на спидометр, стрелка моталась около цифры «110». Для плохой дороги это было чересчур. Внезапно машина стала уменьшать скорость, а потом совсем остановилась.

— В чем дело? — крикнул я.

Пако спокойно ответил:

— Сам не знаю, Павлито, что случилось.

Мы быстро выскочили из машины, осмотрели ее и увидели, что небольшим осколком пробит бензиновый бак. Пако остался возле «форда», а мы втроем пошли дальше пешком. Через час, уставшие и измученные, добрались наконец до штаба 1-й ударной бригады.

Вошли в полуразрушенный домик. В одной из комнат на низком стуле возле камина сидел командир бригады. Я рассказал ему о боевых действиях 12-й и 11-й интернациональных бригад на левом фланге дивизии, севернее Трихуэке. Он покачал головой.

— А вот у меня, камарада, дела идут не совсем хорошо.

Очень уж соседи мои плохо действуют. Вот, к примеру, сосед слева: на его участке итальянцы под действием наших танков отошли, а пехота семидесятой бригады бездействует. В результате, когда мои бойцы поднимаются в атаку, они попадают слева под пулеметный огонь. Разве так можно воевать? Листер, вместо того чтобы танковые роты передать в мою бригаду, подчинил их генералу Лукачу…

В общем, он высказал много обид и недовольство в адрес своих соседей и Листера. Мне не хотелось его раздражать, ибо это подлило бы только масла в огонь, а дело вряд ли сдвинулось с места. Мне же нужно было уговорить его как можно быстрее бросить бригаду в наступление.

— Ну, хорошо, — говорю ему. — Все это, может быть, и правильно: соседи плохо дерутся, но ведь ваши храбрые солдаты и офицеры уже не раз громили их и сейчас хотят сражаться так, чтобы неповадно было свинье совать нос в чужой огород.

— Моя бригада все эти дни хорошо воевала. Но народ сильно устал. Вот отдохнут немного, покушают, приведут себя в порядок, получат боеприпасы, и к вечеру мы организуем наступление.

— Но ведь до темноты осталось три часа: итальянцы воспользуются этим, свободно оторвутся и отойдут без всяких потерь к себе в тыл. Разве это можно будет простить? Несмотря на то что пехота семидесятой бригады не продвигается, нам надо обязательно наступать, а за нами пойдет и пехота семидесятой бригады. Только бы успеть перехватить последний путь отхода итальянцев. Когда ваша бригада начнет наступать с фланга и зайдет в тыл к итальянцам, тогда двенадцатой интербригаде легче будет действовать по захвату Бриуэги с фронта.

После недолгого раздумья командир бригады вызвал своего начальника штаба и приказал готовить батальоны первого эшелона, чтобы начать наступление через полтора часа. Основные силы решено было сосредоточить на левом фланге.

В назначенный срок командиры батальонов первого эшелона и танкисты доложили о готовности к наступлению.

— Ну вот, — потирал руки комбриг, — все готово. Сейчас произведем десятиминутный артналет и начнем атаку.

— Очень хорошо, — остановил я его. — Но откуда вы будете управлять бригадой?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Как — откуда? Только танки с пехотой бросятся на итальянцев, мы сразу же пристроимся за батальонами и пойдем вперед. Нам будут видны все боевые порядки, и в случае, если кто не поднимется в атаку, так я их сразу расшевелю.

Вот это, думаю, новость. Что ж, посмотрим: все равно я не в

силах что-либо изменить, да и времени нет. Пусть воюет и командует, как он делал раньше.

После огневого налета в воздухе вспыхнули две красные ракеты. Танкисты развернулись по фронту и на большой скорости двинулись вперед. За танками поднялась пехота и с криком «ура!», ведя на ходу интенсивный огонь, атаковала итальянцев. Преодолевая сопротивление небольших групп противника, передовые танки, а за ними и пехота быстро подошли вплотную к шоссе, по которому в беспорядке бежали деморализованные части 1-й волонтерской дивизии. Два наших танка смело перекрыли шоссе. Таким образом путь отхода итальянцам был отрезан. В это время командир одной из пехотных рот известил танкистов, что в лощине с огневых позиций снимается итальянская артиллерия и на гусеничных тракторах вытягивается на шоссе.

Командир танковой роты недолго думая развернул свои машины и вместе с пехотной ротой вышел навстречу вражеской артиллерии. На наших глазах итальянцы бросив орудия и тракторы, разбежались, оставив всю материальную часть и большое количество боеприпасов. Но это были, как говорится, только цветочки, В это время начштаба бригады доложил, что из Бриуэги на север вытягивается колонна итальянских автомашин. Итальянцы явно не подозревали, что шоссе перехвачено нашими танками и пехотой. Вражеская автоколонна двигалась на больших скоростях без всякого охранения. Командир бригады обратился ко мне:

— Вот было бы хорошо захватить эти автомашины в исправности. Как бы они нам пригодились. Но боюсь, что из ненависти к интервентам мои бойцы приведут их в полную негодность.

Начальник штаба предложил:

— А что, если открыть огонь, когда вся автоколонна вытянется на шоссе и головная машина упрется в наши танки? Тогда колонна остановится, произойдет замешательство, среди водителей, а мы начнем бить из пулеметов только по кузовам: моторы останутся невредимыми, а кузова можно будет быстро починить.

Командир согласился с этим, отдал распоряжение, и колонна, насчитывающая около 70 машин со всевозможным штабным имуществом и оперативными документами, была захвачена целиком.

— Вот видите, — указал я рукой на трофеи. — А могло и не достаться.

— Муй бьен, Павлито. Муй бьен, камарада. — Командир бригады удовлетворенно кивал головой.

Расставаясь с командиром и комиссаром бригады, я обещал доложить Листеру об их героизме.

К исходу дня 1-я итальянская дивизия, оборонявшая Бриуэгу, не выдержала сильного удара частей 11-й дивизии Листера и в панике бежала. Итальянцы бросали все: пулеметы, винтовки, патроны, гранаты, артиллерию, боеприпасы и другое имущество. Танкисты оставили совершенно исправные машины.

К вечеру 18 марта Бриуэга была полностью очищена от неприятеля.

Дивизия «Божья воля» потеряла почти половину своей артиллерии, пулеметов и почти весь автотранспорт. Было взято в плен около трехсот человек, захвачено тридцать орудий всех систем, шесть танков, сто тридцать автомашин и тракторов, большое количество всевозможного инженерного и интендантского имущества, продовольствия и много других материальных ценностей. Жалкие остатки дивизии «Божья воля» бежали на Онтанарес и Масегозо. Разгром врага и захват богатых трофеев войсками 11-й дивизии подняли моральное состояние личного состава всех частей и соединений, действовавших на Гвадалахарском направлении. Захватив шесть исправных итальянских танков «Ансальдо», бойцы генерала Лукача с успехом использовали их в последующих боях. Не только танки, но и все трофеи: исправные автомашины, тягачи, артиллерия, станковые пулеметы — немедленно приводились в порядок и направлялись против бывших своих хозяев.

Захваченные в плен офицеры, а также перебежчики показывали, что катастрофа, постигшая дивизию «Божья воля», отразилась на всех войсках итальянского корпуса. Спасая свои войска и особенно дивизию «Литторио» от окончательного разгрома, генерал Манчини решил, прикрываясь небольшими арьергардами, отвести весь экспедиционный корпус. Состояние экспедиционного корпуса было настолько тяжелым, что Франко в спешном порядке начал перебрасывать на этот участок резервы с других фронтов.

19 марта командир бригады Пандо сообщил мне, что, по данным разведки, противник отходит.

Сначала мы не поверили, так как бывали случаи, когда разведчики иногда принимали смену войск или обычное перемещение частей за отход. Однако около 12 часов дня с самолета И-15 сбросили на наш наблюдательный пункт вымпел с донесением:

«По Французскому шоссе от 86-го км наблюдением установлено сплошное движение колонн автомашин на

северо-восток, глубина колонны более трех километров».

Мы решили немедленно организовать разведку боем. Итальянцы встретили посланный нами батальон пулеметным огнем. Артиллерия молчала. Этим противник выдал себя, ибо в обычных условиях итальянские артиллеристы имели привычку стрелять даже по одиночным бойцам, а тут наступал усиленный пехотный батальон, а они не произвели ни одного выстрела. Данные разведки подтвердились.

Кроме того, сосед справа, 11-я интернациональная бригада информировала Пандо о том, что один из их батальонов атаковал населенный пункт Каса-дель-Кобо. Вражеский гарнизон покинул населенный пункт и отошел на северо-восток.

Получив это донесение, Пандо решил преследовать отступавшего врага. Командиру батальона приказали увязать боевые действия с командиром танковой роты и командиром артиллерийской батареи на случай внезапного столкновения с противником. Танки пошли вдоль шоссе, а за ними артиллерийская батарея и батальон на автомашинах. Они должны были нагнать противника и навязать ему бой. Командиром батальона назначили энергичного паренька, коммуниста, капитана Франциско, участвовавшего в боях под Мадридом и на реке Хараме. Он быстро организовал преследование. Танки на больших скоростях подошли к Гаханехос, где встретились с противником и были обстреляны артиллерией. Итальянский снаряд попал в боковую часть нашего танка, сбил гусеницу. Машина остановилась. Остальные приняли боевой порядок, стали в укрытия и открыли огонь. Итальянская пехота пыталась поджечь подбитый танк, но к этому времени подошла головная машина с пехотой республиканцев.

Капитан Франциско развернул передовой отряд в боевой порядок для атаки населенного пункта Гаханехос. Артиллерийская батарея прямой наводкой открыла огонь по деревне. В это время штурмовая авиация республиканцев бомбовыми ударами, а потом пулеметным огнем уничтожила итальянские артиллерийские расчеты и вывела из строя артиллерию и технику врага. Пехотинцы Франциско вместе станками при поддержке огня артиллерии сбили прикрывающие подразделения противника и захватили Гаханехос. Не отрываясь от противника, буквально на его плечах передовой отряд достиг 94-го километра Французского шоссе и населенного пункта Леданка, где был встречен организованным пулеметным и артиллерийским огнем. К этому времени главные силы бригады и головной колонны подошли к 95-му километру шоссе.

Командир дивизии Листер, узнав, что бригада встретила организованное сопротивление, приказал готовиться к боевым действиям с утра 20 марта. При этом внимание командира бригады было обращено на организацию боевого обеспечения своих флангов, так как остальным бригадам к этому времени не удалось организовать преследование и они за весь день почти не продвинулись вперед. 11-я интернациональная бригада, была оставлена в резерве в районе 84—86-го километров Французского шоссе. Батальону имени Тельмана было приказано обеспечить левый фланг 11-й дивизии с направлением Мудуэкс.

Всю ночь Пандо и его штаб готовили бригаду к наступлению. Батальоны, которые не участвовали в боях 19 марта, были введены в первый эшелон боевого порядка бригады. В ночных условиях наскоро организовали взаимодействие с танками и артиллерией. Утром Пандо доложил Листеру о готовности бригады. От Листера последовал ответ, что одновременного часа атаки для всей дивизии не будет. Каждая бригада должна действовать самостоятельно по мере готовности войск. В 12 часов 20 марта после небольшого огневого налета танки и пехота перешли в наступление вдоль шоссе на Леданку. Артиллерия противника открыла массированный огонь по наступающим батальонам первого эшелона. Наши войска были встречены сильным и организованным огнем артиллерии и пехотного оружия противника. Снарядами были подбиты два наших танка, которые углубились в оборону противника вдоль шоссе. Экипажи этих танков погибли.

По донесениям командиров батальонов и личным наблюдениям нам стало ясно, что вдоль Французского шоссе на фронте Леданки — 96-й километр и далее на восток — мы имеем дело с хорошо подготовленной в инженерном отношении обороной. Перед передним краем противника были установлены противотанковые мины и проволочные заграждения в два, а местами и три кола. Пленные, захваченные в ночь на 20 марта, подтвердили, что они были переброшены на автомашинах 18 марта на этот рубеж с задачей занять оборону и удержать населенный пункт Леданка. Пленные были из 1-й итало-испанской бригады, которая появилась на этом участке фронта впервые.

Пандо доложил Листеру, что бригада встретила организованное сопротивление и пока не в силах продолжать наступление. Личный состав бригады сильно утомлен беспрерывными десятидневными боями, трудно с боеприпасами. Но Листер, несмотря на все эти трудности, под давлением сверху отдал приказ готовить атаку Леданки.

Пандо этот приказ пришелся явно не по душе. Он считал, что без подготовки и хорошей организации наступления всякая атака при таком состоянии войск будет бесполезной. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять. Чтобы нести меньшие потери в личном составе, Пандо принял решение организовать атаку Леданки не всей бригадой, а выделить отряд и захватить им деревню. Так и было сделано. Пошли два батальона, усиленные пулеметами, артиллерией и танками, им были переданы все боеприпасы.

Весь день 21 марта ушел на подготовку атаки, и на следующее утро после короткой, но мощной артиллерийской подготовки внезапно для мятежников пехота с танками смелыми и решительными действиями уничтожила гарнизон, занимавший Леданку, и полностью очистила от противника деревню. На этом 22 марта боевые действия по разгрому итальянского экспедиционного корпуса на Гвадалахарском направлении закончились.

Надо прямо сказать, что основная тяжесть этих боев легла на четыре бригады Листера. Питомец и первый руководитель легендарного 5-го полка, созданного по инициативе Коммунистической партии Испании, Энрике Листер участвовал почти во всех операциях Центрального, самого ответственного фронта. Он выполнял важные задачи в контрнаступлении у Сесенья, участвовал в обороне Мадрида, окружал мятежников у Эль-Пардо, ликвидировал прорыв мятежников на реке Хараме, громил итальянский экспедиционный корпус под Гвадалахарой, участвовал в крупной наступательной операции на реке Эбро…

23 марта 1937 года Листер получил приказ командира корпуса подполковника Энрике Хударо о выводе 1-й и 2-й испанских, 11-й и 12-й интернациональных бригад в резерв в районы Бриуэги, Торихи, Торре-дель-Бурго, а позднее — в более глубокий тыл.

Это были радостные дни для всех воинов 11-й дивизии. Они торжествовали победу и получили заслуженный отдых.

Впервые за последние месяцы, насыщенные напряженными боями, я сумел вдоволь выспаться. Еще накануне вечером, когда я спросил у Листера о плане на утро, он хитро улыбнулся:

— Завтра будем работать по особому плану. Так что тебе надо как следует выспаться.

Он знал, что у меня есть будильник, и приказал адъютанту забрать его.

— Спи сколько душе угодно.

Я точно выполнил приказ командира дивизии. Утром проснулся и ничего не мог понять. Через окно я увидел, что в

расположении части толпятся десятки стариков, женщин, молодых парней. Повсюду крестьянские повозки, груженные провизией, поблескивают обручами бочонки с вином. На нашем грузовике, который стоял с откинутыми бортами, словно по волшебству, росла гора книг, шахмат, шашек, теплого белья, курительных трубок, папирос.

Прямо под моим окном девушка в национальном костюме уговаривала пожилого солдата примерить сшитую, очевидно, ею рубашку. Солдат, я узнал в нем бравого хозяина трофейной пушки, вначале отказывался, но потом, когда девушка от обиды чуть не расплакалась, махнул рукой и натянул на себя подарок. Девушка захлопала в ладоши.

— Что здесь происходит? — выскочил я во двор.

— Генеральное наступление, — рассмеялся Родригес. — Местное население пришло нас поздравить с победой. Скоро будет большой митинг.

Я вернулся в дом, побрился и снова вышел во двор. Повсюду слышался смех, молодежь танцевала. Пристроившись на ящике из-под патронов, старик со старухой смотрели и никак не могли насмотреться на стоявшего перед ними сына. По морщинистым щекам матери текли слезы.

— Не ранен, сынок? — в который раз спрашивала она сына.

— Да нет, — улыбался тот.

— А кашля у тебя не было?

— Тоже выдумала мне, — сердился старик. — «Кашель», — передразнил он старуху. — Смотри, какой матадор перед тобой.

Но мать не успокоилась, пока не перечислила все болезни, которыми мог заболеть ее сын. Теперь она стала уговаривать его съесть несколько лепешек.

— Да я уже восемь штук съел, — отказывался парень.

— Возьми девятую, — встал на защиту жены старик. — Мать не обижай.

Днем состоялся большой митинг. На помост поднимались поочередно бойцы дивизии и наши гости. Говорили по-разному: кто спокойно, кто запинаясь. А один долговязый парень, постояв на помосте, так и не смог от радости сказать ни слова, махнул рукой и спрыгнул на землю. И все равно ему долго аплодировали.

— Ничего, парень, кончится война, пойдешь в университет, выучишься на адвоката, — подбадривал растерявшегося бойца Энрике Листер.

Я к этому времени уже немного понимал испанский язык, с волнением слушал этих простых испанских людей, вставших на защиту республики. С гневом говорили испанцы об империалистических захватчиках, варварски разрушавших

деревни, села, города, прекрасные дворцы, убивавших ни в чем не повинных детей, женщин, стариков и бесчинствовавших вместе с мятежниками на захваченной территории.

Три дня, с 23 по 25 марта включительно, во всех бригадах продолжались торжества. Все солдаты и офицеры, у кого поблизости были родные, получили отпуска.

Однажды захожу я к Листеру, он сидит за столом и что-то внимательно читает. Увидел меня, улыбнулся: «На, читай». Я взял листок бумаги.

— Не все понимаю. Неразборчиво написано.

— Ну, ничего, сейчас я тебе «расшифрую».

И он сам прочел заявление:

— «Командиру дивизии Энрике Листеру.

От командира пулеметной роты Энкарнасион Фернандес Луна.

Прошу зарегистрировать наш законный брак…» Свадьба будет, — весело хлопнул по плечу Листер.

На следующий день молодоженов чествовали все друзья. Во дворе накрыли огромный стол. Гостями были все, кто заходил. Сидели на стульях, на траве, жарили шашлык, варили кофе. Листер по этому торжественному поводу оделся в гражданский костюм.

Луну Энкарнасион в белом подвенечном платье, с лепестками роз в густых каштановых волосах окружили девушки.

Ее жених, кубинец Санчес, сидел на противоположном конце стола и смущенно улыбался. Друзья подшучивали над молодыми:

— Наверное, после войны всем придется заказывать поррон[2] литров на десять.

— Это зачем же? — прищурилась Луна.

— Так детей-то у вас, по гороскопу, будет пятнадцать душ.

— А тебе такой посудины и одному мало будет, — подтолкнул шутника кто-то из бойцов.

Но вот Листер поднялся и попросил молодых подойти. Подружки невесты и друзья жениха подвели молодоженов к командиру дивизии.

Листер вначале обратился к невесте:

— Луна Энкарнасион, хотите ли вы стать женой Альберто Санчеса.

— Да, — ответила Луна.

— Альберто Санчес, желаете ли вы взять в жены Луну Энкарнасион?

— Да, — ответил жених.

— Ну тогда добро, — совсем по-домашнему кивнул головой Энрике. — Именем Испанской республики объявляю вас мужем и

женой.

Он достал печать дивизии и скрепил ею накануне заготовленный текст уникального брачного свидетельства.

Затем он подошел, крепко обнял и поцеловал молодоженов:

— Эх, если не война, честное слово, пошел бы регистрировать браки.

Раздался взрыв смеха, а потом традиционное, звучащее на всех языках почти одинаково:

— Горько!

До самого утра длилась свадьба. Друзья желали молодым большого счастья, дружной семьи, согласия и любви.

— Счастливой тебе семейной жизни, Луна, — желали бойцы.

А Пандо, хитро подмигнув, шепнул:

— Желаю, чтобы шишек на носу не было. Зеркальце тебе больше идет, чем пулемет.

Победу над интервентами с радостью праздновало все население Мадрида, Картахены, Аликанте, Альбасете, Валенсии и многих других городов республики.

В качестве гостя мне пришлось в эти дни побывать в Валенсии, исключительно красивом городе-саде.

Своеобразный облик городу придавали купола, покрытые цветной мозаикой, и множество испанских и арабских средневековых архитектурных памятников. Город по случаю праздника был украшен флагами, штандартами и гербами, вид которых воскрешал в памяти картины рыцарских торжеств, когда-то вычитанных в книгах. Была проведена демонстрация, в которой принимали участие рабочие и крестьяне, одетые в яркие национальные наряды. Били барабаны, гремели литавры, играла музыка. Народ ликовал. Печатая шаг, шли представители воинских частей со своими боевыми знаменами, и солнце всеми цветами радуги играло на штыках.

Так республиканская Испания отпраздновала свою победу над интервентами.

Разгром итальянского экспедиционного корпуса поистине вылился в подлинный триумф народа. Испанцы умело воевали — испанцы хорошо веселились.

ВСЕ РОЗЫ ВАЛЕНСИИ

Шел 1936 год. На площади в Альбасете выстроились бойцы более десяти национальностей, самых различных политических и религиозных убеждений. Все с интересом ожидали, на каком наречии обратится к ним тогда еще не известный никому командир интернациональной бригады генерал Лукач. Темноволосый подтянутый человек в кавалерийских брюках из светло-бежевой кирзы и в коричневой замшевой куртке без знаков различия, затянутый в портупею, поднялся на трибуну, обвел глазами стройные ряды интербригадцев. Каждому в эту минуту хотелось, чтобы командир бригады оказался его земляком.

— Товарищи, чтобы никого не обидеть, я буду говорить на языке Великой Октябрьской социалистической революции, — сказал комбриг.

После небольшой паузы площадь разразилась громом аплодисментов.

Здесь же, на площади Альбасете, где его так бурно встретили интернационалисты, он в течение 24 часов произвел боевой и строевой расчеты, вооружил людей, сколотив из неорганизованных отрядов мощное ядро антифашистов — костяк 12-й интернациональной бригады, впоследствии прозванной народом бесстрашной.

На следующий день после смотра газета интернационалистов («Вооруженный народ») поместила «Воззвание 12-й интернациональной бригады», написанное под руководством Лукача:

> «Народ Мадрида!
>
> Мы извещаем тебя о твоем новом друге — о 12-й интернациональной бригаде.
>
> …Мы пришли из всех стран Европы, часто против желания наших правительств, но всегда с одобрения рабочих. В качестве их представителей мы приветствуем испанский народ из наших окопов, держа руки на пулеметах…
>
> Вперед за свободу испанского народа! 12-я интернациональная бригада рапортует о своем прибытии. Она сплочена и защитит ваш город так, как если бы это был родной город каждого из нас. Ваша честь — наша честь. Ваша борьба — наша борьба.
>
> Салюд, камарада!
>
> 12 ноября 1936 года».

Так начал свою деятельность в Испании генерал Лукач. Быть знакомым с ним многие считали за честь.

Я впервые встретился с генералом Лукачем в конце 1936 года. Мне уже сказали, что под этим именем командовал 12-й интернациональной бригадой в Испании известный венгерский писатель Мате Залка.

Был воскресный день. Наша переводчица, веселая черноглазая Мария Хулия, предложила мне и моему другу советнику посольства в Мадриде Мите Цюрупе — сыну видного государственного деятеля А. Д. Цюрупы — поехать в штаб интернациональной бригады. «Там, — сказала Мария, — увидите своих земляков». Сразу стало как-то радостно на душе от одного упоминания о земляках. Так захотелось увидеть своих, услышать русскую речь!

— Едем, Мария! Назначайте время и место встречи.

— Ждите в гостинице. Вечером зайду.

День, как нарочно, тянулся очень медленно. Только стало смеркаться, а я уже нетерпеливо прохаживался по коридору в гостинице. Вскоре появился Митя. Марию долго ждать не пришлось. Втроем мы отправились в гости. Через двадцать минут езды нашу машину остановил часовой, неожиданно появившийся у дороги. Мария вышла и что-то объяснила ему. Наконец приехали. Вот и дом, где располагался штаб.

Нас встретил приветливой улыбкой невысокий военный в генеральском мундире, хорошо пригнанном к талии. Он показался нам совсем молодым.

— Прошу, дорогие друзья, — и первый пожал нам руки, обнял и поцеловал, словно родную дочь, нашу Марию. Все это он проделал так непринужденно и просто, что мне показалось, будто я давно с ним знаком. Так умел он расположить к себе людей.

Лукач прожил большую, интересную жизнь.

В 1916 году гусар австро-венгерской армии подпоручик Мате Залка попал в русский плен. Судьба забросила его далеко от своей Венгрии — в Хабаровский лагерь военнопленных.

Здесь Залка узнал, что в Петрограде рабочие взяли власть в свои руки, что Ленин призывает трудящихся кончить войну. Изданы декреты о мире, о земле, о национализации заводов; крестьянам отдана земля. Залка радовался, что русские рабочие взяли власть. Особенно его обрадовало, что войне скоро придет конец. А это значит, и Австро-Венгрия выйдет из войны.

Как-то вечером солдат принес в барак для военнопленных листовку большевиков на венгерском языке. Залка прочитал ее дважды: со всеми пунктами он был согласен.

Революционные события нарастали. И когда разнеслись

слухи, что к лагерю приближается отряд красногвардейцев, пленные объявили лагерь советским. Мате Залку избрали командиром отряда венгерских и австрийских интернационалистов.

Вскоре Мате Залка добровольцем вступил в ряды Красной Армии и, командуя кавалерийским полком, защищал молодую Советскую Республику.

После разгрома белочехов и Колчака в руки рабочих дружинников попал «золотой поезд», который насчитывал тринадцать вагонов. В них находилось около 45 000 пудов чеканной золотой монеты. Интернациональный полк, где Мате Залка был командиром батальона, должен был конвоировать этот состав.

Около двух недель шел золотой эшелон. И в этой операции проявились в полную силу военный опыт, бесстрашие, хладнокровие Мате Залки.

Большой и трудный путь прошел Залка: плен у колчаковцев, бегство из-под расстрела, уход к партизанам, бои против японцев и банд Семенова, колчаковцев, деникинцев, махновцев, против врангелевских полчищ, знаменитый Перекопский прорыв, бои против белополяков и банд Маруси, против «белых», «зеленых», «синих» и других бандитов. На боевом коне и с клинком в руке он прошел всю Сибирь, Поволжье, юг России, Украину и Крым. За подвиги в рядах Первой Конной армии Советское правительство наградило его орденом Красного Знамени.

Остались позади фронтовые дороги. Мате Залка сменил гимнастерку на фрак дипломата. Это не означало, что для него началось тихое, безмятежное время. Его жизнь — сплошная дорога. Мате Залка работал в Народном комиссариате иностранных дел. В качестве дипломатического курьера побывал во многих странах. В то время работа дипкурьера была сопряжена с большими опасностями и требовала большой смелости. К тому же надо было ориентироваться в вопросах международной политики, обладать большим тактом, высоким сознанием своего долга. Мате Залке были присущи все эти качества.

Человек разносторонних знаний, большой эрудиции, Мате Залка в течение трех лет возглавлял Московский театр революции, пробовал свои силы в литературе.

Один за другим появляются рассказы, повести, сборники новелл Мате Залки. Он начинает сотрудничать в русских журналах и газетах. В тридцатые годы Мате Залка сдружился с Н. Островским, Вл. Ставским, А. Караваевой, И. Эренбургом. Особенно теплая дружба была у него с Николаем Островским.

Когда в Испании начался мятеж, Залка работал над

очередным своим романом. Работа шла лихорадочными темпами. Мате торопился в Испанию. И вот теперь мы, советские добровольцы, в гостях у Мате Залки, командира 12-й интернациональной бригады.

Народу у Лукача собралось много. Кого здесь только не было! Чехи, поляки, румыны, болгары, французы, бельгийцы, сербы, словаки, немцы, итальянцы. В бригаде были еще русские, но Мария нас почему-то не знакомила, а мы не стали настаивать.

За ужином мы с большим вниманием слушали генерала Лукача, интересного человека и гостеприимного хозяина. Лукач говорил искренне, тепло о бойцах 12-й интернациональной бригады, о бригаде, созданной из добровольцев, замечательных людей всех возрастов, приехавших со всех уголков земного шара. Эти люди понимали друг друга, потому что их объединяла единая цель: ненависть к фашизму.

Генерал Лукач назвал несколько фамилий людей, приехавших из Советского Союза. Особенно тепло он отзывался о Фрице Пабло — как о человеке, хорошо знающем военное дело.

— Безусловно, он много вложил труда, — говорил генерал, — чтобы обучить этих молодых людей военному делу, сколотить и сделать бригаду боеспособной. Ведь мало храбрости, мужества, смелости: надо еще знать оружие и грамотно применять его на поле боя.

Я долго смотрел на Фрица Пабло, что-то знакомое было в его лице. Наконец не выдержал и спросил у него:

— Вы не из Пролетарской стрелковой дивизии? Я вас, кажется, видел на маневрах.

— Да! Не ошиблись, — улыбнулся молодой человек. — Батов — моя настоящая фамилия, Павел Иванович.

На вечере выступали работники штаба бригады. Каждый говорил на родном языке. Мария старалась успеть все перевести, но это ей не всегда удавалось: слишком уж темпераментны были выступающие. Многие из них обращали внимание на сложность обстановки, на трудную ситуацию, складывающуюся на фронтах, особенно на подступах к Мадриду. Выступления интернационалистов часто прерывались возгласами: «Быстрее на защиту Мадрида! Вперед за свободу испанского народа! Но пасаран!» Словом, у всех присутствующих было боевое настроение. Это был вечер перед уходом бригады на фронт.

На обратном пути в отель Митя Цюрупа восторженно вспоминал:

— Саша, какие славные ребята эти интернационалисты. Высокоидейные, решительные, не жалеющие себя. Они добровольно приехали защищать республиканскую Испанию. А

сколько в них жизнерадостности, любви к свободе! Не так-то просто некоторым из них приходилось добираться до Испании. Многих с полпути сажали в тюрьмы, мучили на допросах.

Позже в своих воспоминаниях Павел Иванович Батов — ныне генерал армии, дважды Герой Советского Союза — так писал об опасностях, которым подвергались интернационалисты по пути в Испанию:

> «Один из бойцов, югославский антифашист, беспартийный рабочий Пер, с которым я познакомился в первый же день по приезде в Альбасете, рассказывал, что его четырежды арестовывала полиция: австрийская, чешская, швейцарская и французская — пока он добирался в Испанию. Два румына, железнодорожные рабочие братья Бурка, подвергались аресту трижды. 20-летние польские юноши Петрен и Янек, рабочие суконной фабрики в Лодзи, чтобы попасть в Испанию, прошли пешком всю Германию и Францию. У них не было денег на дорогу, а заработанные на поденных работах в пути жалкие гроши целиком уходили на скудное пропитание. И все-таки патриоты достигли цели. Английские шахтеры Антони и Джордж, как их называли в бригаде, добирались в Испанию на трех пароходах, израсходовав все свои сбережения. Канадский рудокоп Георг Фет завербовал в Соединенных Штатах Америки кочегаров торгового судна, прибыл во французский порт и оттуда пешком пришел в Испанию. Ни трудности, ни опасности не сломили боевого духа добровольцев. Слушая их рассказы, нельзя было не гордиться солидарностью трудящихся всех стран».

После встречи с Лукачем мы внимательно следили за действиями 12-й интернациональной бригады: ведь там были наши друзья.

Вместе с ними радовались их успехам, тяжело переживали неудачи. Бригада вела ожесточенные бои у Серро-де-лос-Анхелес. Вместе с испанскими частями она, несмотря на значительное превосходство противника в живой силе и технике, не только отбила все атаки, но и обратила врага в бегство, крепко-накрепко закрыв для мятежников ворота на Мадрид.

Командуя людьми, формируя и укрепляя боевую выучку бригады, повышая политическую сознательность ее бойцов, Лукач всегда опирался на опыт Мате Залки — красного командира гражданской войны, прославившегося своими делами в борьбе с контрреволюцией и интервенцией. Для испанских

революционеров Павел Лукач и его бригада служили примером коммунистического подхода к делу. У него учились воевать.

Со всей полнотой раскрылись дарования и незаурядные способности генерала Лукача в гвадалахарском сражении. Его бригада первой из всех воинских частей республиканской армии наладила бесперебойную телефонную связь, что было очень важно для успешного и оперативного руководства подразделениями в бою. Превосходно оборудованная медико-санитарная часть, не только полностью и своевременно обслуживала раненых и больных бригады, но и помогала другим частям, в частности дивизии Энрике Листера. О работе своих врачей и санитаров генерал Лукач с теплотой говорил: «…только люди, истекающие кровью на поле боя, могут понять, что означает для бойцов заботливая и умелая рука санитара». Он подчеркивал большое политическое и психологическое значение военно-медицинской службы.

Большое внимание Лукач уделял подвижности и маневренности подразделений, без чего, как он считал, в современном бою успеха не будет. Это был дальновидный и предусмотрительный человек, с большим кругозором. Ценой огромных усилий генерала его бригада почти полностью была посажена на автомобили, что сильно увеличило ее боеспособность.

Как-то меня вызвали в штаб командира 11-й дивизии Листера. Я приехал туда прямо с передовой. Энрике Листер и комиссар дивизии Сантьяго Альварес только что закончили совещание с командирами и комиссарами двух испанских бригад и офицерами штаба дивизии. Хотя Листер и Сантьяго уже знали обстановку на фронте, они попросили рассказать им об интернациональных бригадах: накануне я побывал в действующих частях и видел интернационалистов в деле.

В штабе Листера я узнал и последние новости. На правом фланге, где вела ожесточенные бои 12-я интернациональная бригада генерала Лукача со 2-й итальянской дивизией, на стыке 11-й и 12-й бригад, итальянские подразделения с танками вклинились в нашу оборону. Образовался километровый прорыв. Противник мог выйти на фланги 11-й и 12-й бригад, перехватить единственную асфальтированную дорогу, соединявшую Бриуэгу и Ториху, просочиться в наши тылы, окружить и по частям уничтожить.

Помню, как на мотоцикле весь в грязи прибыл с донесением на наш наблюдательный пункт связной от командира 1-й интернациональной бригады генерала Лукача. Он вручил мне конверт, в котором была небольшая записочка, написанная

наспех:

> «Уважаемый капитан Павлито! Части 12-й интернациональной бригады, несмотря на превосходство противника в технике и живой силе, мужественно отбивают все атаки. Более того, мой друг, батальон им. Гарибальди внезапной контратакой захватил 25 итальянцев и канцелярию одного из батальонов со всеми документами. Однако я опасаюсь за свой левый фланг, так как противник находится не далее километра от шоссе Ториха — Бриуэга. Сообщаю тебе об этом, надеюсь, примешь посильные меры. Вечером, если будет тихо, приезжай ужинать. Генерал Лукач».

Прочитав записку, я задумался. Что можно сделать, чтобы закрыть разрыв между бригадами? Мы посоветовались с командиром бригады Пандо и решили выдвинуть на шоссе Ториха — Бриуэга одну стрелковую и одну пулеметную роты, а также взвод танков из резервного батальона и закрыть таким образом образовавшуюся брешь. Решено было также немедленно ввести в действие сводный батальон 50-й бригады, который оперативно подчинялся Пандо, усилить его ротой танков и, согласовав его действия со вторым эшелоном бригады, нанести контрудар во фланг наступающих на юг частей итальянской дивизии «Литторио». Это решение было одобрено Листером.

Тут же, присев на камень и вынув блокнот, я написал ответ:

> «Уважаемый, товарищ генерал Лукач! Просьба будет выполнена. Листер в образовавшуюся брешь выдвигает одну стрелковую и одну пулеметную роту со взводом танков. Надеюсь, распространение противника на наши тылы будет приостановлено… Будет тихо, обязательно приеду. Искренне ваш Павлито».

Но приехать тогда не удалось…

В начале 1937 года я вновь увидел генерала Лукача. Это было на совещании в штабе Листера. Листер давал указания командирам бригад о передислокации войск и штаба дивизии в более глубокий тыл, в район Гвадалахары. Здесь можно было вести нормальную боевую подготовку и получить пополнение к предстоящим боям.

В перерыве генерал Лукач, увидев меня, спросил:

— Ну как, Павлито, работает новый переводчик Марио?

— О! Отличный переводчик, я очень доволен его работой. Спасибо, хорошего парня прислали. Он мне во многом помог. Два

раза был в разведке и приводил пленных. Однажды в районе Трихуэке с двумя бойцами привел двенадцать итальянцев, среди которых оказалось два офицера.

— Вот видите, дорогой мой Павлито, какого я дал бойца из батальона Гарибальди. Салюд! Завтра приезжай ко мне. Много трофейных пулеметов после боя скопилось, да и «максимы» частично вышли из строя. Хорошо? Ну, еще раз до свидания.

Когда через несколько дней мы с Марио приехали в штаб Лукача, здесь уже собрались все специалисты-оружейники. Под навесом на стеллажах лежало более трех десятков пулеметов разных марок. Взялись за ремонт. За неделю удалось привести в порядок все неисправные пулеметы. Закончив работу, собрался назад, домой, к Листеру.

Лукач вызвал меня к себе перед отъездом и подарил маленький пистолет «вальтер», который был при мне и во время финской кампании, и в походе в Западную Белоруссию, и в Отечественную войну. Подарок напоминал мне о человеке, который геройски жил и геройски сложил свою голову под Уэской.

О гибели генерала Лукача я узнал от Листера в конце июня 1937 года, в самый разгар подготовки к Брунетской операции. Я был ошеломлен, не мог поверить, что его не стало. Казалось, подъедет сейчас машина и войдет Лукач, веселый, неунывающий, и своим обычным тихим и воркующим голосом скажет: «Ну как, дорогой Павлито, обстоят дела?»

Смерть генерала Лукача вызвала скорбь всей народной Испании. Газета испанского трудового народа писала:

> «Лукач — любимый руководитель Народной армии Испании, боец-коммунист — приехал в Испанию, чтобы победить смерть. Он пал. Но все его бойцы, вся армия, весь испанский народ преподнесут ему победу. Когда победим, самое большое знамя мы поставим на его могиле».

Гвадалахарская операция была последней, в которой участвовал Мате Залка.

Накануне, перед гибелью, бригада под его командованием перебрасывалась с Центрального на Арагонский фронт, под Уэску. Мате Залка выехал на рекогносцировку, где был смертельно ранен.

Погиб боевой друг, талантливый командир и бесстрашный революционер. В уважении и любви к людям он не знал границ. Никакой путь не был для него долог, если он мог что-нибудь сделать, чтобы уберечь, накормить, развлечь, подбодрить своих

людей.

Похоронили Лукача в Валенсии. Сотни тысяч испанцев провожали в последний путь своего любимого героя.

«Так, в один летний день 1937 года были срезаны все розы в садах Валенсии, чтобы усыпать ими гроб генерала. Сверкали на солнце острия-штыков, и ветки апельсиновых деревьев служили лавровым венком», — вспоминает один из бойцов его бригады об этом дне.

На его могиле рабочие воздвигли памятник из белого камня и высекли на нем четверостишие поэта Михаила Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

После Испании мне довелось отдыхать в Сочи. Там я встретил своих друзей по Испании: Цюрупу, Гурьева, Погодина, Татаринова и девушек-переводчиц, которые учились вместе с нами в академии имени Фрунзе.

Разместились мы в третьем корпусе, у отдыхающих он именовался «штурмовым». Процедуры почти никто из нас не принимал, поэтому времени свободного было вполне достаточно, и мы, как правило, проводили его вместе. На пляж, в кино, в театр, на танцплощадку — всюду шли гурьбой. Пели вечерами испанские песни, исполняли танцы, кто как их запомнил. Даже изображали матадора, превращая танцевальную площадку в арену для боя быков. Вскоре в нашей компании появился молодой жизнерадостный парень.

— Кто это? — спросил я Митю.

— Летчик, капитан Бела, племянник генерала Лукача, — ответил Митя и подвел меня к нему.

— Знакомьтесь.

Теперь мы часами сидели у моря и говорили, говорили о Мате Залке.

В день отъезда из санатория мы обменялись адресами. Бела дал мне номер телефона, по которому я мог его найти в Москве.

— Это телефон Веры Ивановны, жены дяди. Она будет рада видеть вас.

В конце октября Бела позвонил и пригласил меня, Ваню Татаринова, Колю Гурьева и Митю Цюрупу на чашку чая. Он познакомил меня с женой и дочерью Мате Залки.

Семья писателя Мате Залки оказалась очень гостеприимной. Мне казалось, что я с этими людьми уже много-много лет знаком.

Вера Ивановна — невысокого роста шатенка, веселая и говорливая. Она выглядела гораздо моложе своих лет. Тала, их дочь, тоже большая говорунья. Весь вечер она пела песни, читала стихи, танцевала, рассказывала о школьных делах. Задавала уйму вопросов, расспрашивала, как мы воевали в Испании.

Вера Ивановна показала кабинет, где работал писатель. Небольшая комната, письменный стол, два или три стула. В стены вделаны книжные полки. Много исторической и военной литературы.

— Мате, — заметила Вера Ивановна, — хотя и был по профессии писателем, уделял много внимания изучению военного дела, любил читать произведения полководцев гражданской войны. С большой жадностью читал военные мемуары, как будто чувствовал, что военная наука ему будет больше нужна в жизни, чем профессия литератора.

Хозяйка дома встала на стул и с самой верхней полки сняла семейный альбом с фотографиями.

— Вот последний снимок. Здесь мы отдыхали летом 1936 года, перед отъездом Мате в Испанию. Село Белики на реке Ворскле в Полтавской области. Мате не любил ездить на курорты. С большим удовольствием он отдыхал в кругу семьи, и в то же время много работал, писал.

Вера Ивановна достала с полки книгу.

— Летом 1936 года Мате заканчивал свой последний роман «Добердо». В июне, когда он узнал о мятеже в Испании, кончилась для нас спокойная жизнь. Он стал плохо спать, долго лежал по ночам с открытыми глазами, о чем-то думал. Сильно нервничал, когда почтальон не вовремя приносил газеты. Когда попадали в руки газеты, Мате смотрел, что нового сообщают о событиях в Испании. Я знала, если в Испании) едут добровольцы со всего мира, а Мате был одним из первых организаторов интернациональных частей еще в гражданскую войну, то его место там, в Испании. Я была уверена, что оставаться в Москве с нами он не сможет.

Мы, четверо солдат-добровольцев, воевавших вместе с генералом Лукачем, молча рассматривали семейные фотографии.

И снова, как живого, увидели Лукача.

Что заставило его ехать в Испанию? Он мог драться против фашизма оружием, которым хорошо владеет. То, что написано им и лежит на книжной полке, — это уже очень много. Ведь были же писатели, с которыми мне приходилось встречаться в дивизии Листера, в интернациональной бригаде у генерала Лукача: Михаил Кольцов, который, много написал о войне в Испании в своих тетрадях, Эрнест Хемингуэй, Илья Эренбург, Густав Реглер

и другие. Но Лукач хотел сам с оружием в руках бороться против фашизма.

Вера Ивановна показала письма мужа, присланные из Испании. Вот одно из них, адресованное Талочке:

> «Родная моя Талочка, все твои указания принимаю к исполнению. Буду решительным, «хитрым» и осторожным. Буду стараться так сделать, чтобы врага победить и самому возвратиться к вам, в чудесную родную семью. Здесь сейчас шпарит солнце, приблизительно как в Беликах в сентябре.
>
> Недалеко, среди тех гор, которые идут цепью на восток, идет бой. Ухает артиллерия, клокочут пулеметы, с глубокими вздохами разрываются снаряды неприятеля, которые они пачками посылают на позиции наших бойцов.
>
> Радостное весеннее солнце кажется большим противоречием рядом с тем, что делается вокруг. Но эти разрывы, эти пулеметные очереди, этот треск оружия — историческая необходимость, чтобы вновь родилась страна Сервантеса. Последние иллюзии великих донкихотов рассеиваются в этих разрывах. Проблемы демократии и свободы можно разрешить только с оружием в руках, как бы это на первый взгляд ни звучало противоречиво. Вот почему твой отец здесь. Надо друзьям помочь опытом и решительностью, как это дорого ни стоило лично мне и всем нам».

А вот письмо жене, датированное 5 июня 1937 года:

> «Получил сразу два письма. Счастлив. Видно, что почта окончательно налаживается, и это настоящее счастье. Потому что письма твои — это подлинно духовное событие в моей жизни…
>
> Теперь насчет моего здоровья. Ничего. Устал я, конечно. Но в последнее время нагрузка стала немного слабеть, и я моментально воспрянул. Мне же надо прийти в себя. Глаза тоже успокоились. Ношу черные очки от солнца. Мигрени в последнее время стали редки. О том, когда вернусь, сказать не могу. Задача еще не выполнена, но буду держать знамя до конца. То, что мы возложенные задачи выполним с честью, сомневаться не приходится. Мне, Верочка, очень приятно читать твои строки, в которых ты меня подбадриваешь. От этого у меня на сердце становится тепло. Я горжусь моей женой

и дочкой… Настоящие, настоящие! Такими должны быть жена и дочь коммуниста. Верунечка, очень трудно читать те строки, где ты пишешь о своей тоске. Я этим не хочу сказать, чтобы ты не писала об этом в будущем. Пиши обязательно обо всем, что ты переживаешь, иначе письма не имеют смысла. Но трудно читать эти строки, ибо я тоже тоскую очень. Но надо найти в себе силы побороть это. Главное, чтобы быть достойным сыном страны, перед которой преклоняются даже заклятые враги. Ты знаешь, когда я очень измотаюсь, когда после трудного дня, после того как замолкают наши громкие голоса, чувствую, что нет больше сил, стоит только подумать о том, что я ведь из той страны, как становится мне стыдно и силы приходят. Это очень дисциплинирует и подбодряет. Подумай, что сказала бы ты или Тала, или те, кто верит в меня, если бы я оказался слабым?

Поэтому, прошу тебя — верь, что мы встретимся безусловно, что я приеду.

Твой Мате».

Но они больше не встретились.

Он не вернулся домой. А как хотелось еще раз увидеть этого человека, влюбленного в жизнь. Человека, который отдал себя борьбе за счастье других людей. Увидеть таким, каким вывел его Хемингуэй в сценарии «Испанская земля».

Когда я шел домой, мне почему-то вспомнились слова Эрнеста Хемингуэя:

> «В молодости смерти придавалось огромное значение. Теперь не придаешь ей никакого значения. Только ненавидишь за людей, которых она уносит».

И я подумал, что вдвойне обидно, когда смерть уносит человека, всего себя отдавшего борьбе за счастье других людей. Те, кому довелось жить рядом с ним или бороться, надолго сохранят образ сына венгерского народа, героя Испании.

ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ С РУБЕНОМ ИБАРРУРИ

Шел 1937 год. Отгремели бои под Гвадалахарой и Брунете, где наша 11-я пехотная дивизия нанесла сокрушительное поражение франкистам. Командир дивизии генерал Листер получил приказ вывести дивизию в тыл для организации учебы, для пополнения людьми и вооружением.

Ждал нового приказа и я, военный советник 11-й дивизии.

В первых числах августа меня вызвали в предместье Мадрида к товарищу Малино[3].

Малино расспрашивал о подготовке 11-й пехотной дивизии, справился о здоровье Листера и о моем здоровье. А потом, улыбнувшись, спросил:

— Ну как, товарищ Павлито, не надоело тебе воевать?

— Если дело требует… — начал я.

— Ты хорошо поработал в Испании, — прервал меня Малино. — Советское правительство, учитывая заслуги перед Родиной, наградило тебя за боевые действия против сил фашизма двумя орденами Красного Знамени. Принято решение направить тебя домой. Готовься, Павлито, к отъезду.

Странно я себя чувствовал. Радость от возвращения на Родину, домой, от предстоящей встречи с семьей, друзьями. В благодарность за добрую весть я даже обнял Малино. И в то же время было как-то неудобно оставлять испанских друзей в трудную минуту. Малино понял меня:

— Ты свой долг перед Родиной выполнил честно и добросовестно.

В раздумье я вышел на улицу. В тени возле четырехэтажного дома стояла моя машина. Подошел, взялся за дверцу рукой, прикорнувший у руля Пако встрепенулся:

— Куда везти?

— Едем, Пако, в гостиницу Палас, возьмем последнюю почту, а потом — на улицу Листа в Дом партии. Надо разыскать Листера.

Дорогой, ничего не замечая вокруг, я думал о своем отъезде. А все ли я сделал для республиканской Испании? Может быть, рано покидаю эту страну? Может быть, еще нужен здесь? Конечно, сейчас армия стала не той, что была в 1936 году, когда я прибыл в Альбасете. Сейчас она организационно оформилась, вооружена современным оружием, ее командный состав имеет боевой опыт. Эта армия научилась грамотно воевать против

кадровых соединений интервентов. Офицеры и генералы республиканской армии умело и со знанием дела управляют войсками.

В Доме партии Листера не было. Он уехал в штаб 5-го корпуса. Когда я добрался туда, он разговаривал с комиссаром Карлосом. Увидев меня, Листер грустно улыбнулся:

— Ну что, Павлито, скоро едешь на Родину? Только что разговаривал с Малино, он сказал, что ты должен покинуть нас и выехать в Москву. Просили, уговаривали, чтобы оставили тебя, но он не согласился. Ну что ж, расставаться так расставаться. Обязательно попрощайся с офицерами, с которыми ты плечом к плечу сражался на испанской земле.

Переночевав в Мадриде, мы с Листером приехали в дивизию. Здесь я встретил многих офицеров, с которыми вместе воевал в ноябре 1936 года на окраине Мадрида, участвовал в Теруэльской и Харамской операциях, шел против экспедиционного итальянского корпуса в Гвадалахарской битве и против войск мятежников мадридского корпуса в Брунетской операции. Среди веселых, улыбающихся лиц я не мог разыскать многих знакомых. Их могилы остались на полях боев. Не видел я среди офицеров двух командиров бригад, с которыми пришлось ночевать в одном блиндаже, есть из одного котелка. Не было среди нас Пандо, Лукача, Миши.

Тяжело прощаться с однополчанами.

Вот они стоят, молодые, возмужалые, серьезные.

Ничто так не сплачивает людей, какой бы национальности они ни были, как трудные боевые походы. Здесь они познают друг друга, проявляют свой характер, волю.

Попрощавшись с офицерами, мы снова остались вдвоем с Листером. Энрике долго стоял молча у окна, потом стремительно повернулся:

— Поедем на охоту. Проведем утреннюю и вечернюю зорьки на реке.

Время свободное у меня было, и через два часа мы уже сидели на живописном берегу Тахо.

После тяжелых кровопролитных боев, после развалин, руин, пепла было необычно сидеть среди тишины полей, слушать убаюкивающий перекат волн. Лес был свежим и зеленым. Сено, сложенное в копны, казалось, скошено лишь утром.

На вечерней зорьке из камыша выплыл небольшой утиный выводок. Хлопунцы выстроились в шеренгу, время от времени стуча по воде неокрепшими крыльями.

Мы бродили по берегу до темноты. Потом вернулись к машинам. Наши шоферы расставили палатку, приготовили ужин.

Добыча наша невелика: на четверых охотников два селезня, три бекаса и один чирок. Поужинав, решили лечь спать. Ведь через несколько часов начинался утиный лет. Все прилегли, а мне не спалось. Хотелось говорить, петь. Мне казалось, что я хожу по берегам Москвы-реки в Серебряном бору. Так и проходил всю ночь, всю утреннюю зорьку. Вернулся часам к восьми к палатке, встретил меня озабоченный Листер.

— Где ты пропадал?

— Гулял.

— А охота? Ты даже ружье забыл с собой взять.

— Не обижайся, Энрике, но мне жалко было нарушать тишину.

— Ну ладно, — кивнул Листер. — Давай ловить рыбу.

— В реке?

— Нет, здесь неподалеку есть небольшое озерцо.

Лесное озерцо пряталось в плотных стенах камыша. Закатав до колен брюки, Листер взял в руки припасенную косу. Минут за пятнадцать он выкосил довольно широкую пролысину возле берега. Мы с капитаном Триго взялись за бредень, а ему предложили отдохнуть. Листер запротестовал:

— Хитрецы. Я скосил, а они рыбку таскать будут. Нет уж, дудки, подождите меня.

Немного передохнув, Энрике взялся за бредень. Улов оказался богатым, и уха вышла на славу. До сумерек просидели у костра, а вечером вернулись в Мадрид.

На следующее утро все было готово к отъезду. До поезда оставалось несколько часов. Горячее испанское солнце нещадно палило землю, его жгучие лучи проникали повсюду. Они раскаленными иглами пронизывали кроны деревьев, потоками врывались в окна, двери, казалось, проникали даже через крыши и стены домов. Ни один листок не шевелился в безмолвном знойном мареве, и, смирившись, видимо, со своей судьбой, природа безропотно жарилась на солнце. Стены домов отражали столько света, что было больно глазам, и я подумал, что даже слепые и те, наверное, видят их яркие очертания.

Я сидел в гостинице. Через несколько часов надо было идти на вокзал. Грустно было прощаться с друзьями, с Испанией, ставшей для меня родной и близкой, где провоевал почти год бок о бок с испанскими товарищами против фашистов.

На карниз окна сел голубь. Бедняга хотел пить. Я принялся искать какую-нибудь посудинку, чтобы напоить птицу, но, ничего не отыскав, просто плеснул воды на подоконник. Голубь жадными глотками начал пить, пританцовывая и поглядывая в мою сторону.

«Как мало нужно птице, — мелькнуло в голове. — А сколько надо человеку? Сколько труда, сил, крови, жизней надо отдать людям, чтобы человечество было счастливо, чтобы не было войн, разлучающих нас с Родиной, друзьями, женами. Ведь Мате Залка так любил свою семью, людей, Отчизну, так хотел счастья, а его убили. Да разве один только Залка сложил свою голову? Многие, очень многие не вернулись на Родину».

Последние часы в Испании.

Перед отъездом еще раз зашел к Листеру. Пока сидел у него, в комнату вбежал высокий паренек в военной форме. Черный как цыган, с ослепительной улыбкой и веселыми глазами. Всматриваясь в черты его лица, я заметил что-то знакомое, ранее виденное, но где? Парня я никогда не встречал, это я знал точно. Но у кого-то уже были такие же глаза, улыбка…

Паренек едва успел закрыть за собой дверь, как сразу бросился в объятия Листера. Они долго обнимались, хлопали друг друга по спинам, пожимали друг другу руки, и со стороны казалось, что встретились отец с сыном. Но у Листера не было детей.

— Павлито, — сияющее лицо Листера обернулось в мою сторону. — Это сын нашей Пасионарии, — кивнул Листер на пришельца, — капрал Рубен Руис Ибаррури.

Так вот почему этот юноша показался мне знакомым! Он был очень похож на свою мать. Мы крепко пожали друг другу руки. Веселый и общительный, он без умолку говорил. Его юношеский задор захватил и меня, и Листера. Хотелось так же смеяться, так же размахивать руками и так же убежденно рассказывать, как это делал Рубен.

Ординарец принес вино, бутерброды, лимон, апельсины, и Листер пригласил нас выпить по рюмке. За мой отъезд, как он выразился, и за нашу встречу.

Я сказал Рубену, что восхищен его боевыми делами: в семнадцать лет быть капралом и иметь богатый опыт борьбы и командования — не каждому дается. Он смутился только на минуту и с той же непринужденностью, которая проскальзывала в любом его действии, ответил:

— Вы сказали о моей молодости. Очевидно, вы считаете, что мне еще рано воевать? Как мог я не быть среди борцов за свободу? Моя кровь, моя жизнь принадлежат моему народу, моей Испании.

Его голос дрожал, лицо стало строгим и суровым. В наступившей тишине раздался спокойный голос Листера:

— Не удивляйся, Павлито, уже в тринадцать лет, когда Рубен с матерью приехал в Мадрид, он продавал подпольную

партийную газету на улицах города и в рабочих кварталах, обманывая полицию, охотившуюся за газетой.

Он мельком взглянул на Рубена.

— С детских лет, — продолжал Листер, — он участвовал в демонстрациях. Вместе со старшими товарищами на могиле рабочих, павших от рук полиции, он клялся мстить душителям свободы. И вот ты видишь перед собой сержанта Ибаррури, сознательного борца за республику.

Он снова взглянул на Рубена.

— Выше голову, мой мальчик! — И хлопнул его по плечу. — Не стесняйся, старина. Побольше бы таких орлов, как ты, как наш Павлито, и «коричневая чума» задохнется в бессильной злобе. Вы знаете, ребята, что делает скорпион, когда чувствует опасность? Он убивает себя своим же ядом. Так будет и с «коричневой чумой», если все народы и их правительства встанут на ее пути. Но для этого нужны хорошие, боевые парни, много таких парней, как вы, друзья.

Он на минуту замолк и подошел к моему стулу.

— Вот почему, Павлито, мне искренне жаль расставаться с тобой. — В его словах была теплота и грусть, которые до глубины души тронули меня. — За несколько месяцев, что ты был у нас, мы здорово полюбили русских, камарада…

— Как? — удивился Рубен. — Вы уезжаете?.. В такое время… — Его сердитый взгляд останавливался то на мне, то на Листере. — Да ведь это…

— Нет, это не то, о чем ты подумал, мой мальчик, — перебил его Листер. — Это приказ командования.

— Приказ… — медленно произнес Рубен. — Простите, Павлито! Ваш Суворов, — Рубен тронул меня за руку, — правильно сказал: «Не научившись повиноваться — не научишься повелевать». Это я запомнил еще с того времени, когда был у вас, в Союзе. На всю жизнь!.. Я вам желаю всего хорошего.

— Благодарю вас.

Листер и Рубен провожали меня до вестибюля.

— Вам надо учиться, Рубен, — сказал я ему на прощанье, — обязательно учиться. Получив военные знания, вы станете сильнее во сто крат. — Мы крепко пожали друг другу руки. — Надеюсь встретить вас прославленным командиром, Рубен.

Здесь мне придется забежать вперед на несколько лет, чтобы рассказать о других встречах с Рубеном.

В 1940 году по долгу службы мне пришлось побывать в училище имени Верховного Совета РСФСР, которое я окончил в 1932 году. Захожу в Комнату славы. На стенде первых выпускников училища увидел себя. Мы были сфотографированы в

1930 году вместе с командиром и начальником училища на фоне кремлевской стены. Потом зашел в один из классов, где курсанты изучали станковый пулемет «максим».

Я слушал ответы курсантов. Мне и самому не терпелось подключиться к занятиям: хотелось взять в руки пулемет, который долгое время был для меня верным другом в Испании. На столе лежал разобранный замок пулемета. И тут я не выдержал. Собрал его, спустил курок.

— А кто может собрать «максим» с закрытыми глазами? — спросил я курсантов.

Наступила тишина. Чувствовалось, что ребята растерялись. Возможно, их смущало наше присутствие. Никому не хотелось ударить лицом в грязь.

— Кто же? — повторил вопрос преподаватель.

— Разрешите мне.

Из-за самого дальнего стола поднялся и замер по стойке «смирно» высокий стройный курсант. Взоры устремились на смельчака. Смуглый и черноволосый, он пристально смотрел на меня.

— Рубен?

Я не верил своим глазам. Курсант сделал чуть заметное движение в мою сторону.

— Рубен! — закричал я и, не обращая внимания на недоуменные взоры окружающих, бросился к нему.

Мы обнялись. Нас обступили курсанты.

Это была наша вторая встреча.

Поистине земля тесна. Оба мы были удивлены и в то же время обрадованы неожиданной встречей. Вспомнили оборону Мадрида, Гвадалахару. Я поинтересовался, как он попал в училище.

— Это длинная история, товарищ Павлито, — задумчиво улыбнулся Рубен.

Его взгляд был устремлен вдаль, туда, где лежала истоптанная фашистскими сапогами земля его предков, — земля, на которой сейчас наводили «новый порядок» кровавые инквизиторы XX века.

Нелегко было на сердце у юноши, когда под натиском вооруженных до зубов интервентов он покидал истекавшую кровью испанскую землю. Перейдя границу Франции, Рубен был интернирован и попал в один из концентрационных лагерей. Много бедствий и лишений перенес он, пока ему удалось совершить побег и пробраться в Советский Союз, который стал для него второй родиной.

Еще мальчиком, в 1935 году, когда полиция бросила Долорес

Ибаррури в тюрьму и дети остались одни, Рубен с сестрой Амаей и другими испанскими детьми приехал в нашу страну. Веселый и общительный, Рубен быстро сроднился с новыми для него людьми. Особенно много друзей у него появилось среди рабочих Московского автозавода, куда он поступил учеником.

Дух товарищества, взаимопомощи, любви к своей профессии, тяга к знаниям, царившая в цехах завода, — все нашло отклик в душе Рубена. Он во всем старается быть похожим на новых своих товарищей — творцов и строителей счастливого будущего. Он много читает, участвует в общественной жизни.

Фашистский мятеж прервал учебу и работу Рубена. Скрывая свое имя и возраст, он возвратился в Испанию и вступил в ряды республиканской армии. Командование направило его рядовым в горную роту. Отважного воина Рубена Руиса Ибаррури за мужество, находчивость и умение, проявленные в боях с мятежниками, производят в капралы, а затем в сержанты — чин по тому времени большой. Три года войны — и вот Ибаррури снова здесь, в Советском Союзе. Все это я узнал позднее, а пока мы стоим рядом в классе училища.

— Какую специальность избрал?

— Пулеметчик! — гордо прозвучал его ответ.

— Молодец!

Конечно, я тогда не думал, что в скором времени нам с Рубеном придется вести еще более жестокую и тяжелую борьбу с фашизмом.

И вот наступил грозный 1941 год…

Опьяненный успехом на Западе, враг рвется к Москве, Ленинграду, Киеву. На фронт ушли многие мои друзья. Ушел и Рубен Руис Ибаррури.

В начале июля в Белоруссии, вблизи города Борисова, на реке Березине, где Наполеон закончил свой бесславный поход на Россию, лейтенанту Рубену Руису Ибаррури с небольшой группой храбрецов поручили прикрывать вынужденный отход подразделений полка.

Томительные минуты ожидания. Гитлеровцы прекратили огонь, они рассчитывали на легкий успех. Молчали и пулеметчики прикрытия.

Но вот из-за поворота дороги, скрытого пригорком, показались вражеские бронированные машины.

То, что Рубену случалось прежде слышать о танковых атаках от опытных, бывалых офицеров, не было похоже на этот бой. Взгорок танки перемахнули быстро, прошли на большой скорости поле. Заградительный огонь артиллерии не нанес им вреда. Но когда две машины неожиданно напоролись на мину, движение

всей группы приостановилось. Командир танковой группы явно хитрил, и неспроста он маневрировал у нашего переднего края. Он старался прикрыть свою пехоту, которая бежала за машинами, но и броня ненадежно прикрывала солдат, и они понимали: промедление смерти подобно. Так оно и случилось. Замешкались — и еще две машины подбиты бронебойщиками роты.

В траншее дважды раздавался победный крик, кто-то замысловато и весело ругался, кто-то громко смеялся.

В первом расчете был убит пулеметчик, и Рубену пришлось его заменить. Новенький «максим» работал послушно и четко. И когда у подбитого танка, в сотне метров от выступа траншеи, засуетилась группа вражеских солдат, Рубен накрыл их длинной очередью и впервые услышал в этом бою солдатскую похвалу. Но он понимал, что кульминация боя впереди. Танковую атаку на «пятачке» у моста немцы готовили открыто и довольно тщательно, почти не маскируясь, то подтягивая пехоту, то перестраивая боевой порядок машин. Бой предстоял показательный, спланированный по минутам. За ним следили генералы, прилетевшие на специальном самолете из ставки Гитлера. Полсотни танков и два батальона мотопехоты, прикрываемые бомбардировочной авиацией и артиллерией, должны были завершить операцию за час. Офицеры и унтер-офицеры, командиры машин перед боем получили новенькие хронометры. Трудно понять, что это было: тонко продуманный психологический ход или действие от избытка самоуверенности.

Хронометры отсчитывали время, как и положено. Однако в этой громоздкой задымленной машине отказала одна деталь — люди. Стрелка бежала по кругу, обгоняя график, а пехота и танки стояли.

Рубен четко представлял себе эту атаку. Накануне разведчики принесли новенькие хронометры, найденные у танкистов, подбитые машины которых остались на нейтральной полосе. Теперь хронометры лежали перед Рубеном на разломанном ящике из-под галет рядом с телефоном, но отсчитывали другое время — его время. Рубен ждал атаки, как схватки с тайфуном. На деле все оказалось проще. События развивались так быстро, что он не уловил переломного момента в ходе боя, а немцы почему-то стали отходить. Сначала растерялась пехота противника: отрезанные огнем пулеметов от машин, солдаты пытались залечь, окопаться, отыскать укрытия. Склон берега был гол и накатан: ни выемки, ни кустика, ни бугорка. Солнце уже поднялось над фермами моста, и отлогий склон, покрытый выцветшей порыжелой травой, был ярко освещен. А станковые пулеметы,

установленные в траншее, работали безотказно.

На выручку отходящей пехоте немцы бросили самолеты.

На западе, над синеватой каймой леса появилась растерзанная туча. Она росла, внизу водянисто-серая, а вверху почти черная. Перекаты грома, казалось, возникали в ней. Но туча была далеко, а гром все накатывался и тяжелел, встряхивая и уплотняя воздух, а потом над землей, в пасмурном небе разошлись какие-то стрелы и хлынул гремучий сухой поток…

Такого количества самолетов, одновременно поднятых в небо, Рубен не видел никогда. Они шли огромным клином, острием нацеленным на мост, неуловимо прикрепленные друг к другу. Незримые опоры едва удерживали эту тяжесть, и солнце сверкало на их плоскостях.

Взрывная волна ударила наискось по траншее, схлестнулась с другой, встречной, закружилась лохматым смерчем, и минуту, а может быть, больше, Рубен не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он не испугался за себя, наверное, не успел, он боялся за мост: именно здесь, на его рубеже немцы могли смять оборону и пробраться к мосту.

Наконец-то он смог оттолкнуться от стенки. Ноги завязли в рыхлой осыпи, он споткнулся и упал. Рука нащупала что-то округлое, мягкое. Плечо?.. Да, плечо и вот лицо. Он отдернул руку. Щека была холодна и тверда, а шелковистые волосы струились сквозь пальцы.

Он протолкнулся в щель и подтянулся к пулемету. Землю снова рвануло. Солдат у пулемета лег набок, уступая рядом с собой место Рубену.

— Карусель… Чертова карусель!.. Слышал я про такое. Точно так же они бомбили Мадрид, — едва успел сказать Рубен.

Приподнявшись на груду отброшенной глины, Рубен огляделся вокруг. Траншея исчезла. От дальнего поселка и до реки беспорядочно громоздились отвалы земли и чернели ямы. Берег был сплошь изрыт воронками. За увалом выросли островки. На воде беспорядочно метались щепки, взлохмаченные ветки, стебли камыша, У каменной опоры моста крупные хлопья пены были похожи на огромные льдины.

Мир изменился. Стал он печальней и строже. Тишина простерлась над землей. И неожиданно Рубен услышал голоса и смех из обваленной траншеи.

Кто-то громко стонал, а веселый голос приговаривал:

— Э, старик, да ведь тебя бомба пожалела, спасла, словно мать младенца! Перепеленала землей и… выручила. Ты, голубчик, господину Круппу благодарствие напиши…

Было чему удивляться: убитых в роте оказалось лишь трое, а

раненых — семеро. Все пулеметы уцелели, боеприпасов было пока достаточно, связисты быстро нашли и стачали обрыв провода.

— Как там у тебя? — спросил комбат.

— Согласно приказу…

Комбат почему-то усмехнулся.

Рубен лежал у пулемета и смотрел на дальний лес, на синюю тучу в росплесках света и думал о том, что нечто подобное когда-то было: такой же предгрозовой вечер, настороженный шорох волны, ощущение близкой опасности и сознание неизбежности ее, смутное томление сердца. Где это было? На Эбро? Нет. И не в Мадриде. Он вспомнил: это было в концентрационном лагере Аржелос, на самом берегу Средиземного моря, во Франции, когда он готовился к побегу и ему помогла… гроза. А сейчас в прицеле Рубен увидел серо-зеленые шинели фашистов.

Они лезли без устали.

«Далековато», — подумал Рубен и громко крикнул:

— Спокойно, ребята! Без команды не стрелять!

Пыль, поднятая мотоциклами, не давала возможности определить силы противника, а неизвестность — самая неприятная вещь. Рубен осмотрел линию своей обороны: позиции отрыты добротно, люди и материальная часть укрыты и замаскированы хорошо, два правых пулемета дают возможность вести сосредоточенный фланговый огонь.

Порыв ветра отогнал пыль, и Рубен успел заметить четыре мотоцикла и три автомашины с гитлеровцами. Это были передовые разведывательные подразделения.

Километрах в трех-четырех за ними шла более сильная колонна противника. Враг направлялся на мост через Березину.

«Не торопись, подпусти ближе, — шептал сам себе Рубен, — ближе, ближе… еще ближе…»

Уже отчетливо виден первый мотоцикл. Водитель в большой квадратной каске с рожками сосредоточенно глядел вперед. Широко расставленные и согнутые в локтях руки уверенно держат руль. Этот заморыш чувствует себя завоевателем мира. Еще более самоуверенный и наглый вид у второго немца, сидящего в коляске. Без каски, с закатанными по локоть рукавами френча, он, развалясь на сиденье, лениво смотрит по сторонам, попыхивая сигаретой. Его рыжая шевелюра ярко горит на солнце. Вот его подбросило на ухабе, он что-то сказал водителю, и они засмеялись.

В мысли Рубена назойливо вплетались слова из фашистской песни, слышанные им еще в Испании: «Мы идем, четко отбивая шаг, пол-Европы у нас под ногами…»

«Еще ближе… еще… сейчас мы покажем вам «Европу под ногами».

В сторону вражеской колонны взвилась красная ракета.

— Огонь! — крикнул Рубен. В эту команду он вложил всю свою ненависть к захватчикам.

Огонь пулеметов и винтовок слился. Слева ударила пушка. И первое, что увидел Рубен, — это перевернутый мотоцикл с бешено вращающимися колесами. Гитлеровцы разбегались, ища укрытия, падали, и многие уже не поднимались. Горела одна из автомашин.

Вражеские солдаты были ошеломлены. Более тридцати трупов валялось у дороги, а уцелевшие «завоеватели», беспорядочно отстреливаясь, побежали назад. Но не тут-то было! От пулеметного огня далеко не уйдешь. Меткие очереди настигали беглецов. «Дранг нах Остен» для этого подразделения не состоялся.

Но Рубен знал, что это только начало. Уже видно было, как с ходу разворачиваются в боевые порядки подходящие подразделения. На наших позициях с воем зашлепали мины.

Со стороны противника раздался басистый клекот крупнокалиберного пулемета. А вот и новые цепи атакующих. Они приближались, не стреляя.

— Огонь! — снова подал команду Рубен, и снова заговорили «максимы».

Рубен приподнялся. Совсем рядом роем метнулись искры, и он успел подумать: пулемет. Случайной такая очередь быть не могла.

Впрочем, особого вреда очередь не принесла. На Рубене рвануло гимнастерку, обожгло плечо. Он выбросил вперед руку; боли не было, значит, царапина, главное, чтобы не задело кость…

Сержант Аставский рядом ругнулся и сказал обиженно:

— Ухо продырявили, шельмы! Ну, я за ухо… повытрясу мозги!

И тут же увидели надвигающиеся танки: один, два… десять, тридцать…

Первый танк показался Рубену огромным, наверное, потому, что солнце уже зашло за горизонт. Это было последнее, что он видел на Березине…

— Раненый не приходил в сознание?

Пожилая сестра приподнялась, пошатнулась и села: было тесно, и вагон резко покачивало на стыках.

— Он бредил, — сказала сестра. — Все время вспоминал какую-то девушку.

Доктор улыбнулся:

— Не ново… В соседнем купе солдат вспоминает Вареньку, в другом — Наташу. Наполнение пульса улучшилось. Значит, любимая видится ему к добру. Нужно еще раз перелить кровь.

Рубен пришел в себя.

— Девушка, — повторил он. — Какая девушка? Это был мой друг. Почему он молчит? Он ушел?

Рубен почувствовал, как медсестра в белом халате медленно стала расплываться, и вскоре ее очертания исчезли. Вместо нее он увидел голубое-голубое небо и родительский домик, старенький, обветшалый.

Было раннее утро, когда он вышел за калитку. Соседи сначала громко разговаривали в переулке, а потом умолкли. Рубен понял, они умолкли потому, что он вышел и они заметили его.

— Смотрите, вот вышел Рубен Руис, — сказала бабушка Хосефина, та самая, что постоянно вязала на крылечке чулок и курила.

— Он еще совсем малыш и не знает, что такое тюрьма.

— Пусть бы он не знал ее до века, — сказал сосед-плотник.

Бабушка Хосефина поднесла к глазам уголок фартука.

— Жаль, он узнает ее очень скоро, когда понесет с матерью передачу.

Плотник подошел к мальчику, поднял на руки. У него была всклокоченная рыжая борода, и, когда она коснулась его щеки, Рубену захотелось смеяться.

— Ты пойдешь к отцу, малыш?

— Пойду.

— А знаешь, где он находится?

— Знаю. Это серый дом. Там у ворот солдаты.

— За что же он арестован, Рубен?

Что мог ответить мальчик? Трое неизвестных ворвались ночью, приказали отцу одеться и куда-то увели, а теперь все называют это новым словом — арест.

Впрочем, ему было совсем неплохо: взрослые жалели его, соседские мальчишки не задирались. Они говорили друг другу, будто по секрету: «У этого мальчика арестован отец», и Рубен понял, они были готовы подраться за него с другими ребятами.

Теперь, когда отец ушел и не вернулся, мама не оставляла его и сестренку Амаю дома одних. Амая была совсем маленькая, даже разговаривать не умела — только пищала, и мать боялась, что они будут бояться или натворят какой-нибудь беды.

Как приятно вечером уходить с мамой в город, видеть, как зажигаются над площадью фонари, встречать незнакомых приветливых людей, которые знали маму и она знала их, и

каждого запросто называла товарищем.

Они собирались в большом деревянном доме старого шахтера. Темный дом этот, сложенный из камня, был холоден, гулок и пуст: на его дверях, широких, как ворота, висел ржавый замок. Пониже замка поблескивала свинцовая капля: ее называли пломбой и говорили, что дом опечатан полицией.

Но кроме большой двери в доме была еще одна, маленькая, со двора. Стоило маме пожелать, она могла открыть эту дверь; у нее хранились ключи.

Как интересно было в этом доме: стукнешь — кто-то сразу же стукнет в ответ; скажешь слово — кто-то повторит его еще громче.

Но женщины и мужчины, которые приходили сюда с мамой, старались не шуметь, не стучать и разговаривать вполголоса. Ему очень бы хотелось знать, о чем они говорят до поздней ночи, и он вертелся у стола, проскальзывал меж чьих-то ног, слушал непонятные слова: капитал… штрейкбрехеры… стачка…

Дома каждую свободную минуту мама читала книги. Она приносила их откуда-то в корзине, осторожно выкладывала на подоконник, становилась серьезной, хмурилась или улыбалась. Можно было подумать, что среди этих книг у нее были друзья и враги, знакомые, которых приятно встретить, и «незваные гости», как называла она тех троих, что увели отца… Но и незваных гостей среди книг она терпела: видно, с ними ей тоже нужно было беседовать.

Иногда Рубен замечал, что мама говорит с ним, а думает о чем-то другом, высматривает кого-то за окошком. Готовит обед — и заглядывает в книгу. Гладит белье, а книга тут же на столе.

Поздно она ложится спать, ночью опять что-то читает. Занавешена лампа, ходики тикают на стене, мама на кухне склонилась над книгой, и страницы тихо шелестят в ее руке.

Он начинал понимать: мама рассказывала шахтерам о том, что прочитала в книгах. Но тут появилась другая загадка: разве в книгах было написано о местной шахте «Эль Ойо», о шахтах Каварона, о Саморростро, и записаны имена людей, что сидели в темном народном доме за широким деревянным столом, прижавшись плечом друг к другу?

Обычно он усаживался перед столом на перекладине и слушал.

Почему же шахтеры так насторожились и притихли? А, вот оно что! Заговорила мама. Она долго молчала, слушала других, а теперь встала. Он тоже притих. Ему было хорошо слышно.

— Вы все уже знаете, что случилось, — сказала она, и ее голос, нежный и сильный, такой один во всем мире, голос мамы

дрогнул, — вчера я была в тюрьме. К мужу меня не пустили. Но товарищи рассказывали через решетку, что ночью мужа вызывали на допрос. Там его сильно били. Когда его притащили в камеру, он был без сознания и весь в крови. Потом он пришел в себя и рассказал, что жандармы били его о стенку головой, а у него носом и горлом шла кровь, и они ни о чем не спрашивали, только кричали: «Это тебе за стачку… за стачку!».

Как же случилось, что мама забыла о нем, о сыне? Она говорила это шахтерам, а ему забыла рассказать. Теперь Рубен вспомнил, что накануне ночью в комнате кто-то плакал. Он спросил у мамы: кто это? И она сказала — ветер…

И он представил себе отца. Он увидел отца таким, каким он был каждый день дома, когда возвращался с работы. Лицо, руки, кожаная фуражка, брезентовая куртка — все покрыто угольной пылью. Он смотрел на сына внимательно, с едва приметной улыбкой, которая замирала в уголках губ.

— Они били тебя, папа? — Он наклонил голову и промолчал. — Почему ты не взял меня в тюрьму? Они бы не тронули тебя. — Отец усмехнулся и поманил Рубена пальцем.

Он не заметил, как выбрался из-под стола. Зачем же вызвал его отец? А, понятно, он не хотел, чтобы увидела мама. Он всегда говорил сыну мягко и строго: «Мы с тобой мужчины, Рубен». Сколько раз он напоминал ему об этом! «Ты ушибся, Рубен? Мужчины не плачут». «Тебя ударил мальчик? Мужчины не дают сдачи». Да, он не хочет, чтобы мама увидела это, а сын мог видеть, потому что Рубен — мужчина, он не заплачет, не закричит.

И мальчик не заплакал. Кровь стекала по отцовским подстриженным усам, по уголкам губ, и Рубен смотрел, как она брызгала на брезентовую куртку, и не мог оторвать глаз…

Вскоре арестовали маму, и они остались одни в доме.

Когда мама возвратилась из тюрьмы после первого ареста, в доме все стало, как прежде, как всегда бывает, если после долгой разлуки снова возвращается мать.

Прошла неделя, не прошла — промелькнула, они сидели за ужином, гостей в тот вечер не было. Весело тараторила Амая о своих маленьких делах, а мать слушала ее, улыбаясь глазами. Она посмотрела на сына, и взгляд ее стал серьезным:

— Я хочу попросить тебя, Рубен… Вот что, поедем со мной в Мадрид.

Ложка сама вырвалась у него из руки. «Мама хочет попросить! Я ослышался, наверное».

— Конечно, поедем… и Амая.

— Нет, — грустно вздохнула мать, — в столице у нас нет

квартиры. Я говорила с бабушкой, она возьмет Амаю на время к себе.

Сестренка хотела заплакать, но Рубен спросил:

— Как, ты не хочешь, чтобы я увидел столицу и все рассказал тебе?

Она притихла.

— Когда же мы поедем, летом?

Мать ответила просто, как говорят: завтра пойдем на рынок.

— Завтра, — сказала она.

Было отчего заплясать и волчком завертеться! Когда на следующий день Рубен попал в Мадрид, он прежде всего заметил группу мальчишек с газетами в руках и пошел к ним.

Через минуту они окружили его шумной стайкой, бойкие, задиристые, сорвиголовы, и стали рассматривать как диковинку.

Кто-то надвинул ему на лоб шапку, а рыжий вихрастый забияка осторожно протянул руку и ущипнул.

Рубен развернулся и влепил ему затрещину. Парнишка отлетел на кучу мусора и сел, пораженный таким оборотом дела.

— Ну, деревня, сейчас будет бой!

— Не деревня, а шахта, — сказал Рубен. — Давай один на один, остальные в сторону.

Рыжий встал, веснушчатое лицо его дрожало от злости, сплюнув сквозь зубы, спросил:

— Шахта. Что за шахта? Ладно, прежде чем я выбью из тебя спесь, разберемся. Откуда такой прилетел — выкладывай.

— Приехал с матерью. Из Бискайи. Она коммунистка. Вот и все.

Ребята переглянулись, кто-то засмеялся:

— Ну и влетело тебе, Рыжик!

Но Рыжик нисколько не обиделся, его ярость будто рукой сняло: он потрогал скулу, посмотрел на пальцы и грозно закричал на ребят:

— Ну что уставились? Может, хотели, чтобы мы сразу целоваться начали. Эх, лопухи. — Он положил ему на плечо руку, слегка повернул, остался доволен.

— Шахтеров уважаю. Будешь работать с нами.

— Что делать?

— «Мундо Обреро» распространять. Заметь, я не говорю: продавать газеты. Торговцы, те продают, а мы распространяем.

— Конечно, буду, — обрадовался Рубен. — И ты извини меня — вижу, ты хороший парень.

Когда Рубен рассказал матери о происшествии, она ничего не сказала: только тоненькая жилочка билась у ее виска.

Потом она встала, положила Рубену на колено руку и

поцеловала в лоб.

…Рубен очнулся, когда поезд остановился на каком-то полустанке. Он вспомнил последний бой у Березины.

Шесть часов подряд гремел неравный бой, и шесть часов отважные пулеметчики Рубена Руиса Ибаррури удерживали мост, не давая противнику переправиться через Березину. За это время подразделения полка отошли на указанный рубеж, подготовились встретить фашистов.

Здесь, у моста, Рубен был тяжело ранен. Один из танков, подошедших на помощь, подобрал его и вывез.

За этот подвиг в сентябре 1941 года Михаил Иванович Калинин вручил молодому лейтенанту Рубену Руису Ибаррури орден Красного Знамени.

Он, испанец, свою первую награду получил на русской земле, обороняя мост через реку Березину. Я, русский, первым таким же орденом был награжден в Испании, отстоял от неприятеля мост на реке Мансанарес!

Тяжелое ранение, полученное под Борисовом, требовало длительного лечения, и Рубен очень страдал от вынужденного бездействия.

> «Всего больше меня удручает то, что мне пришлось покинуть фронт, — пишет он матери из госпиталя 8 июля 1941 года, — ибо у меня безумное желание уничтожить этих разбойников.
>
> Еще раз говорю тебе, мама, что считаю для себя счастьем и гордостью иметь возможность сражаться в рядах великой и непобедимой Красной Армии против жандарма человечества. Я уверен, что здесь он сломает себе зубы…»

В такие минуты мать всегда была для него лучшим советчиком. Рубен многое передумал. Мир, жизнь виделись ему теперь по-иному. Мать с нетерпением ждала от сына очередного письма, и оно приходило.

> «…Я рад, — писал он в другом письме матери, — что из нашей дивизии тебе сообщили мой новый адрес. Вот уже несколько дней все собираюсь написать тебе письмо, но сначала решил увериться в своем здоровье, а теперь, когда убедился, что здоров и снова смогу воевать, пишу тебе в полном душевном спокойствии.
>
> Так сложились обстоятельства, мама, что из Москвы я уехал на Запад, на славную реку Березину, но это письмо ты получишь с Востока, из древнего уральского

города Уфы, где столько зелени и солнца!

Меня окружают хорошие люди, внимательные и добрые, а в палате со мной находится мой фронтовой товарищ, учитель-белорус, человек глубокий, простой и откровенный.

Вижу, что много времени было потрачено напрасно. Ты всегда старалась заинтересовать меня книгами, а меня тянуло к ребятам, на шахты, в горы. Впрочем, ты сама знаешь, что книги, кроме библии, в наших шахтерских семьях были редки и ученостью у нас не хвалились. Теперь совсем другое дело: только отвоююсь, начну учиться. Есть у меня тайная, хорошая мечта: стану механиком. Знаю, что это не легко, но у меня достаточно упорства, изучу десятки машин, гору учебников перечитаю, а своего добьюсь.

Ты представляешь, какое это увлекательное дело — управлять очень сложной машиной, даже серией машин, вслушиваться в биение их железного пульса, знать, что происходит в каждом узле и узелке, и, главное, помнить, все время сознавать, какую громадную работу вместе с нею, с машиной, ты исполняешь за сотни, за тысячи людей.

Я немного отвлекся, мама, но не рассеянность тому виной, — с кем мне поделиться, как не с тобой, заветными мечтами. Будь это в мои детские годы в Саморростро, ты могла бы только посочувствовать мне. А здесь, на новой нашей Родине, мечта и реальность — рядом. И никто не удивится. Больше того — помогут. Академиком… Может, посмеются, а все же скажут искренне: шагай, добивайся, дерзай. Вдумайся хорошенько в это».

Рубен не мог больше оставаться в тылу. С еще незажившей раной он уезжает из Уфы в Москву за назначением.

И снова фронт, жестокие бои, изнурительные походы по нелегким дорогам.

Шел 1942 год. Немецко-фашистские войска, имея превосходство в технике и вооружении, стремительно рвались к Волге. 13-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии, которой я командовал в то время, вместе с другими соединениями 62-й армии приказали остановить врага. Предстояли жестокие бои. За несколько дней до переправы через Волгу я, адъютант и начальник артиллерии полковник Барбин выехали в район Сталинграда для изучения местности по

западному берегу реки.

Пробираться по фронтовым дорогам трудно. Беспрерывно, колонна за колонной, двигались машины с продовольствием, боеприпасами, автоцистерны с горючим. Шли танки, артиллерия, пехота. Обгоняя колонны, наша машина на одном из разъездов недалеко от станции Котлубань на большой скорости сползла в кювет. Мы выскочили и стали помогать шоферу. Но как ни старались, результаты были плачевными. Я вышел на дорогу, остановил одно из подразделений и попросил сержанта помочь.

— Есть, товарищ генерал! На руках вашу красавицу вынесем. — И он отдал приказание. Рослые ребята, оставив пулемет, быстро вытащили машину.

— Эге-ге… Где это, браток, вашу «эмку» дуршлагом сделали? — стряхивая глину, спросил шофера один из солдат.

— Восемьдесят пять пробоин, как есть, — ответил наш водитель. — Это визитные карточки фрицев.

— Омбре, кэ киерис ту?[4] — вдруг услыхал я за спиной и обернулся: какой-то лейтенант о чем-то по-испански говорил с сержантом.

Увидев меня, он четко бросил руку к козырьку фуражки, и… его черные как смоль брови поползли вверх.

— Омбре, товарищ генерал, это вы?

— Рубен?

Мы крепко обнялись, расцеловались. Бойцы пулеметной роты окружили нас и с большим удивлением смотрели на меня и своего командира. Многие думали, что генерал просто благодарит командира за то, что его продырявленную «эмку» вытащили на дорогу.

Я поздравил Рубена с высокой правительственной наградой, звал к себе в 13-ю гвардейскую.

— Благодарю, — ответил Рубен. — Я привык к своим бойцам, а там дело командования.

Это был уже не тот юный Рубен, которого я знал раньше. Заметно повзрослевший, возмужавший. Лицо его было осунувшимся и бледным.

— Много прошагали? — спросил я его.

— Да уже скоро сутки, как идем. Осталось немного — пятнадцать-двадцать километров.

— Как твоя рана?

— Рана-то заживает, — улыбнулся он веселой и такой знакомой улыбкой. — Однако, товарищ генерал, не заживет боль от утраты боевых друзей. Много хороших парней схоронили. Вот и в роте, которой мне поручено командовать, самому старшему двадцать. Но они идут в бой с полной решимостью, со знанием

дела, а если потребует обстановка — и жизни не пожалеют.

И он заговорил о зверствах, чинимых фашистами.

— Хочется скорее в бой, руки чешутся. Так бы и схватился с этими разбойниками.

— Желание у вас хорошее, но не торопитесь. Война теперь не та, что была в Испании. Гитлер сосредоточил сейчас против нас экономику, технику и вооружение всей Европы. Хочет в мире установить «новый европейский порядок».

— «Новый порядок», — он хмыкнул. — Расстрел женщин, стариков и детей — это «новый порядок»? Сожженные города, деревни — это «новый порядок»? Нет! Это варварство, обдуманное, заранее спланированное и потому более страшное, чем вандализм азиатских дикарей Батыя и Чингисхана. И мы должны навсегда с ними покончить. — Он обвел взглядом своих солдат. — И мы навсегда покончим. Силища у нас неимоверная.

Я поблагодарил Рубена за помощь, пожал руку и сел в машину. Мы расстались на долгое время. В Сталинграде я еще раз услышал о нем.

Как-то в разгаре боев в штаб заглянул Евгений Долматовский и весело бросил:

— Есть новость, Александр Ильич. У вас где-то поблизости земляк воюет.

Мой собеседник немного потомил меня, а потом выпалил:

— Рубен Ибаррури!

— Знаю, — ответил я. — Он еще покажет себя. Четвертая встреча с Рубеном Ибаррури состоялась весной 1965 года. Я пришел к нему в мирные дни, после митинга, посвященного 22-й годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. На мраморной плите величавого памятника была закреплена фотография. Ниже подпись:

«Герой Советского Союза Рубен Руис Ибаррури, погиб смертью храбрых под станцией Котлубань».

— Здравствуй, Рубен! Вот мы и свиделись. Посмотри кругом: земля наша теперь свободна. То, о чем ты мечтал, сбылось — «коричневая чума» уничтожена. Вечная память тебе, друг!

Вместе с маршалами, генералами, офицерами и солдатами мне выпала честь возложить венок у подножия памятника погибшим защитникам Сталинграда. Это и тебе, Рубен, наш венок.

Несколько лет тому назад у меня состоялась неожиданная встреча. По телефону позвонила незнакомая женщина.

— Мария Тузикова, — представилась она. — Я работала санитаркой в госпитале под Сталинградом. У меня на руках умер

Рубен Руис Ибаррури.

Через несколько дней она сидела у меня дома и рассказывала о последних часах Рубена.

Его привезли в маленький госпиталь, который располагался в Ахтубе. Рубен был без сознания. Его положили в отдельную комнату. По опыту она знала, что ранение его смертельно. Лейтенант метался. Черные волосы слиплись. Пересохшими губами он все время повторял: «Мама… мама… жизнь, пить хочу».

Это были его последние слова. Не приходя в сознание, он скончался. Прилетевший из Саратова профессор уже не застал его в живых.

Впоследствии от Долорес Ибаррури я получил книгу «Единственный путь», которая воскресила в памяти многие героические эпизоды борьбы в Испании, помогла встретиться вновь со старыми боевыми друзьями, заставила задуматься о будущем свободолюбивого народа Испании.

И я написал Пасионарии:

> «Ваши воспоминания раскроют многим глаза на истинные события войны в Испании, помогут молодому поколению понять причины поражения, вдохновят на новую борьбу с фашизмом. Убежден, что время освобождения Испании не за горами».

notes

Примечания

1

Кароль Сверчевский (1897—1947) родился в Варшаве, в рабочей семье, был рабочим-металлистом. Во время первой мировой войны эвакуировался в глубь России. В 1917 году вступил в Красную гвардию, принимал участие в Октябрьской революции, в гражданскую войну сражался в рядах Красной Армии. В 1927 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В Испании генерал Сверчевский, известный под именем бесстрашного генерала Вальтера, командовал 14-й интернациональной бригадой добровольцев, потом 35-й интернациональной дивизией, в которую входила и 13-я польская бригада имени Я. Домбровского. Участвовал в обороне Мадрида, руководил наступлением республиканских войск на реке Эбро.

В дни Великой Отечественной войны Сверчевский — в рядах Советской Армии, а после возникновения в 1943 году Союза польских патриотов принял активное участие в организации Польской армии в СССР. Был заместителем командующего 1-м корпусом, затем заместителем командующего 1-й Польской армией, а с 1944 года командующим 2-й армией Войска Польского. После войны генерал Сверчевский был заместителем министра обороны Народной Польши, 28 марта 1947 года предательски убит фашистскими агентами империализма.

2

Поррон — национальная испанская посуда, из которой пьют вино.

3

Под этим именем в республиканской Испании сражался Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

4

Человек, что ты хочешь?